

Философия П права

№ 2 (97)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2021

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Анохин Ю.В., Янгаева М.О.

К ВОПРОСУ О MITM-АТАКЕ КАК СПОСОБЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ 7

Сальников Е.В.

РАСА КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 14

Иванова С.И., Сорокун Н.С., Лавренко А.В.

ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ УБЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ 21

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Касаткин С.Н.

КОНЦЕПТ «ВНУТРЕННЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ» В КРИТИКЕ ПОЗИТИВИЗМА
ДЖ. ФИННИСОМ И Р. ДВОРКИНОМ: ОЧЕРК ПОЗИЦИЙ 27

Небратенко О.О.

ДОКТРИНА СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ 33

Овчинникова О.Д., Шаганян А.М.

«ГЕРМЕНЕВТИКА» И «ЭКЗЕГЕТИКА» КАК ОРИГИНАЛЬНЫЕ (НЕТИПИЧНЫЕ)
ПОДХОДЫ К ТОЛКОВАНИЮ ПРАВА 39

Селютина Е.Н., Холодов В.А.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ
УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 43

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рожковский В.Б.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРАВА И ХРИСТИАНСКИЕ
ПРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ 49

Коллангай В.А., Копытко П.П.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА)
В ДИСКУРСЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 54

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Пушкарев Е.А.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 59

Лапатников М.В.

СЛЕДСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ 64

Парфиненко И.П.

КОРРУПЦИЯ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК УГРОЗА
ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 70

Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Напханенко И.П.

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКТИРОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В УСЛОВИЯХ «ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ВОЙНЫ» 75

ДУХОВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Инкижекова М.С.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 82

Шинкевич В.Е.

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОРЫ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО
ЗДОРОВЬЯ ОБЩЕСТВА 88

Беседа И.И.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 93

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Росинский С.Б.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
ВЕРБАЛЬНОГО И «НЕВЕРБАЛЬНОГО» СПОСОБОВ ПОЗНАНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 99

Кобец П.Н., Билык В.И.	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ МВД РОССИИ – ВАЖНЕЙШАЯ ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ ...	107
Виноградов А.С., Диденко Н.С.	
СООТНОШЕНИЕ КОНТРОЛЬНЫХ И НАДЗОРНЫХ ФУНКЦИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	112
Зиновьева Н.С., Пахомов С.В.	
К ВОПРОСУ ОБ ОБНАРУЖЕНИИ, ИЗЪЯТИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕОБРАЗОВАННОЙ МЕТОДАМИ КРИПТОГРАФИИ, В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	117
Кузьмин М.Н.	
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	122
Осяк В.В., Алескеров В.И., Колокольчикова О.Н.	
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	127
Солонникова Н.В.	
ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	132
Шараева Я.А.	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ	136
Чернышов А.Г.	
ЗНАЧЕНИЕ ИНДИКАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ОЦЕНКЕ ФАКТОРОВ БЕЗОПАСНОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	140

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Бавсун М.В., Бавсун И.Г.	
РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА	144
Москаленко С.Г.	
СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ТИПОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ФУНКЦИИ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	149

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В.	
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «СЕМЕЙНОЕ ПРАВО» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ	154
Ищенко Д.П., Ищенко Г.К., Григорян Д.К.	
ОРУЖИЕ КАК СРЕДСТВО КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ	161
Капранов А.В., Кудовба О.Н.	
О КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВАХ, ОГРАНИЧИВАЕМЫХ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ	170
Котельникова О.А., Загорьян С.Г.	
ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИОННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	176

Главный редактор: **К.А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент
Заместитель главного редактора: **С.В. Пахомов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ерыгин, д-р филос. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Понделков, д-р полит. наук, проф.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-35
Электронная почта: guiperiodika@mvd.ru
Официальный сайт журнала: <https://рюи.мвд.рф>

Индекс по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 79848.

Цена по подписке по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 500 рублей (2 номера).

Выпускающий редактор: Е.А. Ковжого
Компьютерный набор и верстка: Е.Е. Пелехатая

Подписано в печать 25.06.2021. Выход в свет 28.06.2021.
Формат 60x84 1/8. Объем 23 п. л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 21,39. Тираж 300 экз. Заказ № 72.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Anokhin Yu.V., Yangaeva M.O. TO THE QUESTION OF THE MITM ATTACK AS A MODUS OPERANDI IN THE SCOPE OF COMPUTER INFORMATION	7
Salnikov E.V. RACE AS A LEGAL PHENOMENON	14
Ivanova S.I., Sorokun N.S., Lavrenko A.V. MORAL ASPECTS OF THE USE OF PERSUASION AND COERCION IN CRIMINAL LAW	21

LEGAL UNDERSTANDING AND LEGAL DOCTRINE

Kasatkin S.N. A CONCEPT OF «INTERNAL POINT OF VIEW» IN CRITICISM OF POSITIVISM BY J. FINNIS AND R. DWORKIN: AN OUTLINE OF POSITIONS	27
Nebratenko O.O. THE DOCTRINE OF THE CORRELATION OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF RUSSIA	33
Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M. «HERMENEUTICS» AND «EXEGESIS» AS ORIGINAL (ATYPICAL) APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF LAW	39
Seliutina E.N., Kholodov V.A. PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL WRITING IN THE REVOLUTIONARY CONDITIONS OF THE SOVIET STATEHOOD FORMATION	43

RELIGIOUS LEGAL RESEARCH

Rozhkovsky V.B. THE EXISTENTIALIST APPROACH TO THE UNDERSTANDING OF LAW AND CHRISTIAN MORAL AND LEGAL VALUES	49
Kollantai V.A., Kopystko P.P. LEGAL IMMUNITY OF THE PRIEST OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (MOSCOW PATRIARCHATE) IN THE DISCOURSE OF THE CIVILISTIC PROCESS	54

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE STATE LEGAL POLICY

Pushkarev E.A. DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF SOVEREIGN DEMOCRACY IN RUSSIA: THEORETICAL ANALYSIS	59
Lapatnikov M.V. INVESTIGATIVE PROSECUTION AS A FACTOR OF THE RUSSIA'S ECONOMIC DEVELOPMENT	64
Parfinenko I.P. CORRUPTION IN PUBLIC AUTHORITIES AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY	70
Tishkin D.N., Babenko S.V., Napkhanenko I.P. POSSIBLE DIRECTIONS OF ADJUSTMENT OF THE STATE POLICY OF RUSSIA AT COMBATING ORGANIZED CRIME IN THE CONDITIONS OF «ORGANIZATIONAL WAR»	75

SPIRITUAL AND SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF LAW

Inkizhekova M.S. CUSTOMARY LAW IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS	82
Shinkevich V.Ye. LEGAL AWARENESS AND LEGAL CULTURE AS FACTORS OF ASSESSMENT OF SOCIAL HEALTH OF SOCIETY	88
Beseda I.I. TO IMPROVE LEGAL CULTURE OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT	93

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST CRIME

Rossinskiy S.B. EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF VERBAL AND «NON-VERBAL» WAYS OF COGNITION IN CRIMINAL PROCEEDINGS	99
Kobets P.N., Bilyk V.I. IMPROVEMENT OF THE STATE SOCIAL POLICY IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IS THE MOST IMPORTANT COMPONENT OF THE FIGHT AGAINST CRIME	107
Vinogradov A.S., Didenko N.S. THE RATIO OF CONTROL AND SUPERVISORY FUNCTIONS IN THE CONDUCT OF AN INQUIRY BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES	112
Zinovieva N.S., Pakhomov S.V. ON THE ISSUE OF DETECTION, SEIZURE AND USE OF COMPUTER INFORMATION TRANSFORMED BY CRYPTOGRAPHY METHODS IN THE COURSE OF CRIME DETECTION AND INVESTIGATION: PROBLEM STATEMENT	117
Kuzmin M.N. PROBLEM ASPECTS OF PRELIMINARY INVESTIGATION BY INVESTIGATORS WHEN APPOINTING FORENSIC EXAMINATIONS AND WAYS OF THEIR SOLUTION	122
Osyak V.V., Aleskerov V.I., Kolokolchikova O.N. MODERN ASPECTS OF COUNTERING CRIMES OF TERRORIST AND EXTREMIST DIRECTIONS MADE WITH THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES	127
Solonnikova N.V. PECULIARITIES OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED BY MINORS	132
Sharaeva Ya.A. SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE INQUIRY PRODUCTION IN AN ABBREVIATED FORM	136
Chernyshov A.G. THE VALUE OF INDICATIVE RATES IN ASSESSING THE SECURITY FACTORS OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES	140

PHYLOSOPHIC AND LAW DIMENSION OF STATE POWER

Bavsun M.V., Bavsun I.G. IMPLEMENTATION OF THE IDEAS OF CONSTITUTIONALISM IN POSTMODERN SOCIETY	144
Moskalenko S.G. THE SPECIFICS OF THE CONCEPTUAL AND FUNCTIONAL CORRELATION OF PROVISION TYPES OF THE POLICE FUNCTION AS THE DOMINANT FEATURE OF THE EVALUATION OF THE RUSSIAN STATEHOOD	149

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT

Rybalka E.A., Kazantseva E.V. TO THE ISSUE OF NECESSITY OF STUDYING THE DISCIPLINE «FAMILY LAW» IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA	154
Ishchenko D.P., Ishchenko G.K., Grigoryan D.K. WEAPONS AS A MEANS OF CRIMINALIZING CRIMINAL ACTIVITIES	161
Kapranov A.V., Kudovba O.N. TO THE ISSUE OF CONSTITUTIONAL RIGHTS RESTRICTED IN THE APPLICATION OF MEASURES TO ENSURE THE PROCEEDINGS IN THE CASE OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE	170
Kotelnikova O.A., Zagoryan S.G. FEATURES OF CORRUPT AND DANGEROUS BEHAVIOR OF THE LAW ENFORCEMENT OFFICERS	176

Анохин Юрий Васильевич
Anokhin Yuri Vasilievich

заместитель начальника института (по научной работе) Барнаульского юридического института МВД России
доктор юридических наук, профессор.

Deputy Head of the Institute (for scientific work), the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Doctor of Law, Professor.

Янгаева Марина Олеговна
Yangaeva Marina Olegovna

старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, the Department of Forensic Science, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, PhD in Law.

E-mail: marina-yo@mail.ru

К ВОПРОСУ О MITM-АТАКЕ КАК СПОСОБЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

To the question of the MITM attack as a modus operandi in the scope of computer information

С опорой на статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2017–2020 гг. в данной статье сфера киберпреступности определена как активно развивающаяся в настоящее время. Авторами рассматривается способ совершения преступлений в сфере компьютерной информации и информационно-коммуникационных технологий – MITM-атака. Иллюстрируются методы MITM-атаки: evil twin, email hijacking, session hijacking, air spoofing.

Ключевые слова: криминалистика, способ совершения преступлений, компьютерная информация, киберпреступник, MITM-атака.

Basing on the statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2017–2020 the authors define the scope of cybercrime as actively developing at present. The authors examine the modus operandi in the scope of computer information and information and communication technologies – «MITM attack». The article illustrates such MITM attack methods as: evil twin, email hijacking, session hijacking, air spoofing.

Key words: forensics, modus operandi, computer information, cybercriminal, MITM attack.

В современном мире большую роль в жизни людей играют информация и способы ее передачи. Все мы прямо или косвенно связаны с информационно-коммуникационными технологиями.

Проанализировав статистику Министерства внутренних дел Российской Федерации, приходим к выводу, что с каждым годом киберпреступлений становится все больше. В 2017 году было зарегистрировано 90 587 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [7], в 2018 г. – 174 674 [8], в 2019 г. – 294 409 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в

сфере компьютерной информации, направлено в суд – 57 221 [9], а в 2020 г. – 510 396, направлено в суд – 82 977, остальные 87 % так и остаются нераскрытыми [10].

В статье рассматривается один из самых старых, но не менее популярный в настоящее время, способ совершения преступлений в сфере компьютерной информации – MITM-атака (Man in the middle) или иначе «Атака посредника».

К сожалению, понятие «MITM-атаки» не рассматривается ни в одном нормативном правовом акте России, однако специалисты в области информационных технологий предлагают свои варианты определения данного термина.

А.Э. Арзуманян и А.А. Чумаков считают, что «MITM-атака – это такой вид воздействия, при котором злоумышленник вклинивается в информационную сеть, связывающую конечного пользователя с некоторым информационным ресурсом» [2, с. 38].

Считаем возможным рассматривать MITM-атаку, как деятельность киберпреступника, направленную на изменение (или ретрансляцию) данных между сторонами, осуществляющими передачу данных либо выдачу себя за одну из сторон (рис. 1).

воров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ) [1].

Традиционно в криминалистике под способом совершения преступления понимают «систему действий по подготовке, совершению и сокрытию общественно опасного деяния, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности, которые могут быть связаны с использованием соответствующих орудий, средств, условий места и времени» [3, с. 16–17].

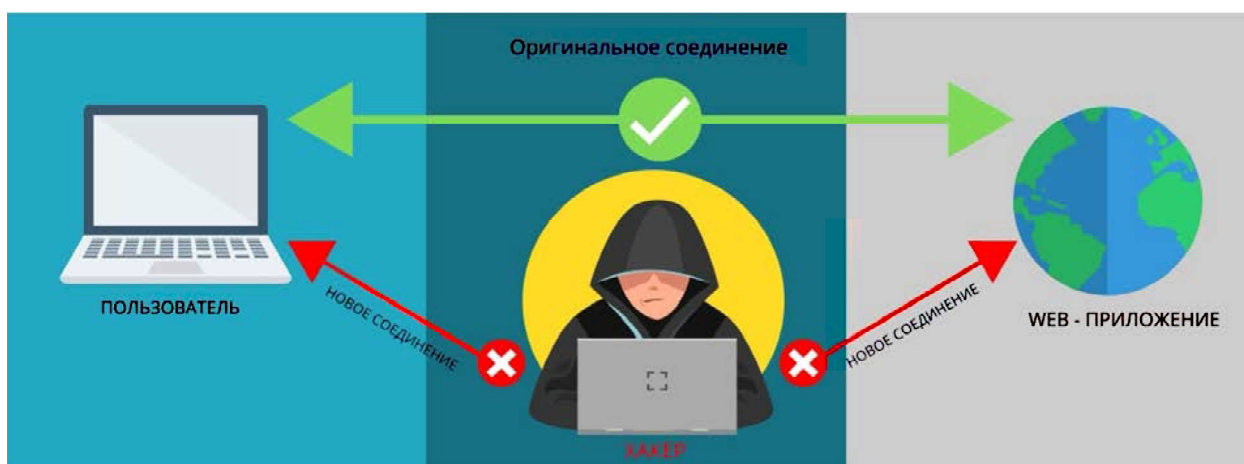

Рис. 1. MITM-атака

Целью MITM-атаки является хищение личной информации (учетные данные для входа в личный кабинет, номера платежных карт), шпионаж, подрыв работы системы и др.

Пострадавшими от такой атаки становятся пользователи финансовых приложений, SaaS-предприятий, коммерческих сайтов и иных веб-сайтов, для входа в которые требуется авторизация.

Сегодня с помощью MITM-атаки можно совершить следующие общественно опасные деяния: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ); нарушение тайны переписки, телефонных перего-

Необходимо пояснить, что для преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации способом MITM-атаки, свойственна трехзвенная структура совершения преступления.

Такие преступления тщательно готовятся (собирается информация, подготавливается программное обеспечение, подыскиваются соучастники и т.д.), в момент подготовки также продумываются способы сокрытия преступления [4, с. 94].

MITM-атака имеет большой вариатив методов в зависимости от целей и задач. Рассмотрим наиболее распространенные методы манипулирования системами связи с помощью MITM-атаки.

1. Evil Twin – создание киберпреступником контролируемой копии беспроводной точки доступа пользователя, благодаря чему он может отслеживать, собирать, манипулировать любой информацией, которую отправляет пользователь.

При обычном Wi-Fi-соединении клиентское устройство связывается с точкой доступа (рис. 2).

Рис. 2. Wi-Fi-соединение

Киберпреступник сканирует эфир в поисках информации об атакуемой точке доступа: имени точки доступа SSID, номера канала, MAC-адреса. После получения необходимых данных он создает точку доступа с такими же характеристиками. Далее киберпреступник отключает пользователя от оригинальной точки доступа, вынуждая его подключиться к ложной точке доступа. Как только пользователь подключится к фальшивой точке доступа, киберпреступник получит полный контроль над его сеансом Wi-Fi. После этого киберпреступник сможет перехватывать пакеты пользователя, внедрять вредоносное программное обеспечение и т.д.

Киберпреступник также может использовать инструменты для дублирования популярных форм входа на разные сайты или платформы хостинга электронной почты, при этом перехватывать учетные данные в виде обычного текста, пересылать их на реальные веб-сайты и самостоятельно авторизовывать пользователя. Пользователь, в свою очередь, будет думать, что вошел в учетную запись своей электронной почты, но на самом деле все данные были перехвачены киберпреступником.

2. Email Hijacking (взлом электронной почты) – метод MITM-атаки, при которой киберпреступник получает доступ к учетной записи электронной почты пользователя. Далее киберпреступник незаметно отслеживает обмен данными пользователя и использует информацию в преступных целях.

Ярким примером описанного выше метода MITM-атаки послужит случай, произошед-

ший в 2019 году, который позволил киберпреступнику похитить 1 млн долл. [5]. Он изменил электронную переписку и, написав в общем итоге 32 электронных письма в обе стороны, смог перенаправить крупный денежный перевод от китайского фонда израильскому стартапу на свои реквизиты.

Владелец израильского стартапа смог договориться с китайским фондом о перечислении на его банковский счет 1 млн долл. в качестве финансирования начального этапа разработки проекта.

Глава китайского фонда совершил перевод на счет израильского стартапа в своем личном кабинете онлайн-банка.

Через некоторое время после совершения платежа представители банка, обслуживающего китайский фонд, уведомили их, что возникла проблема с одной из транзакций. А владелец израильского стартапа так и не получил ожидаемого денежного перевода. После этого обе стороны связались между собой по телефону, а не как ранее через электронную почту, и поняли, что транзакция была совершена, но не по фактическому назначению, а значит, 1 млн долл. был каким-то образом похищен третьей стороной.

Оказалось, что некоторые их электронные письма, отправленные из фонда в стартап, были изменены и не соответствовали тем, которые реально получили в стартапе. А некоторые письма какая-то из сторон вообще не писала, но на них отвечал кто-то еще.

После скрупулезного сбора оригинальных электронных писем между компаниями

стало понятно, как киберпреступник смог осуществить эту атаку.

По-видимому, за несколько месяцев до совершения первой большой денежной транзакции преступник смог заметить в электронной почте одной из компаний письма, касающиеся предстоящего многомиллионного контракта, и решил использовать эту информацию в своих целях. Вероятно, что все началось именно с наличия у преступника данных о почтовом сервере или пользователе одной из компаний.

Киберпреступник зарегистрировал два новых домена в сети, первый домен был практически таким же, как домен израильского стартапа, но с дополнительными символами в конце имени домена. Второй домен так же был очень похож на домен китайского фонда.

Затем преступник отправил два электронных письма с теми же заголовками, что и в исходной ранее увиденной им переписке. Первое электронное письмо было отправлено китайской компании с поддельного израильского домена, письмо было якобы от генерального директора израильского стартапа.

Второе электронное письмо было отправлено уже в сторону израильского стартапа с поддельного домена китайского фонда, в письме была указана вся необходимая информация, которую ранее в переписке использовал один из менеджеров китайского фонда, занимающийся этим инвестиционным проектом.

Таким образом, киберпреступником была успешно создана сетевая инфраструктура для начала проведения атаки «Man In The Middle». И через некоторое время вся переписка между компаниями стала проходить через домены преступника. А каждое электронное письмо, отправленное одной из компаний, в действительности доставлялось преступнику, который затем просматривал информацию в этом электронном письме, решал, нужно ли редактировать какой-либо контент, а затем пересылал измененное по его усмотрению электронное письмо по нужному месту назначения.

На протяжении всей этой атаки киберпреступник смог успешно отправить (и не быть раскрытым) восемнадцать электронных писем китайской стороне и четырнадцать электрон-

ных писем – израильской стороне. Его беспредельное терпение, скрупулезное внимание к деталям и хорошая осведомленность в ситуации позволили сделать эту атаку успешной.

Однажды, уже во время проведения атаки, глава китайского фонда и владелец израильского стартапа запланировали очную встречу в Шанхае. В последний момент преступник смог отменить это мероприятие. Он отправил электронные письма в каждую из компаний об отмене встречи, предоставив разные правдоподобные причины каждому из руководителей компаний, из-за которых они действительно не смогли встретиться друг с другом. Ведь именно во время такой встречи возможно фактическое совершение транзакции на банковский счет израильского стартапа, для преступника это означало, что его преступный замысел не осуществится.

На данный момент нет информации о том, был ли киберпреступник идентифицирован, пойман или найдены его сообщники, если такие были.

3. Session Hijacking – захват сеанса, также известный как взлом cookie-файлов, еще один метод MITM-атаки, который дает полный доступ к учетной записи пользователя. Когда он входит в свою учетную запись, например, учетную запись в «Сбербанк Онлайн», приложение возвращает cookie-сеанс (фрагмент данных), который идентифицирует пользователя на сервере и дает ему доступ к его учетной записи. Пока пользователь использует токен сеанса, сервер разрешает пользоваться приложением. Как только пользователь покидает приложение или после определенного периода бездействия со стороны пользователя, сервер аннулирует сеанс, и данные уничтожаются из выделенного пространства памяти. Ранее каждый запрос выполнялся независимо без каких-либо сведений о ранее выполненных запросах. То есть пользователю приходилось повторно вводить логин и пароль для каждой просматриваемой страницы. Разработчики создали способ отслеживания состояния между несколькими подключениями одного и того же пользователя, чтобы не запрашивать повторную аутентификацию между каждым переходом в веб-приложении (рис. 3).

Идентификатор сеанса является ключевой частью работы сеанса. Данная строка

Как работает сеанс

Рис. 3. Работа сеанса

случайная, буквенно-цифровая, она пересылается между пользователем и сервером. Если киберпреступник получает идентификатор сеанса, он может самостоятельно войти в учетную запись на веб-сайте вместо пользователя.

После того как преступник захватил сеанс, он обладает всеми правами реального пользователя. Например, покупка товаров онлайн, доступ к личной информации, хищение конфиденциальных данных компании, в которой работает пользователь или хищение денежных средств со счета и т.д. Также преступник может запустить атаку социальной инженерии – «вымогатель», которая зашифрует все ценные данные пользователя.

Рассмотрим распространенные методы перехвата сеанса.

3.1. Session Fixation (фиксация сеанса) – преступник использует уязвимость системы, которая позволяет фиксировать (найти или установить) идентификатор сеанса другого пользователя. Этот тип атаки основан на фишинге. Например, киберпреступник отправляет по электронной почте ссылку, содержащую конкретный идентификатор сеанса. Пользователь кликает на ссылку и входит на веб-сайт. После этих действий пользователя, преступник будет знать, какой идентификатор сеанса им используется.

Приведем пример подобной атаки (рис. 4): Преступник определяет, что `http://www.unsafewebsite.com` принимает любой идентификатор сеанса и не имеет проверки безопасности.

Преступник отправляет пользователю фишинговое письмо со словами: «Привет, Марк!

Атака фиксации сеанса

Рис. 4. Атака фиксации сеанса

Оцени эту новую функцию учетной записи в нашем банке». Ссылка направляет пользователя на <http://unsafewebsite.com/login?SID=1234>. В этом случае преступник пытается зафиксировать идентификатор сеанса на 1234.

Пользователь кликает на ссылку, перед ним появляется привычный для него экран входа в систему. Пользователю кажется, что все в порядке, и он входит в систему как обычно, вводя свой логин с паролем.

Теперь преступник может посетить <http://unsafewebsite.com/?SID=1234> и получить полный доступ к учетной записи пользователя.

3.2. Session Sniffing – киберпреступник использует анализатор пакетов, такой как Wireshark. Он предназначен для перехвата и регистрации пакетов по мере их прохождения через сетевое соединение. Сеансовые файлы cookie являются частью этого трафика, анализ сеанса позволяет преступнику найти их и похитить. Распространенная уязвимость, которая оставляет сайт открытым для прослушивания сеансов, – когда шифрование SSL/TLS используются только на страницах входа. Преступник может использовать анализ пакетов для отслеживания трафика всех пользователей этой сети, включая файлы cookie-сеанса.

4. ARP Spoofing (подмена протокола разрешения адресов (ARP)). Обычно протокол ARP используется LAN (локальными сетями), поэтому этот метод MITM-атаки происходит через LAN. Однако, когда пользователь отправляет ARP-запрос, киберпреступник отправляет ложный ответ. В этом случае преступ-

ник представляет себя устройством, например, маршрутизатором, что позволяет ему перехватывать весь интернет-трафик пользователя.

Приведенный перечень содержит лишь некоторые примеры методов MITM-атаки, используемые киберпреступниками в настоящее время.

По мере того как изощренность MITM-атак из года в год растет, обнаружение этих преступных проявлений становится все труднее и пользователю, и правоохранительными органами. Так как киберпреступник способен модернизировать и подменять передаваемую информацию, а также ограничивать доступ пользователям к информационным ресурсам [2, с. 39].

Большинство преступников пытаются действовать анонимно. Но из-за человеческого фактора они все равно оставляют цифровые (материальные) следы: домены, IP-адреса, SSH-отпечатки, SSL-сертификаты, телефонные номера, скрытые идентификаторы, адреса электронной почты, log-файлы, MAC-адрес и др [6].

Считаем, что образовательным организациям высшего и среднего профессионального образования необходимо ввести в курс «Криминалистика» информацию о MITM-атаках. Для сотрудников правоохранительных органов, расследующих и раскрывающих киберпреступления, рекомендуется своевременно проводить курсы повышения квалификации, обучающие семинары, лекции.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс».
2. Арзуманян Э.А., Чумаков А.А. MITM-атака. Угроза информационной безопасности в РФ // Znanstvena misel journal. 2019. № 33.
3. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.
4. Янгаева М.О. Методы (техники) социальной инженерии, используемые при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 4 (53).

Bibliography

1. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 // LRS «Consultant-Plus».
2. Arzumanyan E.A., Chumakov A.A. MITM-attack. The threat of information security in the Russian Federation // Znanstvena misel journal. 2019. № 33.
3. Zuikov G.G. Criminalistic teaching about the method of committing a crime: abstract of the dis. ... Doctor of Law. Moscow, 1970
4. Yangaeva M.O. Methods (techniques) of social engineering used in committing crimes in the field of computer information // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4 (53).

5. Check Point обнародовала материалы по расследованию кражи \$1 млн, которую успешно совершил хакер с помощью MITM-атаки. URL: <https://habr.com/ru/news/t/479032>.

6. Выйти на след хакера в несколько кликов. URL: <https://vc.ru/group-ib/90233>.

7. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru>.

8. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru>.

9. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru>.

10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru>.

5. Check Point has published materials on the investigation of the theft of \$1 million, which was successfully committed by a hacker using a MITM attack. URL: <https://habr.com/ru/news/t/479032>.

6. Get on the hacker's trail in a few clicks. URL: <https://vc.ru/group-ib/90233>.

7. The state of crime in Russia for January-December 2017 // Official Website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvd.ru>.

8. The state of crime in Russia for January-December 2018 // Official Website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvd.ru>.

9. The state of crime in Russia for January-December 2019 // Official Website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvd.ru>.

10. The state of crime in Russia for January-December 2020 // Official Website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvd.ru>.

Сальников Евгений Вячеславович
Salnikov Evgeni Vyacheslavovich

начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова доктор философских наук, доцент.

Head of the Department of Socio-Philosophical Disciplines, the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

РАСА КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Race as a legal phenomenon

Статья представляет собой исторический анализ специфики закрепления в праве феномена расы. Автор выделяет три основных этапа правовой трактовки расы и расизма. На первом этапе (XVIII – первая половина XX вв.) за расой признавалась реальная биологическая природа, что позволяло утвердить ее в законодательстве ряда стран в качестве юридического основания для правового регулирования доступа групп населения к социальным, политическим, экономическим, культурным и иным благам. На втором этапе (1945–2000 гг.) отрицается биологическая природа расы, раса устраняется из права, становится публично-правовым деликтом, противодействие которому строится на принципе толерантности. На третьем этапе (начиная с 2000 г.) в научный оборот вносится новое понимание расы как социального феномена. Она выступает формой собственности, обладание которой позволило сформировать социальную и правовую системы, скрыто дискриминирующие отдельные группы. В результате раса возрождается в праве в облике характеристик, подлежащих защите от дискриминации, и выступает в качестве основания для придания эксклюзивных прав социальным группам.

Ключевые слова: раса, критическая расовая теория, расовая дискриминация, Black Lives Matter.

The article represents a historical analysis of the specifics of the fixation in law the phenomenon of race. The author defines three main stages of the legal interpretation of race and racism. At the first stage (XVIII – early to mid XX centuries), a race was recognized as a real biological nature, which allowed it to be approved in the legislation of a number of countries as a legal basis for the legal regulation of the access of social groups to social, political, economic, cultural and other benefits. At the second stage (1945–2000), the biological nature of race is denied, race is removed from the law, it becomes a public tort, the counteraction to which is based on the tolerance principle. At the third stage (starting from 2000) a new conception of race as a social phenomenon is introduced into scientific use. It is a form of ownership, the possession of which allowed to form a social and legal systems secretly discriminating against certain groups. As a result, race is revived in law in the guise of characteristics to be protected from discrimination and acts as a basis for granting exclusive rights to social groups.

Key words: race, critical racialism, race discrimination, Black Lives Matter.

Актуальность обращения к анализу расизма как юридического феномена задается рядом факторов. Среди них следует отметить, прежде всего, сохраняющуюся значимость противодействия экстремизму, питательной средой которого в определенных вариантах выступает расизм. Различные субъекты государственной власти, органы местного самоуправления и общественные организации и объединения в разных странах имеют своей приоритетной задачей устранение расовой дискриминации и борьбу с расизмом.

Другим обстоятельством, повышающим актуальность настоящего исследования, выступает рост активности противоправных протестных

акций, идеологическая база деятельности которых опирается на идеи расизма в различных вариациях от поддержки до решительного преодоления. При этом мощь расового противостояния даже в развитых капиталистических странах в начале XXI века отнюдь не снижается, напротив, возрастает, что ярко демонстрируют события 2020 года в США и ряде других стран.

Признавая производность правовой нормы от социальных отношений и сущностных характеристик социального феномена, ею регламентируемого, мы вынуждены задаться вопросом о том, каково же содержание самого понятия расы и соответственно расизма. Анализ многообразной литературы, посвященной

данному феномену как в России [2; 4; 6; 7; 8], так и за рубежом [3; 10] выявляет многоаспектность и неоднородность позиций различных исследователей. Это порождает определенные проблемы правоприменительной практики, когда многообразие исследовательских подходов и трактовок, составляющее научную ценность, в практическом отношении ведет к размыванию предмета, подлежащего правовой регламентации. Иначе говоря, за многообразием позиций не всегда можно четко определить, скажем, применительно к деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, что понимается под расизмом, и каково содержательное пространство тех практик, которым правоохранительные органы должны противодействовать.

Изначально категория расы и расизма формируется в рамках изучения быта и культуры колониальных народов в процессе их открытия и вовлечения в хозяйственную деятельность европейскими народами. На этом этапе исследователи с определенными разногласиями, но все же были едины в понимании того, что раса представляет собой «большую группу людей, которые, обладая общим наследственным комплексом определенных врожденных физических и психических качеств, связаны друг с другом и отличаются от людей других подобных групп» или «группу людей, которая благодаря свойственному ей комплексу физических признаков и психических качеств отличается от любой другой группы людей и всегда воспроизводит лишь себе подобных» [4]. На биологические и культурные факторы указывается и в классических определениях этноса как исторически сложившейся на определенной территории устойчивой совокупности людей, обладающих общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык) и психологии, а также осознанием своего единства и отличия от других образований. При этом еще с классических работ Ж. де Гобино наблюдается единство рассмотрения вопросов этноса и расы, в рамках которого сущностные характеристики отдельных народов сводились к тому или иному переплетению рас.

При этом отношения рас трактовались в социал-дарвинистском ключе через призму борьбы рас за «жизненное» пространство. Соответственно практика расовой дискриминации, то есть предоставления людям разных рас различного набора прав, воспринималась не как негативный, а как позитивный феномен, что нашло свое отражение в праве. Ярким примером выступает законодательство США, рег-

ламентировавшее рабовладение в праве расовыми особенностями. Даже после принятия в 1865 г. тринадцатой поправки к Конституции США, запретившей рабство, расовая сегрегация как правовой феномен сохранялась в различных штатах США вплоть до 60-х годов XX века. Решение Верховного суда США 1896 года по делу *Plessy v. Ferguson* по своей сути повторяло формулу расовой дискриминации, предложенную еще в 1848 году в деле *Roberts v. City of Boston* и утверждало юридическую фиксацию принципа «разделены, но равны», что закрепляло расовую сегрегацию вплоть до обжалования этого решения в 1952 году. Раса выступала вполне допустимым правовым феноменом, формирующим основание для различного доступа к реализации права на образование, труд, свободу передвижения, экономической деятельности и так далее.

Еще в более яркой форме расизм как правовой феномен возникает в расовых законах нацистской Германии. В Законах «О гражданине Рейха» (1935) и «Об охране германской крови и германской чести» (1935) определенные категории людей лишались права на гражданство по расовому критерию. Законодательство Германии, опираясь на принцип расы, в рамках которого толковалась и категория этничности как расовой вариации, ограничивало право на создание семьи, осуществление трудовой деятельности, свободы слова, участия в политической жизни, передвижения и тому подобное. Расовая политика Третьего Рейха привела к массовому уничтожению населения, осуществлению медицинских экспериментов над людьми и ряду подобных практик, преступная природа которых нивелировалась введенным в законодательство юридическим понятием расы, как биологической характеристики, задававшейся происхождением и кровью.

Разгром фашизма и осуждение его теории и практики на Нюрнбергском трибунале и последующих судебных процессах, в совокупности с основанием Организации Объединенных Наций и развитию ряда институтов международного права прав человека, привело к фиксации четкого неприятия прежнего понимания расизма. Еще со второй половины 1930-х годов сама концепция расы подвергалась сомнению, например, в работах Ж. Йерно, объявившего расу не фактом, а исключительно понятием. В конце 1950 – начале 1960-х годов во многом под влиянием работ советских антропологов В.В. Бунака и В.П. Алексеева понятие расы как концепции внутривидовых подразделений

человечества, задающих их несовместимость и неравенство людей, оспаривается. К концу XX века эта позиция получает подтверждение в работах генетиков. Л. Кавалли-Сфорца [11; 12] и ряд других исследователей убедительно доказывает, что понимание расы как биологически несовместимых подвидов человечества не соответствует действительности.

В правовом отношении неприемлемость расизма была утверждена в качестве фундаментального основания новой системы международного права путем закрепления в Уставе ООН и ЮНЕСКО. В 1963 году ООН принимает декларацию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, в которой четко определяет, что всякая теория расового различия или превосходства в научном отношении ложна, в моральном отношении предосудительна, в социальном отношении несправедлива и опасна, и ничто не позволяет оправдывать расовую дискриминацию ни в теории, ни на практике. Декларация в статье 1 осудила дискриминацию в отношении людей по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения как посягательство на достоинство человеческой личности, как отрицание принципов, изложенных в Уставе ООН, как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека, как препятствие к поддержанию дружественных и мирных отношений между государствами и как обстоятельство, могущее нарушить международный мир и безопасность.

В декларации о расе и расовых предрассудках, принятой Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры 27.11.1978 г. утверждается, что все люди принадлежат к одному и тому же виду и имеют общее происхождение. Они рождаются равными в достоинстве и правах, и все они составляют неотъемлемую часть человечества. Все люди, постулируется в статье 1 Декларации, имеют право отличаться друг от друга, рассматривать себя как таковых и считаться такими. Однако многообразие форм жизни и право на различие ни при каких обстоятельствах не могут служить предлогом для расовых предрассудков: ни юридически, ни фактически они не могут служить оправданием какой бы то ни было дискриминационной практики. Важное значение имела ст. 2 Декларации, в которой определялось, что расизм включает в себя расистскую идеологию, установки, основанные на расовых предрассудках. Дискриминационное поведение, структурную организацию и институциональную практику, приводящие к

расовому неравенству, а также порочную идею о том, что дискриминационные отношения между группами оправданы с моральной и научной точек зрения; он проявляется в дискриминационных законодательных или нормативных положениях и в дискриминационной практике, а также в антисоциальных взглядах и актах. Статья 4 заявляла: любое препятствие, затрудняющее свободный расцвет личности и свободную коммуникацию между людьми, основанное на расовых или этнических воззрениях, противоречит принципу равенства в достоинстве и правах; оно является недопустимым.

Трансформация трактовки расы и отказа от признания расы научным понятием, признание несущественности любой отсылки к биологическому неравенству человеческих групп в той мере, в какой это может быть зафиксировано в праве, привело к кардинальному переосмыслению правового содержания понятия расы. Раса теряет свой юридический статус, но его приобретает понятие расизм, расовая дискриминация как ограничение доступа определенной расовой или этнической группы к социальным благам. Если ранее раса была позитивным правовым явлением, задававшим основание норм права, то расизм и расовая дискриминация выступают негативным правовым явлением – деликтом публичного права. Мы не можем здесь употребить категорию «преступление» применительно к расизму и расовой дискриминации, так как не все формы расизма являются преступными. Примером может служить статья 20.3¹ Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, вводящая административную ответственность за возбуждение ненависти или вражды в том числе по расовому признаку.

В содержательном отношении юридическая фиксация расизма шла по пути не столько четкой фиксации сущности и многообразия форм расизма, сколько закреплением нормы толерантности как уважения и равного принятия лиц вне зависимости от их расовой, этнической, религиозной, половой и иной принадлежности и соответствующим запретом на любые практики, нарушающие его. Расизм в юриспруденции фиксировался как нарушение толерантности и определялся через отрицание.

Именно в данном ключе расизм и расовая дискриминация предстают феноменами современного российского права, где в большинстве нормативных правовых документов, начиная с Конституции РФ, не допускается ограничение прав по принципу принадлежности к расе,

вводится административная и уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение достоинства человека по признаку его принадлежности к определенному этносу (расе). Такой подход задавал определенность правоприменительной практики правоохранительных органов, направивших свои усилия на недопущение расовой (этнической) дискриминации именно как деяния, направленного на нарушение прав, унижение достоинства, ограничение доступа к социальным, политическим, экономическим и прочим благам.

В последней трети XX века в среде социально активных американских и британских ученых-гуманитариев возникает и получает распространение критическая теория расы (Critical Race Theory, CRT) [18]. Придерживавшиеся критической расовой теории исследователи выражали сомнение в том, что принимаемые меры в борьбе с расизмом в действительности искореняют дискриминацию.

Признавая справедливость положения об иллюзорности расы как биологической характеристики, Ч. Харрис выдвинул идею расы как формы собственности [17]. М. Дайсон [13] и Д. Фигин [15; 16] развили эту идею, указав, что обладание этой собственностью позволило определенной части населения закрепить ее в социальных практиках, институциональных формах поведения и идеологических конструктах, которые, уже в свою очередь, нашли свое воплощение в праве. Раса есть не столько фактор идентификации личности как биологической особи, сколько возможность или невозможность задавать устойчивые формы социальных отношений и принципы идеологической картины мира на базе обладания некоей исключительной собственностью или отсутствия таковой собственности. Таким образом, по мысли сторонников критической расовой теории, расизм представлен в большинстве социальных практик и нормативных правовых актах как формы поведения одной расы, возведенные сначала в статус правильных в социальном отношении, а потом закрепленных в законах и нормах. Таким образом, расизм становится бессознательным, не рефлекслируемым подтекстом всех общественных норм и приобретает социальную природу. Д. Фигин говорит о расовых рамках как о «сформированном наборе расово окрашенных идей, стереотипов, эмоций и склонностей к дискриминации» [16, p. 25].

В этом смысле, например, социальная иерархия может задаваться не только явным ограничением для лиц с определенным биоло-

гическим отличием, скажем, цветом кожи, к достижению определенных позиций в социальной структуре. Вполне возможна ситуация, когда внешние преграды для занятия должностей и получения статусов отсутствуют, но само положение диктует необходимость действия таким образом, как это действие производил бы человек, принадлежавший к определенной расе. Иначе говоря, представитель чернокожего населения может стать президентом страны, но только в том случае, если начнет выглядеть и поступать как белый.

Опираясь на положение о принадлежности к белой расе как факторе идентичности, Дайсон высказал идею о том, что принадлежность к белой расе как идеология означает систематическую репродукцию концепции белой расы как властвующего, доминирующего субъекта. Первоочередным образом Дайсон указывал на то, что американское общество основано на мифе, что белая раса доминирует и создает порядок, каковое положение стало основой для интеллектуального и культурного обоснования порядка и принципов общества. Обладая властью, представители белой расы внедрили культурные обычаи, политические практики, религиозные верования, стратегии интеллектуальной деятельности и так далее в плоть социального организма в качестве фундамента американской демократии. Эти ценности, отношения, верования, обычаи и практики оказались скрытыми и не отмечались настолько долго, что представители белой расы получили оптимальные условия для утверждения собственного общественного статуса. Сложившиеся социальные условия определялись как нормальные, выступая неким золотым стандартом, тогда как принадлежность к другой расе и идеологии считались отклонением и неестественным поведением.

Рост популярности идей критической расовой теории породил серьезную полемику относительно предлагаемого понимания расы и расизма причем не только в научных кругах, но и в обществе в целом. Ярким воплощением этого является деятельность движения Black Lives Matter в США в 2016–2020 годах, по сути расколовшая американское общество. Не только рядовые граждане, но и часть интеллектуальной элиты резко критично восприняли утверждение о том, что отсутствие эмпирически фиксируемых действий по фактическому ограничению доступа лиц по расовому признаку к социальным или иным благам еще не означает отсутствие дискриминации.

Ярким примером выражения данной позиции может являться импульсивное высказывание президента США Д. Трампа об активисте Black Lives Matter спортсмене К. Капернике, который не вставал, а склонял колено во время гимна США в знак протеста против расовой дискриминации темнокожего населения: «Я думаю, что это большая нехватка уважения и признательности к нашей стране. Может, им стоит поискать другую? Посмотрим, получают ли они где-нибудь 20 миллионов долларов будучи второстепенным квотербеком» [1]. Своим высказыванием Д. Трамп подчеркивал, что спортсмену, который получает двадцать миллионов долларов, невозможно говорить о дискриминации. Сторонники критической расовой теории полагали обратное.

Не вдаваясь в политические аспекты развития движения Black Lives Matter в США и других странах, обратим внимание на то, что в последние годы понимание расизма в рамках критической расовой теории нашло свое воплощение в праве. Речь идет не о правовых системах национальных государств, а о нормативной правовой основе функционирования новых социальных пространств – социальных сообществ в интернете.

Так, в 2019 году одна из крупнейших социальных сетей Facebook в правилах пользовательского соглашения вводит понятие «характеристики, подлежащие защите от дискриминации». Под ними понимаются расовая или этническая принадлежность, национальность, вероисповедание, сексуальная ориентация, каста, пол или гендерная идентичность, а также наличие серьезного заболевания или инвалидность. Введением понятия «характеристики, подлежащие защите от дискриминации» [14], создается правовое основание для не просто ограничения права пользователей на агрессивные действия (враждебные высказывания в терминологии Facebook), которые совершенно очевидно нарушали бы принцип толерантности и влекли бы юридическую ответственность в рамках законодательства национальных государств и международного права. В этом смысле ничего нового не несет запрет на агрессивные или унижающие человеческое достоинство высказывания, утверждения о неполноценности или призывы к изоляции или сегрегации.

Однако введенное понятие «характеристики, подлежащих защите от дискриминации» позволяет достигнуть и иных целей. Так, на основании данного положения подвергаются запрету и так называемые «вредные

стереотипы» (в терминологии Facebook), например, такие как:

- утверждения о превосходстве или неполноценности по какой-либо характеристике, подлежащей защите от дискриминации, например: «Я считаю, что мужчины лучше женщин»;
- выражения, подразумевающие отклонение от нормы: «чужак», «ненормальный» и т.п.;
- высказывания, выражающие презрение (в письменной или визуальной форме):
- заявления о том, что характеристика, подлежащая защите от дискриминации, не должна существовать [14].

В результате получается, что социальная сеть запрещает уже не только действия, ограничивающие права людей по расовому признаку, но и собственную социальную позицию человека. Более того, наличие «характеристик, подлежащих защите от дискриминации» позволяет задать отдельным категориям специальное право не подвергаться определенной дискриминации в исключительном порядке. Например, ограничения Facebook содержат запреты на целенаправленные высказывания в письменной или визуальной форме, унижающие человеческое достоинство посредством сравнения, обобщения или описания поведения, которые включают:

- карикатуры на чернокожих людей, в которых с помощью грима создано «черное лицо»;
- евреев и крыс;
- евреев, управляющих миром или контролирующих основные институты общества, такие как средства массовой информации, экономика или правительство;
- мусульман и свиней;
- мексиканцев и червеобразных существ;
- упоминание трансгендерных или небинарных людей в среднем роде («оно») [14].

Не подвергая сомнению обоснованность и оправданность запрета данных действий, нельзя не заметить, что их обособленное упоминание является следствием признания их расы реально существующим социальным феноменом. Это по сути означает возврат расы как позитивного юридического феномена. Расизм как деликт полностью устранил саму расу, полагая недопустимыми дискриминационные действия вообще. Защищая право определенных категорий пользователей от унижений, Facebook не ограничивается старым пониманием дискриминации и толерантности, а возвращает указание на их расовую особенность как социальной группы для обоснования исключительных прав. Это есть возрождение правового статуса расы.

Искусственное выделение, например, запрета сравнения мексиканцев с червями в прежней логике расы как деликта могла породить возражение в стиле – никого нельзя называть червями. В этом отношении А.В. Резникова и А.В. Внуковская абсолютно верно отмечают, что сам хештег «Black Lives Matter» содержит в себе «сегрегации по национальному признаку и стремление акцентировать внимание на дискриминации граждан по цвету кожи» [5, с. 181], но неверно полагают, что его следует заменить лозунгом «All Lives Matter», как более толерантным. Речь в данном случае вообще не идет о толерантности. Речь идет о новой правовой реальности, в которой раса обретает свой правовой статус. В новой логике раса начинает трактоваться как «характеристики, подлежащие защите от дискриминации», то есть социальное явление и через это утверждающие особые права для социальных же групп. Именно мексиканцев по наличию социальной, а не биологической характеристики, подлежащей защите от дискриминации, запрещается сравнивать с червями. Аналогичным образом возрожденная раса ограничивает саму возможность отрицать существование расизма – характеристик, подлежащих защите от дискриминации.

Подобная юридическая трактовка расы не является исключительно единичным примером Facebook. С 22 января 2021 года по очень близким к Facebook нормам начала действовать стриминговая платформа Twitch. Есть все основания полагать, что данная тенденция найдет свое воплощение и в нормах иных сетевых сообществ и национальных государств.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что раса как правовой феномен прошла в своей истории ряд этапов. На начальном этапе (18 – первая половина 20 веков) раса закрепляла в праве признаваемое учеными различие биологических, а, следовательно, и культурных особенностей групп людей (этносов, народов). Юридический феномен расы выступал основанием для ограничения определенных групп лиц в праве на доступ к социальным, экономическим, культурным, политическим и иным благам, ограничивал их права, наделял эксклюзивными обязанностями.

На втором этапе (1945–2000) раса теряет правовой статус, становясь публично-правовым деликтом в форме дискриминационной деятельности. Сам феномен расы объявлялся иллюзорным и неподлинным, а потому не мог

найти своего отражения ни в праве, ни в социальных практиках. Искоренению расы и расовой дискриминации служил принцип толерантности, позволявший создать систему права, не допускающую ограничения прав и свобод человека и гражданина.

На третьем этапе (2000 – наши дни) раса возвращается в право, как «характеристики, подлежащие защите от дискриминации». Раса снова признается реальной, но уже не как биологический, а как социальный феномен, скрытая сущностная характеристика социальной структуры. Отражаясь в таком обличии в праве, раса выступает основанием для предоставления особых прав, по факту обладания расой как собственностью – «характеристикой, подлежащей защите от дискриминации».

Недостаточный учет вышеотмеченной трансформации может иметь серьезные последствия для правоохранительной деятельности. Массовые беспорядки в США в 2013, 2014 и особенно в 2020 годах показывают, какую широкую поддержку может иметь в массах трактовка расы и расизма в стиле критической расовой теории. Решение суда о невинности полицейского Д. Вилсона, застрелившего в 2013 году при задержании темнокожего М. Брауна, вызвало волну недовольств не потому, что оно было противоправным. Нет, по мысли критической расовой теории, оно было законным и потому дискриминационным в силу воплощения в законах логики «белого человека». Аналогичным образом еще более наглядно события развивались в 2020 году, когда смерть при задержании Д. Флойда породила многомесячные протестные акции (погромы, беспорядки, автономные зоны) против скрытых во всей социальной структуре дискриминационных предрассудков и игнорирования «характеристик, подлежащих защите от дискриминации».

При этом отметим, что в силу утраты расы своей биологической природы и обретения социальной сущности протесты и беспорядки могут произойти в любой стране мира и на базе непризнания любой «характеристики, подлежащей защите от дискриминации». Тот факт, например, что в России негров не было, не может служить гарантией против повторения массовых антирасистских протестов на отечественной почве в силу того, что, потеряв биологическую природу, раса теперь обретается на социальных основаниях, легко подверженных манипулятивным влияниям.

1. Весь мир (и особенно спорт) сейчас стоит на колене. Жест Каперника сначала расколол США надвое, а затем стал символом протеста. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/multibrand/2792844>.
2. Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие. М., 2007.
3. Расизм: современные западные подходы / Сост. А. Верховский, А. Осипов. М., 2010.
4. Расы и расизм: история и современность. М., 1991.
5. Резникова А.В., Внуковская А.В. Лозунг «Black Lives Matter» как лингвистический фактор эскалации расовой ненависти и сегрегации по национальному признаку в контексте правового нигилизма // *Философия права*. 2020. № 3.
6. Шнирельман В.А. Очерки современного расизма. Петрозаводск, 2006.
7. Шнирельман В.А. Порог толерантности: идеология и практика нового расизма. В 2-х т. М., 2011.
8. Шнирельман В.А. Расизм: вчера и сегодня // *Миграция в России*. 2013. № 1-2.
9. Шубина М.М. «Культурный расизм» современного общества: изменение понимания феномена расы // *Альманах современной науки и образования*. 2009. № 10-2.
10. Bader V. Rassismus, Ethnizität, Burger-schaft: soziologische und philosophische Überlegungen. Munster, 1995.
11. Cavalli-Sforza L. Genes, Peoples and Languages. New York, 2010.
12. Cavalli-Sforza L., Cavalli-Sforza F. Verschieden und doch gleich. Munich, 1994.
13. Chennault R.E. Giving Whiteness a Black eye: An interview with Michael Eric Dyson. In J.L. Kincheloe, S.R. Steinberg, N.M. Rodriguez, & R.E. Chennault (Eds.). *White reign: Deploying Whiteness in America* // St. Martin's Press. 1998.
14. Facebook. Нормы сообщества. URL: https://m.facebook.com/communitystandards/objectionable_content/?privacy_mutation_token.
15. Feagin J.R. Systemic racism: A theory of oppression. Routledge. 2006.
16. Feagin J.R. The White racial frame: Centuries of racial framing and counter-framing (2nd ed.). Routledge. 2013.
17. Harris C. I. Whiteness as property // *Harvard Law Review*. 1993.
18. Crenshaw K., Gotanda N., Peller G., & Thomas K. Critical race theory: The key writings that formed the movement. 1995.

1. The whole world (and especially sports) is now on its knees. Kaepernick's gesture first split the US in two, and then became a symbol of protest. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/multibrand/2792844>.
2. Kochoi S.M. Racism: criminal-legal counteraction. Moscow, 2007.
3. Racism: modern Western approaches / Comp. A. Verkhovsky, A. Osipov. Moscow, 2010.
4. Races and racism: History and Modernity. Moscow, 1991.
5. Reznikova A.V., Vnukovskaya A.V. The slogan «Black Lives Matter», as a linguistic factor of escalation of racial hatred and segregation on a national basis in the context of legal nihilism // *Philosophy of law*. 2020. № 3.
6. Shnirelman V.A. Essays of modern racism. Petrozavodsk, 2006.
7. Shnirelman V.A. Threshold of tolerance: ideology and practice of new racism. In 2 Vol. Moscow, 2011.
8. Shnirelman V.A. Racism: yesterday and today // *Migration in Russia*. 2013. № 1-2.
9. Shubina M.M. «Cultural racism» of modern society: changing the understanding of the phenomenon of race // *Almanac of modern Science and Education*. 2009. № 10-2.
10. Bader V. Rassizm, ethnizatsiya, Burger-schaft: soziologische und philosophische Überlegungen. Munster, 1995.
11. Cavalli-Sforza L. Genes, peoples and languages. New York, 2010.
12. Cavalli-Sforza L., Cavalli-Sforza F. Verschieden und doch gleich. Munich, 1994.
13. Shenno R.E. Making a black eye white: An interview with Michael Eric Dyson. In J.L. Kincheloe, S.R. Steinberg, N.M. Rodriguez, & R.E. Chennault (Eds.). *White Reign: The Deployment of Whiteness in America* // St. Martin's Press, 1998.
14. Facebook. Community norms. URL: https://m.facebook.com/communitystandards/objectionable_content/?privacy_mutation_token.
15. Feagin J.R. Systemic racism: the theory of oppression. Routledge, 2006.
16. Feagin, J.R. White Racial Frame: Centuries of Racial Framing and Counter-Development (2nd ed.). Routledge, 2013.
17. Harris, S. I. Whiteness as Property // *Harvard Law Review*, 1993.
18. Crenshaw K., Gotanda N., Peller G., and Thomas, K. Critical Racial theory: Key Works that shaped the Movement. 1995.

Иванова Светлана Ивановна
Ivanova Svetlana Ivanovna

начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: ivanova-svetaa@mail.ru

Сорокун Николай Сергеевич
Sorokun Nikolay Sergeevich

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

E-mail: nik-sorokun@yandex.ru

Лавренко Анастасия Витальевна
Lavrenko Anastasia Vitalievna

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.

Lecturer, the Department of Tactical and Special Training, the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: vitalana@inbox.ru

**ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ УБЕЖДЕНИЯ
И ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Moral aspects of the use of persuasion and coercion in criminal law

В статье исследуются нравственные аспекты применения убеждения и принуждения в уголовном праве. Методы убеждения и принуждения имеют сложносоставную структуру, рассматриваются в контексте различных дисциплин, вследствие чего авторами статьи представлены философские, социологические и правовые особенности применения убеждения и принуждения.

Ключевые слова: метод убеждения, метод принуждения, метод государственного управления, нравственность, мораль, правопорядок, права человека, уголовное право.

The article examines the moral aspects of the use of persuasion and coercion in criminal law. The methods of persuasion and coercion have a complex structure, they are studied in the scope of various disciplines, as a result, the authors of the article propose the philosophical, sociological and legal specifics of the use of persuasion and coercion.

Key words: method of persuasion, method of coercion, method of governance, morality, morals, law and order, human rights, criminal law.

Методы убеждения и принуждения возникли в потестарный период государственности [1]. Как институты гражданского, демократического общества, эти методы реализуются, с одной стороны, с целью поддержания общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, с другой – для реализации прав граждан.

Актуальность темы исследования обусловлена социальной, практической и научной значимостью.

Социальные аспекты актуальности темы обусловлены наличием протеста в обществе, порождающего нестабильность между властью и населением, выражающуюся в перманентном нарушении общественного порядка и создании угроз общественной безопасности.

С практической точки зрения актуальность темы заключается в вариативности применения всеобщих, универсальных и традиционных методов убеждения и принуждения,

характерных для любой сферы социального управления, в том числе государственного управления, а также в определении оснований и пределов применения методов убеждения и принуждения как методов воздействия государственно-правового характера

Научная значимость темы объясняется тем, что соотношение методов убеждения и принуждения в конкретных правовых нормах носит проблемный характер, а нравственные аспекты их реализации по сей день являются открытой темой для научной дискуссии [2].

Методы убеждения и принуждения имеют сложносоставную структуру, рассматриваются в контексте различных дисциплин.

В философии рассматриваемые методы коррелируются, как правило, с идеями права и справедливости [3].

В юриспруденции методы убеждения и принуждения применяются в инструментальном смысле: как способы правового воздействия на поведение человека и его взаимоотношения с другими людьми [4].

В социологии – рассматриваются в качестве компонентов культуры наравне с ценностями и символами, совокупность которых позволяет личности взаимодействовать с социальной системой [5].

В любом исследовательском «поле» методы убеждения и принуждения, с одной стороны, рассматривают как способы государственно-правового воздействия на общественные отношения в контексте моральных ценностей, актуальных для конкретного типа государственности и права, с другой – как форму нравственного выбора правоприменителя.

Нравственность в широком смысле – форма социально-приемлемого поведения, соответствующая принятым в обществе предписаниям.

В узком смысле нравственность – это ценностная категория, выражающая субъективные принципы поведения личности по отношению к другим людям, обществу, окружающей среде, основанные на нравственных чувствах, которые И. Кант назвал «некоторой ощущаемой зависимостью частной воли от общей» [6, с. 202].

Мораль, как правило, выступает синонимом понятия «нравственность», однако многие мыслители указывают на различие этих терминов, называя мораль «теоретическим уровнем нравственности» [7, с. 31]. Мы будем использовать эти понятия в качестве тождественных.

Право – это система социальных норм и отношений, охраняемых силой государства [6, с. 368]. Данное определение акцентирует связь права с государством, которое использу-

ет право для регуляции общественных отношений. Это определение представляет так называемый нормативный подход, приравнивающий право к закону. Однако, право – это явление не только политико-юридическое, но и социально-этическое, поскольку в правовую жизнь общества впадают моральные феномены человечества, такие как гуманизм, справедливость, свобода, равенство, человеческое достоинство, ответственность, и другие категории, определяющие в конечном счете моральную ценность права.

Итак, оба понятия, «право» и «нравственность», являются разновидностью социальных норм, регулирующих общественные отношения и определяющих социально-приемлемые формы поведения. Вопрос соотношения этих двух категорий волновал человечество еще со времен античной философии, и до настоящего времени он не утратил своей актуальности.

Безусловно, формирование нравственности произошло раньше зарождения права, еще на этапе родоплеменных отношений, когда появилась необходимость регулирования взаимоотношений, как между членами одной общины, так и между разными племенами. Нравственные нормы с древнейших времен формировались внутри религии – в виде религиозных обычаев, обрядов, ритуалов, традиций, табу и т.д.

Право же возникло гораздо позднее, одновременно с появлением государства, когда моральных предписаний для регулирования социальных отношений стало уже недостаточно. Поэтому закономерно, что в истоках правовых норм лежат все те же сложившиеся много ранее моральные предписания – «монономы». Этим объясняется также то, что на заре государственности «право» и «нравственность» (или «мораль») имели практически общее значение. Одна из древнеримских аксиом гласила: «Право рекомендует то, что одобрено обычаем». И только в средние века мораль и право начали обособляться друг от друга: право стало облекаться в безусловный закон, свободный от предписаний морали, но религия по-прежнему выступала образцом и мерилom соответствия светских законов законам Божьим.

Право по своей природе находится в неразрывной связи со многими нравственными категориями, такими как добро, справедливость, свобода, порядок, ответственность и другие. Еще древнеримский философ Цельс отмечал, что: «Право есть наука о добром и справедливом» [8, с. 82]. Действительно, право видится органичной частью понятия «справедливость», поскольку призвано олицетворять собой справедливость, а также, выполнять

функцию защиты справедливости. Хотя заметим, что справедливость, при наличии в обществе тех или иных господствующих сил, облакающих собственную волю в ранг закона, не всегда может являться таковой для остальных слоев населения.

Многие исследователи соотносят понятия «право» и «свобода», называя право свободой, упорядоченной законом. По мнению Б.А. Кистяковского, «право – это проявление внешней свободы, а нравственность – внутренней» [9, с. 21]. Свобода также является источником развития самой нравственности и непременным условием осуществления морального выбора.

Право напрямую связано с понятием «порядок», в том смысле, что право упорядочивает социальные отношения, в противоположность случайному и неорганизованному поведению. Но правопорядок ценен не сам по себе, а тем, что определяет собой возможность целенаправленного и согласованного взаимодействия субъектов права.

Рассматривая категорию нравственности, ряд исследователей считают ее чуть ли не определяющим фактором эволюции человечества и даже прослеживают взаимосвязь с причинами угасания отдельных ветвей цивилизации. По словам советского писателя и ученого И.А. Ефремова, «все разрушения империй, государств ... происходят через утерю нравственности» [11]. В самом деле, нравственность выступает универсальной категорией, которая лежит в основе развития всех видов социальных отношений. Однако, «право» имеет тот же фундаментальный базис, что и нравственность, и оба этих социальных феномена наравне присущи человеческой цивилизации.

Очевидно, что право и нравственность, пройдя общие этапы своего развития и разделившись в определенный исторический период, по-прежнему находятся в тесной связи между собой, взаимообуславливают и дополняют друг друга. Одних только моральных основ права, насколько бы они не были сильны, отнюдь не достаточно для обеспечения свободной и безопасной жизнедеятельности граждан, народов и стран. Право, в этом смысле, выступает более надежным гарантом стабильности и мирового порядка. Однако, право непременно должно обладать так называемой «внутренней моральностью», без которой оно превращается в репрессивный механизм власти, ведущий к деградации всех форм социального порядка.

Несомненно, что право и нравственность находятся в прямой корреляционной зависимости, а значит, уровень одного из них влечет каче-

ственные изменения другого. Так, уровень морали в обществе прямо отражается на качестве законов и эффективности их действия, и наоборот, беззаконие, насилие и произвол власти ведут к разращению нравов и деградации общества. В этой связи, любая государственная власть должна стремиться к культивированию и закреплению морально-нравственных основ права, где признание и соблюдение закона будет считаться нравственным поведением, а его нарушение – аморальным и безнравственным. Поэтому в современную эпоху мировой глобализации, которая запускает процесс общей стандартизации мирового законодательства, нельзя допускать ослабления и утраты взаимосвязей между нормами нравственности и права.

Переходя к рассмотрению основных методов уголовного права с точки зрения их нравственных аспектов, дадим определения ключевым понятиям, позволяющим четче взглянуть на специфику изучаемого вопроса.

Уголовное право – это отрасль права, нормы которой устанавливают принципы уголовной ответственности, применения наказаний за преступления, определяют конкретные составы преступлений и меры наказания за них [12, с. 602].

Поскольку уголовное право регулирует общественные отношения, возникающие в связи с совершением общественно-опасных деяний, то метод уголовно-правового регулирования – это способ целенаправленного воздействия на общественные отношения посредством применения мер уголовной ответственности к лицам, совершившим преступление, а также иных мер, предусмотренных уголовным законом Российской Федерации.

Универсальными методами государственно-властного управления, да и в целом, регулирования социальных отношений на любом уровне, являются методы «убеждения» и «принуждения», которые применяются и уголовным правом в том числе. Рассматривая два основных, и на первый взгляд, полярных метода уголовно-правового регулирования, необходимо отметить, что «метод убеждения» и «метод принуждения» состоят между собой в очень сложной взаимосвязи, сродни отношению между нравственностью и правом, и порой достаточно непросто отмежевать эти методы друг от друга.

Не закрепляя точного определения, российское уголовное законодательство использует понятие принуждения не только в качестве характеристики наказания (иных мер, предусмотренных УК РФ) в отношении лица, совершившего преступление, но и в качестве:

– обстоятельства, исключающего преступность деяния;

– обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание;

– в качестве преступлений, где принуждение выступает признаком объективной стороны состава преступления.

Однако, нас интересует принуждение как способ уголовно-правового воздействия на преступников. Емкое определение этому понятию предложила С.В. Шевелева, которая под принуждением в уголовно-правовом смысле понимает «внешнее воздействие на человека непреодолимой силы третьих лиц или государства, подавляющее его свободу воли и вынуждающее его (или обуславливающее его выбор) действовать (бездействовать) в определенном направлении» [13, с. 122].

А.А. Косых, отмечая специфику метода государственного принуждения, утверждает, что оно воздействует в основном на тех лиц, которые не принимают справедливость и обоснованность действующих норм права. «Эти лица, – указывает он, – воспринимают меры государственного принуждения как насилие, под давлением которого они могут вести себя правомерно либо заведомо противоправно. При этом состояние вынужденной правомерности характеризуется нестабильностью и при появлении возможности (мнимой или реальной) данное лицо может совершать противоправные деяния» [4, с. 8].

Действительно, вторя А.А. Косых, многие исследователи обращают внимание на схожесть понятий «насилие» и «государственное принуждение». Так, Г.М. Лановая считает, что «необходимо рассматривать соотношение принуждения и насилия как соотношение части и целого» [14, с. 28]. Согласимся также с С.В. Девятовской, которая отмечает, что «и принуждение, и насилие имеют одинаковую объективную сторону – представлены заставляющим воздействием на человека» [15]. Однако отметим, что эти два понятия в законе наделены разным смыслом: понятие «принуждение» имеет позитивный контекст (при условии, что оно легитимировано законом и имеет в этом случае строго обозначенные пределы), а вот понятие «насилие» носит негативный смысл, поскольку рассматривается исключительно как преступный акт, влекущий установленную законом ответственность.

Что касается метода «убеждения», то его можно охарактеризовать в качестве более нравственного способа влияния на волю преступника, хотя параллельно с этим оно четко гарантировано возможностью принуждения и опирается на него. Другими словами, это сообщение

гражданам о неотвратимости наказания и угрозе применения властью в определенных случаях мер государственного принуждения. А.А. Косых называет такой способ убеждения «внешним негативным правовым убеждением» [4, с. 8].

Однако, метод уголовно-правового убеждения работает и в более практическом направлении: в виде предоставления лицу, совершившему преступление гарантий по освобождению или смягчению наказания либо иных предусмотренных законом послаблений. И такую деятельность государства А.А. Косых предлагает называть «внешним позитивным правовым убеждением», которое «способно формировать и закреплять в правовых нормах позитивные стимулы к программируемому социально необходимому поведению в виде потенциальной возможности получения каких-либо благ за точную и неукоснительную реализацию данного поведения» [4, с. 8]. К так называемым внешним позитивным правовым нормам можно отнести: явку с повинной; добровольную выдачу орудий или предметов преступления; деятельное раскаяние; досудебное соглашение о сотрудничестве, и др. Действительно, указанные нормы призваны повлиять на сознание правонарушителя без посредства негативной принуждающей угрозы, а с помощью положительного убеждающего призыва, влекущего послабление уголовно-правовых последствий.

Согласимся с А.А. Косых в том, что важнейшее значение для формирования правопослушного поведения человека играют внешние убеждающие факторы, создаваемые властью в виде кодифицированных правовых актов и ограничивающих права и свободы мер уголовно-правового реагирования. Однако решающую роль в формировании соответствующего правосознания все же играют внутренние факторы, формирующие ценностные установки и правовую убежденность личности. В связи с этим, в современных условиях вопрос о нравственной допустимости применения государством метода «принуждения» является одним из самых дискуссионных, а специалисты-правоведы фактически разделились на два «лагеря».

С одной стороны, они высказываются о недопустимости существования категории «принуждения» в современном демократическом обществе, поскольку данный метод в любом случае влечет ущемление личной свободы и применение насилия. В качестве аргумента приводится сравнение мер государственно-правового принуждения на современном историческом этапе с более ранними

периодами. Так, сегодня государственно-правовое принуждение воспринимается как эволюционное достижение человечества в эпоху гуманизма. В то же время, более ранние источники права также свидетельствуют нам об использовании государством мер наказания, но порой невероятно жестоких и изощренных, которые были четко регламентированы деятельностью должностных лиц, представляющих государственную власть. Другими словами, идея легитимности государственного насилия остается, меняются только законные способы его применения. Кроме того, у представителей данного «лагеря» возникают опасения, что делегированное сотрудникам правоохранительных органов право использовать меры принуждения ведет к профессиональной и нравственной деформации должностных лиц, и в этой связи, «может сформироваться установка на допустимость применения любого принуждения, ... произойти снижение ценности человеческой свободы, привыкание к «изнанке» жизни и т.п.» [16, с. 242].

Сторонники второй группы однозначно выступают за применение метода «принуждения», продиктованного высшей социальной необходимостью, поскольку эффективная борьба с преступностью невозможна без принудительного воздействия уполномоченных государством структур, в противном случае, нормативный характер права сведется к минимуму, до уровня советов и рекомендаций.

Не менее обсуждаемым является вопрос о первичности или приоритете какого-либо из рассматриваемых нами методов. Многие исследователи однозначно считают принуждение основным и первичным методом в уголовно-правовом поле, поскольку оно начинает реализовываться, как только вступают в действие уголовно-правовые нормы в отношении преступившего закон лица. А метод убеждения, соответственно, выступает составной частью процесса уголовно-правового регулирования и выполняет вспомогательную функцию.

Другие специалисты, как например, М.И. Жумагулов, склоняются к тому, что «метод убеждения, однозначно, является более продуктивным, и необходимо его превалирование в структуре способов управления государством, поскольку... такое государство характеризуется большей стабильностью, постоянством, надежностью» [16, с. 22]. Сторонники данного подхода считают также, что уголовно-правовое законодательство необходимо переориентировать в направлении ухода от «карающего правосудия» к усилению методов убеждения и поощрения по

отношению к лицам, раскаявшимся в содеянном и предпринимающим реальные усилия по возвращению к законопослушной жизни. Кроме того, усилению внутреннего компонента убежденности граждан в правопослушном поведении будет способствовать укрепление авторитета закона путем закрепления в общественном сознании уверенности в том, что истинность права выражается не только государственным закреплением определенных (даже самых передовых и инновационных) законодательных канонных, а формированием в обществе всех необходимых и достаточных правовых, экономических, социальных, политических и других условий для их добровольного исполнения.

Как видно из приведенных тезисов, рассмотренные методы представляют собой сложные феноменологические явления, неотделимые в полной мере друг от друга и объединенные неким диалектическим единством: так, например, принуждение для одних выступает убеждением для других; убеждение стимулирует, а те же стимулы выступают способами правового убеждения, и др. Соизмеряя правовое значение и эффективность двух указанных методов, сложно отдать предпочтение одному из них, хотя большинство исследователей склонны все же считать главным методом уголовного права метод принуждения. На наш взгляд, путь превалирующей ценности одного из методов ошибочен: умаление значения одного метода и акцент на другом могут привести к общему ослаблению и «параличу» всей системы уголовно-правового регулирования. Поскольку оба метода могут эффективно дополнять друг друга, необходимо концентрировать усилия на более эффективной их реализации, а соотношение их применения должно определяться разумной целесообразностью в каждом конкретном случае. В этой связи вспоминается изображение богини правосудия Фемиды, которая в одной руке держит весы, олицетворяющие меру и справедливость, а в другой – меч, воплощающий кроме прочего способность защищать справедливость, применяя силу закона.

Таким образом, метод убеждения и метод принуждения в уголовном праве Российской Федерации содержат в себе различные способы влияния на сознание и поведение людей и оба метода вступают между собой в многозначные отношения, основанные на их сходстве и различии, взаимодополнении и конфликте, но оба метода бесспорно являются однонаправленными, нацеленными на достижение общих социально-значимых функций. И наше

государство планомерно работает в направлении актуализации и повышения эффективности уголовно-правовых мер воздействия, широко применяя оба этих подхода с учетом

специфики каждого из них: с одной стороны – в направлении ужесточения уголовных санкций, а с другой – гуманизации наказания.

Литература

1. Кожевников С.Н. Государственное принуждение: сущностные аспекты // Социально-политические науки. 2017. № 3.
2. Корчагина К.А., Пестов Р.А. Проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел: проблемы в нормативно-правовом регулировании и правоприменении // Юристъ-Правоведь. 2020. № 2 (93).
3. Колотуша В.В. Идея силового принуждения в истории философской мысли // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4.
4. Косых А.А. Убеждение в праве: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.
5. Шавель С.А. Убеждения как мировоззренческое ядро личности: историко-социологический анализ // Социология. 2010. № 1.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 1997.
7. Исмаилов Н.О. Взаимосвязь права и нравственности в контексте справедливости // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 1 (135).
8. Дигесты Юстиниана / Отв. редактор Л.Л. Кофанов. Т. 1. 2-е изд. М., 2008.
9. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 1 (61).
10. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998.
11. Барчан В. Теория катастроф Ивана Ефремова // Ежедневник «Военно-промышленный курьер». 2019. № 48 (811).
12. Большой юридический словарь. 2 изд., перераб. и доп. М., 2003.
13. Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис. ... докт. юрид. наук. Курск, 2015.
14. Лановая Г.М. Принуждение в системе правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
15. Девятовская С.В. Физическое и психическое принуждение в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.
16. Жумагулов М.И. О сущности и понятии административно-правового принуждения // Государство и право. 2006. № 10.

Bibliography

1. Kozhevnikov S.N. State compulsion: essential aspects // Socio-political Sciences. 2017. № 3.
2. Korchagina K.A., Pestov R.A. Misdemeanor, discrediting the honor of an employee of internal affairs bodies: problems in regulatory regulation and law enforcement // Jurist-Provided. 2020. № 2 (93).
3. Kolotusha V.V. The idea of forceful coercion in the history of philosophical thought // Social and humanitarian knowledge 2008. № 4.
4. Kosykh A.A. Persuasion in law: theory, practice, technique: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2015.
5. Shavel S.A. Beliefs as a worldview core of personality: historical and sociological analysis // Sociology. 2010. № 1.
6. Philosophical encyclopedia. Moscow, 1997.
7. Ismailov N.O. The relationship of law and morality in the context of justice // Bulletin of the Adygeya State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, sociology, Law, Political science, cultural studies. 2014. № 1 (135).
8. Digests of Justinian / Rel. Editor L.L. Kofanov. Vol. 1. 2nd ed. Moscow, 2008.
9. Kistyakovsky B.A. In defense of law (Intelligentsia and legal consciousness) // Representative power – XXI century: legislation, comments, problems. 2005. № 1 (61).
10. Moiseev N.N. The fate of civilization. The path of reason. Moscow, 1998.
11. Barchan V. Theory of catastrophes of Ivan Efremov // Weekly «Military-industrial Courier». 2019. № 48 (811).
12. Large legal dictionary. 2 ed., reprint. Moscow, 2003.
13. Sheveleva S.V. Freedom of will and coercion in criminal law: dis. ... Doctor of Law. Kursk, 2015.
14. Lanovaya G.M. Compulsion in the system of law enforcement: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2006.
15. Devyatovskaya S.V. Physical and mental coercion in the Russian criminal legislation: dis. ... PhD in Law. Rostov on Don, 2011.
16. Zhumagulov M.I. On the essence and concept of administrative and legal coercion // State and law. 2006. № 10.

Касаткин Сергей Николаевич
Kasatkin Sergei Nikolayevich

доцент кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Theory and History of State and Law, the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Associate Professor, the Department of Theory of Law and Philosophy, the Samara State University of Economics, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: kasatka_s@bk.ru.

КОНЦЕПТ «ВНУТРЕННЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»
В КРИТИКЕ ПОЗИТИВИЗМА ДЖ. ФИННИСОМ И Р. ДВОРКИНОМ:
ОЧЕРК ПОЗИЦИЙ*

A concept of «internal point of view» in criticism of positivism
by J. Finnis and R. Dworkin: an outline of positions

В статье обсуждается идея внутренней точки зрения, рассмотренная в контексте споров между позитивизмом и доктринами естественного права в современной англо-американской юриспруденции. В статье фиксируется концепция внутренней точки зрения, предложенная позитивистом Гербертом Хартом, и обусловленная этим «герменевтическая» установка его методологии, воспринятая в последующих доктринах позитивистской (и непозитивистской) правовой мысли. Рассматриваются также влиятельные варианты критики концепции Г. Харта со стороны Джона Финниса и Рональда Дворкина, реализующие подходы естественно-правового толка, отмечаются их общность и различия. В качестве главного вывода в работе утверждается двойная роль идеи внутренней точки зрения, которая выступает, с одной стороны, важным элементом методологического фундамента современного англо-американского позитивизма, обеспечившего его развитие и авторитет во второй половине XX века, с другой – новым основанием его критики и новым полем для давней полемики между позитивизмом и теориями естественного права.

Ключевые слова: позитивизм, теория естественного права, внутренняя точка зрения, методология юриспруденции, Г.Л.А. Харт, Дж. Финнис, Р. Дворкин.

The article discusses the idea of an «internal point of view», considered in the context of the debates between positivism and natural law doctrines in modern Anglo-American jurisprudence. The article states the conception of an internal point of view, proposed by a positivist Herbert Hart, and the resulting «hermeneutic» attitude of his methodology, adopted in the subsequent doctrines of positivist (and non-positivist) legal thought. The article also considers influential variants of criticism of H. Hart's conception by John Finnis and Ronald Dworkin, who implement approaches of a natural law doctrine, and marks their commonality and differences. As the main conclusion, the paper asserts a dual role of the idea of an «internal point of view», which, on the one hand, is an important element in the methodological foundation of modern Anglo-American positivism, ensured its development and authority in the second half of the 20th century, and, on the other hand, is a new basis for its criticism and a new field for the long-standing controversy between positivism and natural law theories.

Key words: positivism, theory of natural law, internal point of view, methodology of jurisprudence, H.L.A. Hart, J. Finnis, R. Dworkin.

Спор позитивизма и юснатурализма часто мыслится в качестве одной из наиболее фундаментальных полемик, составляющих содержание и проблемное поле философии

права и теоретической юриспруденции. В рамках настоящей статьи данный спор будет рассматриваться на примере англо-американской мысли второй половины XX века, затрагивая

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-01213 «Право как целостность – право как интерпретация: теоретико-методологическая и проблемно-историческая реконструкция доктрины юридического интерпретативизма Рональда Дворкина (1967–1986)».

концепции Герберта Харта, Джона Финниса и Рональда Дворкина. Основным предметом интереса в статье является критика позитивизма авторами естественно-правовой ориентации, Дж. Финнисом и Р. Дворкином, – критика, направленная на заявленную Г. Хартом идею так называемой «внутренней точки зрения», выступающей необходимым элементом нормативности и значимым основанием для построения надлежащей теории права. Структурно работа будет включать, во-первых, фиксацию концепции «внутренней точки зрения» Герберта Харта и «герменевтическую» установку его методологии, во-вторых, очерк критики названных идей Дж. Финнисом и Р. Дворкином, в-третьих, определение общности и различий в подходах критиков и их значения для традиционной полемики позитивизма и естественного права.

Рассмотрим подробнее тезисы позитивизма и «внутреннюю точку зрения» в концепции Г. Харта. Во второй половине XX в. позитивистский подход к праву, связанный с именами Ганса Кельзена, Герберта Харта, Джозефа Раза и др., становится одним из господствующих в англо-американской (западной) философии и теории права. Методологически он мыслится в качестве общего учения о природе (или понятии) права, сопряженного с исследованием (описанием, объяснением) «права, как оно есть» («аналитической» юриспруденцией), в противоположность «праву, каким оно должно быть» («критической» юриспруденцией), с притязанием на обособленное, морально-нейтральное и «научное» представление права, с утверждением о возможности и значимости последнего [9, § 21–29; 8, p. 1071 ff.; 5, гл. 1 § 1; 16, 239 ff.; 18, ch. 2–3]. Предметно позитивизм в англо-американской литературе связывается с тезисами о социальном факте (право возможно в силу определенного социального факта, например, массового подчинения приказам суверена, принятию и практике сообществом правил признания), конвенциональности (критерии юридической силы могут быть разными по содержанию и базируются на единообразии в поведении и установках членов сообщества) и разделимости (необходимое понятийное пересечение между правом и моралью отсутствует, соответствие моральным требованиям не является необходимым или достаточным критерием юридической силы правоположения) [10; 17].

Ключевой для современных версий позитивизма в англо-американской мысли является концепция права британского философа и правоведа Герберта Харта (1907–1992). Г. Харт представляет право в качестве системы первичных и вторичных правил, в основе которой лежит правило признания, определяющее критерии юридической действительности в правовой системе. Такие критерии не имеют необходимой связи с моралью (хотя и могут допускать последние). Кроме того, право имеет «открытую текстуру», т.е. может иметь неопределенность в пограничных случаях, преодолеваемую через судейское усмотрение [16].

В основе такой концепции права лежит введенная Г. Хартом идея правила. Последнее мыслится как единство двух аспектов: внешнего и внутреннего, т.е. фактов поведенческого единообразия и его принятия членами сообщества в качестве образца и критерия оценки собственного и чужого поведения [16, p. 56 ff.]. Существование практики следования юридическим правилам и в целом существование правовой системы создает возможность для различных относящихся к ним практических позиций: «внутренней» точки зрения участника, принимающего и использующего правила правовой системы в качестве частного или должностного лица, и «внешней» точки зрения наблюдателя по отношению к правовой системе, рассуждающего о ее правилах и их следствиях [16, ch. IV–V; 15, p. 248]. Это же обуславливает возможность различных методологических перспектив: построение «внутренних» и «внешних» правовых теорий, рассуждающих с точки зрения того или иного правопорядка (его нормативных стандартов) либо с иных, «обособленных» от него позиций.

В качестве основы для построения своего – позитивистского – проекта юриспруденции Г. Харт избирает «внешнюю» перспективу [16, p. 242–244]. При этом он настаивает на необходимости учета точки зрения участника правового общения для любой надлежащей теории права: невозможность объяснить нормативность как фундаментальную черту права исключительно в эмпирических терминах, делает бесполезной методологию эмпирических наук и требует герменевтического метода, т.е. изображения руководимого правилами поведения так, как оно представляется

участникам соответствующей практики [15, р. 13–14; 3, с. 56 и др.].

Подобная «герменевтическая установка» Г. Харта была широко воспринята в англо-американской мысли, сформировав основу как для последующих концепций позитивизма, так и для целого ряда доктрин непозитивистской ориентации.

Ведущая роль позитивизма в англо-американской юриспруденции во второй половине XX в. существенно повлияла на характер и позиции его оппонентов, включая теории естественно-правового толка, оспаривающие разделительный тезис позитивизма и считающие моральную оценку необходимым или центральным для определения статуса и/или содержания правовых норм и систем, а также для надлежащего анализа природы права. Сегодняшние концепции юснатурализма базируются не столько на этике, метаэтике и метафизике, сколько на исследовании понятия и природы позитивного права, отталкиваясь от тезисов позитивизма и конкурируя с последними [11].

Одним из наиболее авторитетных представителей естественно-правового подхода в современной англо-американской юриспруденции является австралийский (австрало-британский) философ и правовед Джон Финнис.

Дж. Финнис рассматривает проблематику права в контексте классических идей естественно-правовой традиции (ориентируясь, среди прочего, на такую фигуру как Фома Аквинский). Он постулирует систему базовых очевидных ценностей или благ, значимых для любого человеческого существа и определяющих его социальное существование и практическую деятельность. Соответственно право понимается Дж. Финнисом в качестве необходимого социального способа их обеспечения, что обуславливает более широкую телеологическую/инструментальную трактовку мыслителем природы права [7].

С этих позиций Дж. Финнис заявляет ряд требований к построению любой правовой теории. Таковая предполагает, во-первых, обращение к практической точке зрения, т.е. к установкам самих участников социальной практики, оценивающих смысл, цель и ценность тех или иных благ, действий, правил, порядков, и проводящих на этой основе соответствующие понятийные или лингвистические границы.

Во-вторых, она подразумевает осознанный выбор теоретиком исследовательской позиции, вторичной по отношению к установкам участников социальной практики и выступающей тем самым в качестве рефлексии и формулирования требований соответствующей практической рациональности. Именно такая позиция должна лежать в основе оценки эмпирического материала, обеспечивая значимые критерии его обобщения и препятствуя превращению теории в «лексикографию» или случайный набор фактов. Наконец, в-третьих, построение более гибкой и всесторонней социальной теории предполагает отказ теоретика от поиска некоего «общего знаменателя» различных форм исследуемой предметности. В противовес этому теоретик на базе исследовательской позиции, вторичной по отношению к рациональности участников практики, должен установить центральный случай рассматриваемой предметности, а также ее пограничные случаи и их связи с ее главными элементами [7].

В этом контексте Дж. Финнис признает достижения современного ему англо-американского позитивизма, утверждая, что теория естественного права способна принять и подтвердить большинство постулатов юридического позитивизма, в частности, объяснение им существующих систем правовых норм, их юридической действительности и т.п. Более того, что особенно важно, Дж. Финнис признает и, по сути, использует в качестве фундамента своего подхода ряд основополагающих идей, введенных Г. Хартом. Это, с одной стороны, идея отказа от закрытых определений и перехода к построению и объяснению «понятийной семьи» права, отражающей сложность не только концептуально-лингвистических структур сообщества, но и своеобразных им структур социального и правового порядка. С другой стороны, это та самая идея «внутренней точки зрения» участника юридической практики, а также связанная с ее реконструкцией «герменевтическая установка» успешной/надлежащей социальной и правовой теории. Как следствие, Дж. Финнис допускает возможность отстаиваемого позитивистами проекта обособленного описания и объяснения права, реализующегося в морально-нейтральной правовой теории [7].

Вместе с тем для философа позитивизм недостаточно последователен в своей экспликации

«внутренней точки зрения»: вопреки собственным постулатам он отказывается применять к ее анализу заявленную методику ясных и пограничных случаев. В свете своего подхода Дж. Финнис настаивает на сужении и усилении трактовки «внутренней перспективы» участника социальной и юридической практики, рассматривая ее не просто в качестве абстрактного основания поведения, но как убедительное или надлежащее для самого лица основание, т.е. оцененное и отобранное им, имеющее для него соответствующее (моральное) оправдание и порождающее подлинные (моральные) обязанности. Отсюда, далее, проведение черты между правовым и неправовым, само обнаружение права как феномена социального, по Дж. Финнису, с неизбежностью требует (моральной) оценки, осуществляемой и практическим субъектом, и, как следствие, теоретиком права. Осмысление права как элемента более общего нормативного предприятия, как института, обеспечивающего надлежащие поведенческие основания, составляет тот самый «центральный случай» права, раскрытием которого и должна заниматься образцовая описательная теория права [7].

Как итог, предлагаемая Джоном Финнисом теория и методология права формирует оригинальную версию натурализма, которая, с одной стороны, признает позитивизм в качестве возможной правовой теории, с другой — мыслит ее как менее амбициозную, продвинутую и ограниченную концепцию права, неспособную (в силу своих ценностно-нейтральных установок и узости в трактовке «точки зрения участника») предложить надлежащее описание и объяснение права.

В западной литературе критика позитивистского истолкования внутренней точки зрения и связанной с этим «герменевтической» установки правоведческой методологии ассоциируется прежде всего с именем Джона Финниса и рядом других авторов, близких ему по типу аргументации. Между тем, в англо-американской правовой мысли есть еще одна знаковая фигура, в работах которой содержится самобытный вариант аналогичной критики позитивизма (что, как полагаем, не всегда фиксируется зарубежными исследователями). Речь идет об американском правоведке Рональде Дворкине.

Соответствующие критические замечания присутствуют уже в наиболее ранних (и предшествующих работам Дж. Финниса) произведениях Р. Дворкина. Так, в рамках «доинтерпретативного» этапа своего творчества американский правовед оспаривает базовые тезисы позитивизма: сведение права к системе формализованных правил, принятых в соответствии с формами и процедурами, установленными в правиле признания, наличие пробелов в праве, устранимых через судебское усмотрение (правотворчество *post factum*), возможность существования юридических прав и обязанностей лишь в ситуации определенности права, а также, как следствие, возможность проведения чертой границы между правом и моралью. В противовес этому Р. Дворкин указывает на существование правовых принципов, не доступных полной формализации, укорененных в господствующей политической морали сообщества и лежащих в основе любого юридического решения, что обуславливает полноту права, невозможность судебного правотворчества и наличие в праве предустановленного единственно верного ответа на любой юридический вопрос [1].

В качестве одного из обоснований своей концепции Р. Дворкин использует то, что можно назвать «феноменологическим аргументом». Он апеллирует к восприятию правовых стандартов, процесса судопроизводства и деятельности судей со стороны самих участников юридической практики: судей, а также юристов, преподавателей права, простых граждан. Анализ их установок, по Р. Дворкину, показывает неадекватность позитивизма, не способного дать надлежащее описание юридической практики. По сути, американский правовед использует «герменевтическую» методологическую установку теории Г. Харта, давая при этом иное видение «точки зрения участника» и демонстрируя иные теоретические и доктринальные выводы, следующие из рассматриваемой установки [1, гл. 2–4 и др.; 4].

Данная линия аргументации во многом продолжается автором в рамках своей теории юридического интерпретативизма, рассматривающей право в качестве примера практик аргументации и частного случая толкования. Здесь он, среди прочего, заявляет о так называемой «интерпретативной установке», разделяемой членами сообщества со сколько-нибудь

развитым институтом права, т.е. по сути, предлагает еще одну модель «внутренней точки зрения». Такая установка предполагает, с одной стороны, наличие самостоятельного общего смысла юридической практики сообщества, с другой — понимание и применение юридических правил в соответствии с таким смыслом. Отсюда, по Р. Дворкину, право всегда интерпретативно, что предполагает использование конструктивного толкования: «наложения цели на объект» или представления существующих правил в их наилучшем моральном свете. Позитивизм, неспособный учесть подобную природу права, несостоятелен [14, ch. 1–2].

На этой основе Р. Дворкин предлагает и методологическую критику позитивизма, близкую критике Дж. Финниса. Согласно американскому правоведу, поскольку смысл юридической практики (в отличие от высказываний отдельных ее участников) можно постичь лишь через «конструктивное толкование», теоретик права для достижения своих целей должен также принять участие в юридической практике, вовлекаясь в ее конструктивное истолкование и представляя право в наилучшем свете, применяя здесь собственные представления о силе и слабости используемых аргументов. Суждения теоретика и практика по природе едины, а теория права выступает общей интерпретативной основой любого юридического решения/вывода [14, p. 90 ff.]. Более того, в последующем Р. Дворкин заявляет об общей проблемности существования правовой теории, рассуждающей (подобно позитивизму) с «внешних» позиций. По мнению правоведа, такой подход либо бесполезен, поскольку решает лишь периферийные для юриспруденции задачи, не связанные со смыслом юридической практики и истинностью правовых суждений, либо вообще несостоятелен, поскольку необоснованно презюмирует «точку Архимеда», находящуюся вне социальной практики, по сути, скрывая свою включенность в морально-политические споры о праве [13, ch. 6]. Тем самым единственно состоятельной для Р. Дворкина выступает юриспруденция «внутренней точки зрения».

Таким образом, как это следует из предшествующего рассмотрения, и Джон Финнис, и Рональд Дворкин в своих выпадах в адрес

юридического позитивизма так или иначе отталкиваются от предложенного в позитивизме концепта «внутренней точки зрения» и оспаривают его позитивистскую трактовку и следующие из нее теоретические и методологические выводы.

Джон Финнис развивает свою теорию и критику во многом в русле классической традиции естественного права, связывает проблематику правоведения с общими вопросами онтологии и этики, мыслит право на общем уровне в качестве социального института, призванного удовлетворять практической рациональности и порождать основания моральных обязательств. При этом позитивизм, критикуемый на методологическом уровне, допускается в качестве потенциально состоятельной, но подчиненной теории. Концепция Дж. Финниса – вариант «слабого» (или мягкого) естественного права [12; 6].

Теория и критика Рональда Дворкина отличается от подхода Дж. Финниса в ряде аспектов. Она продолжает уже не классическую традицию юснатурализма, а скорее традиции теории «общего права» и концепций правового реализма, ставящих на первый план проблематику судебного решения, а не абстрактные вопросы права [11; 2]. При этом Р. Дворкин оспаривает позитивистскую теорию (разделительный тезис) как на уровне объяснения «точки зрения» участников юридической практики, так и на уровне методологии юриспруденции. В последнем случае, в отличие от Дж. Финниса, Р. Дворкин мыслит более радикально, в итоге, по сути, отвергая возможность «внешней», ценностно-нейтральной юриспруденции.

Так или иначе, рассмотренные варианты критики показывают: концепт «внутренней точки зрения», предложенный Гербертом Хартом и первоначально воспринимаемый некоторыми авторами в качестве основания сближения доктрин юридического позитивизма и естественного права, действительно сыграл свою роль в преобразовании соответствующей полемики между названными оппонентами. Вместе с тем данный концепт не положил конец истории «Великого разрыва» [6], но скорее перевел его в иную плоскость, став новым основанием давнего противостояния в вопросе о надлежащем понимании права и правоведческой методологии.

1. Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004.
2. Касаткин С.Н. Концепция «раннего» Р. Дворкина как «третья теория права» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2.
3. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права РАН. Т. 13. 2018. № 1.
4. Касаткин С.Н. Феноменологический аргумент в правовой концепции раннего Р. Дворкина: методологический комментарий // Философия права. 2018. № 4.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб., 2015.
6. Тихонова С.В. Открытый концептуальный натурализм: коммуникативные методологические проекты естественного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1.
7. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012.
8. Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law. 5th ed. 2 vols. London, 1885.
9. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London, 1970.
10. Bix B. Legal Positivism // Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. Oxford, 2005.
11. Bix B. Natural Law Theory: The Modern Tradition // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Legal Philosophy. Oxford, 2002.
12. Crowe J. Natural Law Theories // Philosophical Compass. Vol. 11. № 2. 2016.
13. Dworkin R. Justice in Robes. Cambridge, 2006.
14. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, 1986.
15. Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983.
16. Hart H.L.A. The Concept of Law. 2nd ed. Oxford, 1994.
17. Himma K.E. Inclusive Legal Positivism // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law. Oxford, 2002.
18. Raz J. Between Authority and Interpretation. Oxford, 2009.

1. Dworkin R. Taking rights seriously. Moscow, 2004.
2. Kasatkin S.N. «Early» R. Dworkin's conception as a «third theory of law» // Bulletin of Voronezh state university. Series: Law. 2019. № 2.
3. Kasatkin S.N. Explanation of legal concepts in H. Hart's analytical jurisprudence. Proceedings of Institute of state and law of RAN. T. 13. 2018. № 1.
4. Kasatkin S.N. Phenomenological argument in early R. Dworkin's conception // Philosophy of law. 2018. № 4.
5. Kelsen G. Pure doctrine of law. 2nd ed. Saint-Petersburg, 2015.
6. Tikhonova S.V. Open conceptual naturalism: communicative methodological projects of natural law // Bulletin of Saratov state law academy. 2021. № 1.
7. Finnis J. Natural law and natural rights. Moscow, 2012.
8. Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law. 5th ed. 2 vols. London, 1885.
9. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London, 1970.
10. Bix B. Legal Positivism // Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. Oxford, 2005.
11. Bix B. Natural Law Theory: The Modern Tradition // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Legal Philosophy. Oxford, 2002.
12. Crowe J. Natural Law Theories // Philosophical Compass Vol. 11. № 2. 2016.
13. Dworkin R. Justice in Robes. Cambridge, 2006.
14. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, 1986.
15. Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983.
16. Hart H.L.A. The Concept of Law. 2nd ed. Oxford, 1994.
17. Himma K.E. Inclusive Legal Positivism. The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law. Oxford, 2002.
18. Raz J. Between Authority and Interpretation. Oxford, 2009.

Небрятенко Ольга Олеговна
Nebratenko Olga Olegovna

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Civil and Legal, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: onebratenko@yandex.ru

**ДОКТРИНА СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ**

**The doctrine of the correlation of private and public interests in the decisions
of the Constitutional Court of Russia**

В статье анализируется неоднократно формулируемая Конституционным судом Российской Федерации доктрина соотношения частных и публичных интересов, заключающаяся в отстаивании отечественным органом конституционного контроля частных либо публичных интересов на основе принципов отлаженного взаимодействия: справедливости, баланса прав человека и законных интересов государства и общества, дифференцированного подхода.

Ключевые слова: частные и публичные интересы, соотношение, баланс, принципы, Конституционный суд России.

The article analyzes the doctrine of the correlation of private and public interests, repeatedly formulated by the Constitutional court of the Russian Federation, which consists in defending private or public interests by the domestic body of constitutional control on the basis of the principles of well-established interaction: justice, balance of human rights and legitimate interests of the state and society, and a differentiated approach.

Key words: private and public interests, correlation, balance, principles, Constitutional Court of Russia.

Тема рационального сочетания частных и публичных интересов, субъективных прав граждан и законных интересов государства и общества является одной из актуальных в отечественной юриспруденции. Повышенное внимание научной общественности к таким исследованиям обусловлено необходимостью определения границы соотношения данных интересов, представляющейся подвижной и зависящей от сложившейся политико-правовой действительности. Для советского права и государства, особенно в первой половине его развития, характерно было смещение акцента в сторону государственных и общественных интересов, после становления современной российской государственности стали превалировать права человека (права отдельных личностей). В последние годы значительное внимание российская наука и практика уделяют реализации социальной функции государства, отсюда требование о гармоничном сочетании и развитии обоих начал, а также потребность в выявлении принципов определения гибкой

границы их соотношения. Неслучайно в научной литературе многократно обращается внимание на недостаточную эффективность частного права без публичного права [1, с. 36–47] и наоборот.

Правовой основой закрепления соотношения частных и публичных интересов применительно к праву собственности в современном мире следует признать нормы статьи 1 Протокола № 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2], суммирующие следующие условия: государства обладают правом принимать и исполнять такие законы, которые посчитают необходимыми; при этом должна быть цель – осуществление контроля за использованием собственности; наличие общих интересов.

На национальном законодательном уровне для обеспечения гармоничного сочетания исследуемых категорий используются императивные нормы в частном праве и диспозитивные в публичном, например, в гражданском праве России применяются правила о госу-

дарственной регистрации сделок, а для защиты публичных прав задействуются частноправовые институты, такие как обращение в суд. В российском законодательстве и судебной практике на сегодняшний день не устанавливаются оптимальные пределы взаимодействия частных и публичных интересов. Отсюда значимыми являются правовые позиции судебных органов высшей инстанции и, прежде всего, Конституционного суда Российской Федерации, который, обеспечивая реализацию содержащихся в Конституции норм, принимает активное участие в установлении гармоничного соотношения частных и публичных интересов, расставлении акцентов их гибкого применения и выработке принципов и содержания данной взаимозависимости, тем самым «усиливая нормативную энергию прямого действия “живой” Конституции» [3, с. 52]. Так, например, отчетственный орган конституционного контроля подтверждает обязанность законодателя соблюдать баланс частных и публичных интересов при регулировании земельных отношений, в том числе возникающих в области оборота земельных участков и долей в праве общей собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения [4], либо говорит о необходимости соотносить принадлежащее лицу право собственности с правами и свободами других лиц, осуществлять права по своему усмотрению, не нарушая при этом прав других [5]. В последнем случае Конституционный суд подтвердил обязанность собственников жилого помещения осуществлять платежи на капитальный ремонт дома, иначе отсутствие возможности при естественном износе домовладения собственниками выделить средства на ремонт может создать угрозу разрушения и послужит основанием незапланированного выделения средств соответствующего (регионального или местного) бюджета на проведение ремонтно-восстановительных работ. Таким образом, конституционно-правовое истолкование данного положения сводится к ограничению права отдельного собственника квартиры распоряжаться своими денежными средствами ради поддержания общедомового имущества в исправном состоянии. Здесь и в следующем постановлении реализуется одна из функций РФ как социального государства, когда речь идет о создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свобод-

ное развитие человека путем возложения обязанности, в том числе, на владельцев транспортных средств страховать свой риск причинения вреда третьим лицам, тем самым распределяя вероятные неблагоприятные последствия. Данная обязанность сопряжена с требованием особой защиты значимых для общества и государства благ: жизни и здоровья человека, его имущества [6].

Учитывая специфику конкретного дела, Конституционный суд путем поиска баланса конкурирующих конституционных ценностей, отдает предпочтение законным интересам общества, ограничивая частные, либо наоборот. Потребности общества преобладают над потребностями отдельного собственника в случае изъятия имущества для государственных нужд при условии предварительного и равноценного возмещения [7]. Лишение же имущества не в интересах общества и не в соответствии с законом и общими принципами [8, с. 538] международного права не допускается. Интерпретация национальным органом конституционного правосудия анализируемых конституционных положений сводится к тезису о допустимости ограничений прав и свобод только при соблюдении трех условий: адекватность социально необходимому результату; ограничения не должны быть чрезмерными; обусловленность публичными интересами [9].

Так, признав объектами публично-правового характера используемые в общественных интересах и подлежащие государственной защите детские дошкольные учреждения и объекты коммунальной инфраструктуры, Конституционный суд РФ признал данные объекты жизненно необходимыми для населения и исключил данное имущество из конкурсной массы при банкротстве должника [10]. В следующем решении с целью охраны объектов культурного наследия органы государственной власти осуществили перевод земельного участка из одной категории в другую, следствием чего явилось значительное понижение его стоимости [11]. В данном случае, преодолевая коллизию конкурирующих конституционных ценностей: охраны объектов культурного наследия и права частной собственности, конституционное усмотрение обращено в сторону преобладания общих интересов, под которыми понимается приоритет сохранности объектов культурного наследия в интересах настоящего и

будущего поколений многонационального российского народа.

В дальнейшем, руководствуясь той же доктриной баланса частных и публичных интересов, орган конституционной юстиции отдает предпочтение уже частным интересам. Так, Конституционный суд РФ стал на сторону добросовестного приобретателя жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, противопоставив ему публичного собственника. Концепция противопоставления публичного интереса частному имущественному и неимущественному интересу добросовестного приобретателя проходит через все решение Конституционного суда [12]. Проявлениями такого сопоставления является признание: 1) неравных возможностей публично-правового образования в отношении имущества, являющегося выморочным, и добросовестного приобретателя; 2) фактической затрудненности или даже невозможности проверки данных по сделкам о передаче недвижимого имущества со стороны частного лица – приобретателя этого имущества; 3) недопустимость применения одинаковых условий для публичного и частного собственника при истребовании являющегося выморочным жилого помещения.

Аллоэмия (противопоставление) прослеживается в устанавливаемых Конституционным судом фактических обстоятельствах и при формулировании правовых позиций, последовательное изложение которых подводит нас к итоговому решению по делу. Российский орган конституционного контроля в качестве основополагающей рассматривает необходимость соблюдения, с одной стороны, такой конституционной ценности, как неприкосновенность собственности, а с другой – говорит об обязательности соблюдения баланса прав и охраняемых законом интересов всех участников отношений в конкретных жизненных ситуациях.

Конституционный суд критично высказывается в отношении публично-правового образования как собственника, не проявившего при заключении сделки разумную осмотрительность, осторожность и надлежащую заботливость [12], переложив на него бремя неблагоприятных последствий, выразившееся в формулировании доктрины запрета защищать имущественные интересы публично-правового образования, ущемляя при этом интересы добросовестного приобретателя – гражданина, кото-

рый возмездно приобрел жилое помещение. Последняя доктрина полностью согласуется с позицией Европейского суда по правам человека, в категоричной форме запрещающей устранять допущенные государственным органом ошибки за счет заинтересованного лица [13].

Обнаруженная концепция противопоставления частного и публичного интересов получает свое дальнейшее развитие при формулировании доктрины признания допустимости различий в правовом режиме частной и публичной собственности [12], допускающая, в том числе, действие некоторых ограничений в отношении публичного собственника, которые, однако, не предполагаются и не разрешаются в отношении граждан и юридических лиц, частных собственников.

Фиксируя в ряде случаев принципы преимущественного удовлетворения публичных, либо частных интересов, важнейшей в деятельности Конституционного суда следует признать доктрину соблюдения баланса интересов всех участников правоотношений: собственников, иных лиц, законно владеющих и пользующихся жилым помещением. Данная доктрина универсализируется в отношениях, базирующихся на праве собственности на жилое помещение и его переходе [14]. При формулировании данной доктрины, а также с целью выстраивания оптимального соотношения личного и общественного федеральный орган конституционного правосудия использует дифференцированный подход [15], обусловленный конкретными объективными факторами.

Подводя итоги вышеизложенному, следует сказать, что без определения границы соотношения частных и законных интересов государства и общества затруднительной представляется подлинная реализация социальной функции государства. Согласно действующей Конституции их сопоставление в большей мере смещено в сторону субъективных прав граждан (приоритет прав человека, неприкосновенность собственности, свобода перемещения товаров, услуг, финансовых средств). Однако нельзя забывать о социальных обязательствах государства, обременениях в виде внутреннего и внешнего долга.

Проанализировав решения Конституционного суда России, выявляющие механизмы сопоставления частных и публичных интересов, можно попытаться вывести принципы

такого отлаженного взаимодействия. Во-первых, ключевой принцип – это справедливое соотношение частного и публичного [16], подразумевающий пропорциональность, соразмерность и адекватность правового закрепления конституционных ценностей. Во-вторых, гармоничное соотношение видится в соблюдении баланса частных и публичных интересов, что, однако, не означает их равенства. Вследствие многократного применения носящих прецедентный характер решений суда высший судебный орган конституционного контроля страны формулирует доктрину баланса частного и публичного интересов, которая сводится к выработке правил, которые максимально учитывали бы интересы всех членов общества. Публичные интересы должны являться обобщением, а не только арифметической суммой частных интересов [17, с. 46–50]. В-третьих, необходим дифференцированный подход, допускающий различия в правах граждан, и при котором уче-

ту подлежат конкретные жизненные ситуации, фактическая способность лица платить налоги, условия и характер деятельности работника и т.д.).

Организация системы таких принципов связана, вероятно, с тем, что постсоветский период развития отечественного государства и права завершился, и Россия вступила в новую эпоху политической и правовой действительности. Государство стремится выстраивать такую систему отношений, при которой учитывались бы интересы всех участников. Необходимы четко сформулированные наукой и практикой принципы соотношения частных и публичных основ. Поиск баланса актуален как при защите прав человека, так и при соблюдении законных интересов государства и общества. Обеспечение баланса связано с гармоничным развитием обоих начал, итогом которого должно быть гибкое применение изложенных принципов.

Литература

1. Бакаева О.Ю., Погодина Н.А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 4.
2. Протокол № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004). СПС «КонсультантПлюс».
3. Бондарь Н.С., Джаягарян А.А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3.
4. Постановление Конституционного суда РФ от 30.01.2009 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2, 3 и 4 статьи 13 и абзаца второго пункта 1.1 статьи 14 Федерального закона “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения” в связи с жалобой гражданки Л.Г. Погодиной». СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного суда РФ от 12.04.2016 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы». СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. Bakaeva O.Yu., Pogodina N.A. On the correlation of private and public interests // Journal of Russian Law. 2011. №. 4.
2. Protocol № 1 (Signed in Paris on 20.03.1952) to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1950) (as amended). from 13.05.2004). LRS «ConsultantPlus».
3. Bondar N.S., Dzhagaryan A.A. Direct action of the Constitution: generation and guarantee by constitutional justice // Comparative constitutional review. 2016. № 3.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.01.2009 № 1-P «In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraphs 2, 3 and 4 of Article 13 and paragraph two of paragraph 1.1 of Article 14 of the Federal Law “On the Turnover of Agricultural Land” in connection with the complaint of the citizen L. G. Pogodina». LRS «ConsultantPlus».
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.04.2016 № 10-P «On the case of checking the constitutionality of the provisions of Part 1 of Article 169, Parts 4 and 7 of Article 170 and Part 4 of Article 179 of the Housing Code of the Russian Federation in connection with the requests of groups of deputies of the State Duma». LRS «ConsultantPlus».

6. Постановление Конституционного суда РФ от 31.05.2005 № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова». СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного суда РФ от 11.02.2019 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 13 Федерального закона “Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобами граждан А.К. Качковского и А.Г. Федосова». СПС «КонсультантПлюс».

8. Небрatenko O.O. Общие принципы международного права // Материалы XXI национальной научной конференции (с международным участием) «Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров». Таганрог, 2020.

9. Постановление Конституционного суда РФ от 03.07.2018 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам». СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Конституционного суда РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой компании Timber Holdings International Limited». СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Конституционного суда РФ от 05.03.2020 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой». СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Конституционного суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.05.2005 № 6-P «On the case of checking the constitutionality of the Federal Law “On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners” in connection with the requests of the State Assembly – El Kurultai of the Altai Republic, the Volgograd Regional Duma, a group of deputies of the State Duma and the complaint of citizen S. N. Shevtsov». LRS «ConsultantPlus».

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2019 № 9-P «On the case of checking the Constitutionality of Part 5 of Article 13 of the Federal Law “On the Specifics of Regulating Certain Legal Relations in connection with the Accession of Territories to the Subject of the Russian Federation – the City of Federal Significance of Moscow and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” in connection with complaints of citizens A.K. Kachkovsky and A.G. Fedosov». LRS «ConsultantPlus».

8. Nebratenko O.O. General principles of international law // Materials of the XXI National Scientific Conference (with international participation) «Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, issues of law enforcement and personnel training». Taganrog, 2020.

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 28-P of 03.07.2018 «On the case of checking the Constitutionality of paragraph 6 of Article 1232 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Intellectual Property Rights Court». LRS «ConsultantPlus».

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 8-P of May 16, 2000 «On the Case of Checking the Constitutionality of Certain Provisions of Paragraph 4 of Article 104 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” in connection with a complaint from Timber Holdings International Limited». LRS «ConsultantPlus».

11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.03.2020 № 11-P «On the case of checking the constitutionality of subparagraphs 4 and 5 of paragraph 1 and paragraph 5 of Article 57 of the Land Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen I.S. Butrimova». LRS «ConsultantPlus».

12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 16-P of 22.06.2017 «On

связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца». СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление ЕСПЧ от 06.12.2011 «Дело Гладышева (Gladyshev) против Российской Федерации» (жалоба № 7097/10).

14. Определение Конституционного суда РФ от 03.11.2006 № 455-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Слободского районного суда Кировской области о проверке конституционности пункта 2 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 4 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также жалоб граждан В.А. Вахрамеевой и Е.В. Кожанова на нарушение их конституционных прав этими нормами». СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Конституционного суда РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева». СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Конституционного суда РФ от 16.02.2016 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации “О Государственной границе Российской Федерации” и статьи 24 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и гражданина Федеративной Республики Нигерия Х.Э. Увангуе». СПС «КонсультантПлюс».

17. Нудненко Л.А. Справедливость как критерий баланса публичных и частных интересов // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1.

the case of checking the constitutionality of the provision of paragraph 1 of Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.N. Dubovets». LRS «ConsultantPlus».

13. ECtHR Judgment of 06.12.2011 «Gladyshev vs the Russian Federation» (complaint № 7097/10).

14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 03.11.2006 № 455-О «On refusal to accept for consideration the request of the Slobodsky District Court of the Kirov Region to verify the Constitutionality of paragraph 2 of Article 292 of the Civil Code of the Russian Federation and Part 4 of Article 31 of the Housing Code of the Russian Federation, as well as complaints of citizens V.A. Vakhrameeva and E.V. Kozhanov on violation of their constitutional rights by these norms». LRS «ConsultantPlus».

15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 5-P of 24.03.2015 «On the case of checking the Constitutionality of Article 19 of the Federal Law “On the Entry into Force of the Housing Code of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen A.M. Bogatyrev». LRS «ConsultantPlus».

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 4-P of 16.02.2016 «On the case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Part 2 of Article 18.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, Article 11 of the Law of the Russian Federation “On the State Border of the Russian Federation” and Article 24 of the Federal Law “On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation” in connection with the complaints of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and a citizen of the Federal Republic of Nigeria, H.E. Uwanguе». LRS «ConsultantPlus».

17. Nudnenko L.A. Justice as a criterion for the balance of public and private interests // Constitutional and Municipal law. 2021. № 1.

Овчинникова Олеся Дмитриевна
Ovchinnikova Olesya Dmitrievna

доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Theory and History of State and Law, the Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: olesya901@mail.ru

Шаганян Анна Михайловна
Shaganyan Anneta Mikhailovna

доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Theory and History of State and Law, the Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), PhD in Law.
E-mail: sha-anneta@mail.ru

**«ГЕРМЕНЕВТИКА» И «ЭКЗЕГЕТИКА» КАК ОРИГИНАЛЬНЫЕ
(НЕТИПИЧНЫЕ) ПОДХОДЫ К ТОЛКОВАНИЮ ПРАВА**
**«Hermeneutics» and «exegetics» as original (atypical) approaches
to the interpretation of law**

В статье исследованы понятия «герменевтика» и «экзегетика», которые представляются в качестве составляющих элементов интерпретационной деятельности. А также их соотношение друг с другом как разновидностей процесса толкования права.

Ключевые слова: герменевтика, экзегетика, толкование, интерпретационный процесс, интерпретационная деятельность.

The article examines the concepts of «hermeneutics» and «exegetics». Hermeneutics and exegetics are presented as constituent elements of the interpretative activity. As well as their correlation with each other as varieties of the process of the interpretation of law.

Key words: hermeneutics, exegetics, interpretation, interpretative process, interpretive activity.

Проблемы интерпретации нормативных предписаний всегда подвергались особому вниманию, находились в центре любых исторических этапов развития концепций государства и права. Вследствие этого в современной российской и зарубежной теории права сформировалось стойкое понимание потребности расширения возможностей постижения разнообразных категорий и конструкций юриспруденции. Поэтому последнюю четверть века в европейских странах и в российской науке прослеживается определенный интерес к арсеналу приемов, методов и средств юридической техники, одним из инструментов которой является герменевтика. Традиционно детерминантами подобного внимания является: неясность закона; контрадикторность и коллизии нормативных предписаний; абстрактность из-

ложения; стремительные изменения объективной обстановки, а именно перемены в различных сферах общественной жизни и т.д.

Само по себе толкование права представляет собой сложный интеллектуальный процесс, состоящий из двух самостоятельных, но в то же время взаимосвязанных элементов: уяснение смысла и содержания норм права и разъяснение их адресату. В процессе уяснения толкующий субъект применяет вариативную совокупность инструментария юридической техники, гарантирующую реализацию процесса постижения в полном объеме. Итог уяснения находится в сознании интерпретатора до того момента, пока он не пожелает им поделиться, именно тогда знание находит отражение за пределами сознания толкующего. Качество конечного интерпретационного продукта

зависит от уровня его образования, правосознания, правовой культуры и множества иных факторов толкователя. В противовес уяснению, разъяснение имеет собственное объективное выражение, ведь целью разъяснения является доведение четкого значения смысла закона до субъекта права, что впоследствии находит выражение в процессе реализации права.

Таким образом, в ходе толкования права формируются как сущностное значение нормы права, так и ее нацеленность на выполнение главной задачи – упорядочивание общественных отношений. Использование разнообразных приемов, методов, способов и средств в процессе интерпретации нормативного правового акта зачастую должно исходить из учета исторической обстановки его принятия, а также условий и атмосферы, в которых совершается толкование. В этом ключе герменевтика представляет собой особое искусство изучения и разъяснения смысла текстов юридических документов, которое достигается путем совокупного исследования правил языка, на котором излагается документ, хронологии условий его принятия, раскрытие «скрытых намеков», истинной воли и индивидуальных психологических особенностей законодателя. Применение герменевтики дает возможность обнаружить истинное значение правовой нормы в аспекте ее дискурсивного (понятийного), топологического или системного, исторического и телеологического толкования.

Посредством герменевтики интерпретатор наполняет абстрактные формулировки нормативных правовых актов не только индивидуальным содержанием, но и авторским видением, в котором проявляются его значимые личностные характеристики.

Этимология термина «герменевтика» своими корнями уходит к древнегреческой мифологии, согласно которой, мифологический бог Гермес, являясь вестником Зевса, преподносил народам извещения с Олимпа в форме удивительных вещей и видений, которые надлежало расшифровать и интерпретировать [2, с. 29]. Изначально герменевтика представлялась в форме научного течения, постигающего тайное значение символов, легенд, предсказаний. Сакраментальную герменевтику отождествляют с толкованием различного рода письменных текстов, в том числе в сфере религии, литературы, права.

В эпоху Возрождения, в обществе активно проявился интерес к античной культуре, наблюдается новый виток развития герменевтики, которая представлена в следующих формах: философская герменевтика (интерпрета-

ция работ научных деятелей); теологическая герменевтика (уяснение и разъяснение положений Святого Писания), юридическая герменевтика (толкование действующих нормативных правовых актов).

В дальнейшем, благодаря стараниям немецкого философа Ф. Шлейермахера герменевтика оформилась в научную концепцию, сущность которой заключалась в интерпретации разнообразных явлений через призму психологических качеств и сознания автора. Само же понимание герменевтики в ключе толкования права начало прослеживаться с появлением другого немецкого мыслителя Х.Г. Гадамера, который отмечал, что герменевтика подразумевает под собой особенную науку, исследующую методологию и практику разъяснения, включающую в себя совокупные знания об интерпретации: юридические, логические (закономерные) [7], языковедческие, психологические, исторические, общественно-политические и др.

Инновационные науковедческие комбинации координируют с герменевтикой проблемы методологического права, образующие новейшую онтологию социального познания. В настоящий момент отдельные ученые указывают на более точное определение изучаемого явления и ее признаков, определяя герменевтику как «внедрение в новейший вид правопонимания, в контексте коего природы права, корни которого располагаются в коммуникативных глубинах человеческого духа» [5; 9].

Следует признать бесспорным мнение С.С. Алексеева, согласно которому под юридической герменевтикой он понимает «науку (и искусство) толкования юридических терминов и понятий, вершину юридического мастерства, кульминационный пункт юридической деятельности» [1, с. 130].

Особого внимания заслуживает позиция Н.С. Волкова, считающего, что «юридическая герменевтика понимается как особый метод толкования правовой нормы, включающий не только буквальную расшифровку текста толкуемой нормы, но и оценку правовой ситуации, сопутствующей созданию и реализации этой нормы» [3].

Итак, современная юридическая герменевтика как независимое направление в российской юридической науке – явление относительно молодое. Однако непосредственно герменевтический аспект давно присущ гуманитарным дисциплинам. Назначение юридической герменевтики состоит, в первую очередь, в поиске и уяснении сути и значения правового текста, исследовании вопросов множественности

содержаний, путем использования юридических, логических, лингвистических, психологических, социально-политических и других знаний. Так, трактовка и разъяснение правовых текстов с применением герменевтического способа вынуждает толкователя (правоприменителя) углубляться в такие гуманитарные науки, как философия, история, логика, психология и т.д. Герменевтика выступает компонентом общефилософской концепции осмысления, дает возможность интерпретатору по-другому (иначе) оценить текст, является пособием в процессе обнаружения его истинной сущности и целеполагания.

Таким образом, можно сделать вывод, что герменевтика представляет нетипичный подход юридической науки, помогающий осознанно интерпретировать письменные правовые источники. Так, юридическая герменевтика содействует «корректированию технической двойственности и сомнительности текстов, непостижимости юридических конструкций и компенсированию их недостатков и пробелов в целях упрощения использования на практике» [6, с. 22]. Конечная цель герменевтики состоит в том, чтобы открыть истинность и ценность текста, показать то, что на самом деле он означает. На самом деле каждый, интерпретатор, так или иначе, использует герменевтический подход, воспринимая действительный смысл воли автора юридического текста, осмысливая полученные знания через свою личную герменевтическую призму, получая как итог интегрированный результат.

Наряду с герменевтикой, среди оригинальных подходов к толкованию права выделяют и экзегетический аспект. Следует отметить греческое происхождение термина «экзегеза», изначально означавшего в буквальном смысле «выведение». Однако термин обрел и второе значение, под которым стали понимать деятельность, связанную с разъяснением или толкованием [4, с. 18].

Термин «экзегеза» появляется в Античной Греции в тот период, когда подход к слову и процедуре толкования был иным, чем в современности. В древней культуре не допускалось, так называемое сопричастие к авторскому тексту, при котором интерпретатор и автор (писатель) становятся вследствие процедуры толкования соавторами этих смыслов и содержания. Экзегеза (толкование) источников происходило с помощью заметок к интерпретируемым словам или текстам, которые назывались «глоссы». Именно они включали в себя либо разъяснение единичных текстов и формулировок источника, либо наиболее широкие уче-

ния относительно содержания этого текста. Для античности символ непосредственно в себе сохраняет подлинную значимость, а задача интерпретатора – противостоять внесению хоть чего-либо индивидуального, извращающего подобную значимость. Даже наоборот, толкователь должен всеми возможными приемами, методами и средствами «достать» истинный смысл, первостепенное содержание символа, слова и текста. В данном значении экзегетический подход полярен и альтернативен пониманию толкования с воззрения герменевтического подхода. «Экзегеза» никак не указывает на объединение сознаний в ходе смыслообразования, так как подлинный смысл уже существует в тексте. Так, например, первоначальные примечания к тексту Гражданского кодекса РФ содержали фактический пересказ его нормативных предписаний, ввиду необходимости осознания буквального их смысла. Такого рода способ толкования именуется экзегетическим, так как после принятия любого нормативного правового акта, особенно кодифицированного, первое время наука старается объяснять его нормы максимально буквально. В России данный метод толкования используется довольно часто, в то время как, например, в Германии экзегетическое толкование закона утратило значимость в начале XX столетия.

Следовательно, применение экзегетического способа толкования заключается в выяснении четкой, подробной, исключительной воли автора. Сущность данного явления можно выразить в следующем высказывании: «все право вмещается в писанный закон; юрист должен просто извлечь его оттуда, следуя за волей законодателя» [8, с. 404].

Обобщая изложенное, можно сформулировать следующее: герменевтика и экзегетика, безусловно, являются составляющими элементами сложного интеллектуального процесса – толкования. Так, если «герменевтика» – это особый метод научного познания, искусство толкования нормативных правовых актов; постижение смысла посредством субъективной оценки объекта познания, то под «экзегезой» понимается: во-первых, такое толкование норм законодательства, когда интерпретатор осознанно идет по линии наименьшего сопротивления, предпочитая опереться на систему готовых решений, предложенных ему законодателем; во-вторых, исключение любой критики текста, поскольку априори текст закона идеален; в-третьих, при экзегетическом толковании не вычленяются проблемы суждения, изложенные в тексте не подвергаются сомнению.

Итоговой целью юридической герменевтики является возможность почувствовать за «буквой закона» «дух закона», а также атмосферу, которая оказывала воздействие на создателя нормы права. При данном подходе к толкованию огромное значение отводится не только словам, но и символам, поскольку они зачастую имеют как прямое значение, так и скрытый смысл, а под ним и содержание, которое может не осознаваться автором.

Герменевтический подход к толкованию представляет процесс познания объекта исследования путем разъяснения смысла и значения юридических норм, как в отдельности, так и во взаимодействии. Сущность герменевтики заключается в интерпретации и понимании результатов правотворческой деятельности посредством политических, социальных, культурных, духовных, экономических и других отношений. Ее основная роль проявляется в установлении уникальной атмосферы создания норм права при интерпретации юридически значимых текстов, фактов, прецедентов, важнейших терминов посредством уяснения смысла и содержания воли законодателя; сочетание и применение разнообразных способов интер-

претации, а также путем проведения правотворческой экспертизы.

Экзегетический подход к толкованию права выступает результативным способом не только поиска, но и преодоления правотворческих погрешностей (коллизий, пробелов), возникших вследствие дисгармонии права и существующих общественных отношений. Согласно экзегетике интерпретатор добивается постижения истинного смысла путем познаний грамматических правил, исследованием существующих реалий, которые существовали, а также «вскрытием намеков», значение которых с некоторым периодом времени стало неясным.

Исследуемые оригинальные подходы к толкованию права, очевидно не могут рассматриваться в качестве идентичных. Герменевтический подход шире экзегетического, что является следствием учета в процессе интерпретационной деятельности не только самого источника права, как способа вербальной коммуникации, но и иных видов невербальной коммуникации (анализ не только исторических условий, в которых были приняты нормы права, но и правовых ситуаций, сопутствующих ее реализации).

Литература

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.
2. Васюк А.В. Зарождение и развитие герменевтических идей как условие возникновения юридической герменевтики в России // Вестник Пермского университета. 2010. № 2 (8).
3. Волкова Н.С. Приемы формирования правовой позиции Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2005. № 9.
4. Гетьман-Павлова И.В. Истоки науки международного частного права: школа глоссаторов // Международное публичное и частное право. 2010. № 2.
5. Лавриненко В.Н. Философия: учебник для бакалавров. М., 2014.
6. Левченкова Т.А. Герменевтический метод толкования финансово-правовых феноменов // Реформы и право. 2015. № 1.
7. Марчук В.В. Герменевтика Х.-Г. Гадамера и ее значение для квалификации преступлений. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/290215643.pdf>.
8. Михайлов А.М. Юридическая доктрина и правовая идеология: учебник для вузов. М., 2021.
9. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д, 2002.

Bibliography

1. Alekseev S.S. Law: ABC-Theory-philosophy: the experience of a comprehensive study. Moscow, 1999.
2. Vasyuk A.V. The origin and development of hermeneutical ideas as a condition for the emergence of legal hermeneutics in Russia // Vestnik Permskogo universiteta. 2010. № 2 (8).
3. Volkova N.S. Methods of forming the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2005. № 9.
4. Getman-Pavlova I.V. Sources of the science of international private law: school of glossators // International public and private law. 2010. № 2.
5. Lavrinenko V.N. Philosophy: textbook for bachelors. Moscow, 2014.
6. Levchenkova T.A. Hermeneutical method of interpretation of financial and legal phenomena // Reforms and law. 2015. № 1.
7. Marchuk V.V. Hermeneutics of H.-G. Gadamer and its significance for the qualification of crimes. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/290215643.pdf>.
8. Mikhailov A.M. Legal doctrine and legal ideology: textbook for universities. Moscow, 2021.
9. Ovchinnikov A.I. Legal thinking in the hermeneutical paradigm. Rostov-on-don, 2002.

Селютина Елена Николаевна
Seliutina Elena Nikolaevna

доцент кафедры истории и государственно-правовых дисциплин Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) кандидат юридических наук, доцент.

Associate professor, the Department of History and State-Legal Disciplines, the Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), PhD in Law, Associate professor.
E-mail: seljutina1@rambler.ru.

Холодов Владимир Александрович
Kholodov Vladimir Alexandrovich

доцент кафедры истории и государственно-правовых дисциплин Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) кандидат исторических наук, доцент.

Associate professor, Department of History and State-Legal Disciplines, the Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), PhD in History, Associate professor.
E-mail: vohol1@rambler.ru.

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
В РЕВОЛЮЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

**Peculiarities of the development of legal writing in the revolutionary conditions
of the Soviet statehood formation**

В статье рассмотрены особенности законодательной юридической техники, использованной при создании нормативных правовых актов периода революционных потрясений в России 1917–1918 годов в контексте осуществления революционного правотворчества и становления органов власти и управления советского государства. В рамках рассматриваемого периода авторами обращается внимание на необходимость юридической регламентации новой государственно-правовой структуры, требующей пересмотра предыдущей нормативно-правовой основы. В статье акцентируется внимание на наиболее знаковых нормативных правовых актах, определивших уровень развития юридической техники периода революционных потрясений 1917–1918 годов и заложивших основы для законотворческой деятельности в рамках социалистического государственно-правового строительства в последующем.

Ключевые слова: юридическая техника, техника правотворчества, нормативный правовой акт, советское государство, социалистическое право.

The article examines the peculiarities of the legislative legal writing used in the creation of legal regulations during the period of revolutionary upheavals in Russia in 1917–1918 in the context of the implementation of revolutionary law-making and the formation of the authorities and administration of the Soviet state. During the period under review, the authors draw attention to the need for legal regulation of a new state legal structure requiring a revision of the previous regulatory framework. The article focuses on the most significant normative legal acts that determined the level of development of legal writing during the period of revolutionary upheavals of 1917–1918 and laid the foundations for legislative activity within the framework of socialist state-legal construction in the future.

Key words: legal writing, law-making technique, normative legal act, Soviet state, socialist law.

Современный период развития юридической техники в России, безусловно, имеет свою предысторию и определенные этапы, на которые были заложены основные фундаменталь-

ные виды и приемы юридико-технической регламентации общественных отношений. Предшествующим по отношению к современной российской государственности этапом на пути

формирования юридико-технических традиций России явился сложный, противоречивый и нередко критикуемый в силу своей догматичности период становления советского государства и права, основанный на марксистско-ленинской идеологии. Построение советского государства было обусловлено кардинальными изменениями во всех сферах и, в первую очередь, переходом от монархической формы правления к социалистической республике. Особенно сложным с точки зрения необходимости формирования правовой основы советской государственности был переходный революционный период 1917–1918 годов, специфической чертой которого являлась не только борьба за власть, но в большей степени необходимость юридической регламентации новой государственно-правовой и общественной структуры.

Совершенно особый период в развитии отечественной юридической техники обусловлен революционными потрясениями 1917 г. и сломом существовавшей государственно-правовой системы дореволюционной России. Безусловно, советский период в развитии юридической техники сложен, неоднолинеен и противоречив. С точки зрения правотворческой юридической техники данный период крайне мало изучен. Как отмечает В.Ф. Калина, Февральская, а затем Октябрьская революция и Гражданская война негативно повлияли на юридико-технические характеристики документов, принятых в то время и на развитие юридической техники в целом [2]. И.В. Колесник указывает на полное отсутствие преемственности между правом дореволюционного и советского периодов, обусловленного непримиримыми идеологическими противоречиями [5]. Анализ советского периода в развитии отечественной юридической техники требует отдельного рассмотрения, в связи с чем в данной статье нами предпринята попытка его более подробного исследования с целью выявления специфики юридической техники нормативных правовых актов переходного периода.

Исследование юридико-технических особенностей законодательства рассматриваемого периода невозможно без характеристики политической обстановки и социально-экономических условий в государстве, представляющих собой предпосылки правотворческой деятельности и источник права в материальном смысле [9].

Прежде всего следует сказать, что формирование новых политико-правовых институтов и нормативных правовых актов началось уже после Февральской революции 1917 г. Обра-

зованное 1 марта 1917 г. Временное правительство провозгласило основные права и свободы граждан, политическую амнистию, гражданское равноправие. Кроме того, в политическую программу временного правительства входили меры, которые неминуемо предопределяли изменения в законодательстве. В частности, предполагалась отмена смертной казни, реформа учреждений земского и городского самоуправления в демократическом русле, уравнивание в правах по социальным, религиозным и национальным признакам.

Первыми эпохальными нормативными правовыми актами революционных событий конца февраля – начала марта 1917 г. были Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 г., Акт об отречении императора от престола, подписанный Николаем II 2 марта 1917 г., Приказ № 2 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, а также Манифест Михаила Александровича, брата императора, об отказе в принятии престола и предоставлении решения вопроса о форме власти в России будущему Учредительному собранию.

В период деятельности Временного правительства, с целью координации его законотворческой функции, было сформировано Юридическое совещание, при котором также действовала Особая комиссия по составлению проекта Основных государственных законов. В рамках своей деятельности Особая комиссия при Юридическом совещании работала над проектом конституции.

В силу того, что в стране после событий февраля-марта 1917 г. возникла ситуация двоевластия, на демаркационной линии которой находились Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, то издание нормативных правовых актов шло «параллельными курсами».

Активизация правотворческой деятельности Временного правительства проявилась весной 1917 г., когда были приняты нормативные правовые акты, значительно расширявшие демократические права и свободы граждан и в целом направленные на демократизацию жизни в стране.

Правотворчество Временного правительства носило подзаконный характер. Принимаемые нормативные правовые акты издавались в виде различных постановлений, положений и проч. Это обстоятельство было обусловлено необходимостью более оперативного реагирования на

динамично меняющиеся социально-экономические и общественно-политические реалии революционного 1917 года. При этом следует отметить, что и на сегодняшний день подзаконное правотворчество считается более оперативным и нацеленным на быстрое принятие решений и правовую регламентацию тех или иных сторон общественных отношений.

Например, в марте 1917 г. Временное правительство приняло постановление «О кооперативных товариществах и союзах». Также в конце марта того же года было принято и Временное положение об организации чинов действующей армии и флота. Отметим и другие документы – постановления. В их числе в марте 1917 г. были приняты постановления «Об учреждении общественного продовольственного комитета», чуть позже – постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах».

Однако Временное правительство принимало и нормативные правовые акты в форме законов. Так, в частности, законодательная деятельность Временного правительства весной 1917 г. иллюстрируется принятием Законов «О рабочих комитетах в промышленных заведениях», «О печати», «Об учреждениях по делам печати» и ряд других.

Тем не менее, как полагают исследователи, Временное правительство принимало недостаточные меры, необходимые для стабилизации ситуации в стране, хотя и отмечается, что оно попало в ситуацию «замкнутого круга». В частности, С.Е. Руднева высказывает предположение о том, что, с одной стороны, Временное правительство могло стабилизировать ситуацию в стране, имея достаточно твердую власть, способную удерживать деструктивно настроенные воинственные пролетарские массы, но без поддержки с их стороны, а, с другой стороны, правительству необходимо было заручиться доверием со стороны пролетарских масс, не имея при этом возможности оказывать на него меры принудительного воздействия [6].

Декретом Временного правительства от 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена республикой, хотя это обстоятельство вызвало неоднозначную реакцию в обществе.

В рамках деятельности Временного правительства еще в марте 1917 года было организовано Юридическое совещание, в задачи которого входило «обсуждение вопросов публичного права, возникающих в связи с установле-

нием нового государственного строя» [1]. Кроме того, Юридическое совещание должно было подготавливать заключения по необходимым Временному правительству законопроектам.

Юридическое совещание в контексте юридико-технической деятельности разработало кодифицированный акт, регламентирующий административную юстицию. Таким актом стало Положение о судах по административным делам, принятое в мае 1917 года. Также в сентябре-октябре 1917 года Юридическим совещанием были подготовлены отдельные законопроекты, преимущественно ориентированные на создание сильной исполнительной власти, реализация которых оказалась невозможной в силу произошедших революционных событий октября 1917 года, сформировавших совершенно новую систему управления и нормативных правовых актов.

Однако уже вскоре планомерная правотворческая деятельность Временного правительства была прервана революционными событиями октября 1917 г. и главенствующие позиции, в том числе и в контексте правовой регламентации, начали занимать Советы, окончательное объединение которых произошло в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов.

Основной формой нормативных правовых актов в период установления советской государственности и формирования ее органов власти и управления стали Декреты, регулировавшие важнейшие сферы общественных отношений, – Декрет о мире, Декрет о земле.

Основной особенностью данных нормативных актов с точки зрения их юридико-технической сущности, в силу неопределенности самой государственно-правовой формы, был декларативный характер. В определенном роде они были актами-призывами или актами-декларациями, провозглашавшими те или иные принципы регулирования общественных отношений. Так, Декрет о мире предлагал заключить мирный договор между воюющими государствами, отказаться от аннексий и контрибуций, провозглашал право наций на самоопределение. Декрет о земле провозглашал отмену частной собственности на землю, а также запрещал применение наемного труда и аренды земли.

Особой юридической формой, провозглашавшей государственно-правовые изменения в период революционных потрясений конца 1917 – начала 1918 г. следует также признать обращения к гражданам. С данной точки зрения вызывают интерес два обращения, принятые

II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов – «К гражданам России» и «Рабочим, солдатам и крестьянам». Своеобразие данных актов заключается в том, что они, имея декларативную форму, по своей сути заявляли о кардинальных государственно-правовых преобразованиях – о переходе власти к Военно-революционному комитету, съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, а на местах – к местным Советам.

Более практико-ориентированный характер носили нормативные правовые акты, изменявшие законодательные основы прежнего государственно-правового устройства. К числу таковых актов относились Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» ноября 1917 года, а также Декрет СНК «Об отделении Церкви от государства» и ряд других.

Характерной особенностью обозначенных нормативных актов был, помимо их во многом декларативного содержания, предполагавшийся временный характер. Так, согласно господствовавшей марксистско-ленинской идеологии, пролетарское право представляло собой переходный этап от права буржуазного к коммунистическому обществу, где правовые формы не будут востребованы, а следовательно, право обречено на постепенное отмирание [5]. Однако практика показала нежизнеспособность подобной идеи отсутствия правового регулирования, и социалистическое право стало родоначальником новой правовой семьи, выработав собственные принципы правового регулирования и развив юридическую технику до высокого уровня за короткий период времени.

II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, издавая свои Декреты и Постановления, ограничивал действие их положений во времени. Предполагалось, что они должны действовать до созыва Учредительного собрания, которое уже должно было окончательно решить судьбу формы правления и государственного устройства России.

В ноябре 1917 года прошли выборы в Учредительное собрание, в ходе которых большинство мест получили меньшевики и эсеры, а в партии большевиков возникли разногласия между фракцией Учредительного собрания и ЦК партии, хотя уже в декабре 1917 года это разногласие было преодолено посредством переизбрания бюро фракции большевиков и выработке однозначной позиции относительно приоритетности республики Советов.

Однако, как известно, Учредительному собранию не суждено было сформировать правовую основу новой государственности в России, поскольку уже в начале января 1918 года оно было распущено красногвардейским караулом. По этому случаю ВЦИК издал Декрет о роспуске Учредительного собрания, ознаменовавший для России тот факт, что единственным высшим органом власти в стране стал Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) проводил достаточно активную правотворческую работу. Так, например, в период с октября 1917 года до июля 1918 года ВЦИК принял более 100 различных декретов, постановлений и других актов, в то время как СНК (Совет народных комиссаров) – порядка 600 нормативных актов [1]. Активная законодательная деятельность СНК осуществлялась, несмотря на критику со стороны оппозиционных большевика сил, но ВЦИК в начале ноября 1917 года подтвердил полномочия правительства по принятию нормативных актов, издав специальное постановление.

Знаковым нормативным правовым актом, определившим форму правления и государственного устройства в советской России, стала принятая III съездом Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая провозглашала Россию республикой Советов. По форме государственного устройства Россия становилась федерацией национальных республик.

Следует отметить, что III съезд Советов принимал различные по своей форме нормативные правовые акты – от Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа до декретов, законов и даже отдельных постановлений. Значимыми для дальнейшего становления советской государственности явились Закон ноября 1917 года о создании ВСНХ (Всероссийского совета народного хозяйства), а также постановление «О федеральных учреждениях Российской Республики», закреплявшее систему органов федеральной власти – Всероссийский съезд Советов, ВЦИК, СНК.

С точки зрения формирования нового социалистического права революционный период конца 1917 года и первых лет советской Республики характеризовался не только правотворческой деятельностью органов законодательной и исполнительной власти Российской Республики, но и особым революционным

правотворчеством, которое осуществлялось и судебной системой. Например, принятый II Всероссийским съездом Советов Декрет о суде № 1 отменял действие старых законов в случае противоречия их революционному правосознанию, которое, зачастую, при колоссальной пробельности права, выступало в качестве одного из главных источников права.

Таким образом, революционное правотворчество осуществлялось не только высшими органами власти и управления, такими как Всероссийский съезд Советов, ВЦИК, СНК, ЦК партии, местные Советы, но и непосредственно судебными органами. Данное обстоятельство, согласно общепризнанной компаративистской правовой концепции, смешивало признаки романо-германской и англо-саксонской правовых семей в молодом советском государстве.

Уже с начала своего существования советская Республика пошла по пути создания кодифицированных нормативных правовых актов, регулировавших, с точки зрения руководства страны и большевистской партии, важнейшие сферы общественных отношений. В частности, в сентябре 1918 года ВЦИК принял Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, в декабре 1918 года был принят Кодекс законов о труде РСФСР (КЗоТ), в декабре 1919 года Наркомат юстиции принял Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, которые, являясь по своей юридико-технической сущности кодифицированным нормативным правовым актом, обобщавшим уголовную практику судов и трибуналов. В данных актах нашли отражение принципы равноправия, равенства полов, государственная защита детства, закрепление социальных прав. В качестве примера приведем положения Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве [4], в ст. 105 которого был закреплен режим раздельного имущества супругов, в полной мере соответствовавший принципу равноправия полов, провозглашенному большевиками. Кодексом законов о труде 1918 года вводились социальные гарантии для работников – отпуск, право на больничный, охрана здоровья несовершеннолетних трудящихся и женщин [3].

Законодательная техника молодого советского государства быстро вышла на достаточно высокий уровень. Нормативные предписания формулировались достаточно абстрактно, а законодательный материал изложен кон-

центрированно [8]. Причем за счет использования приемов систематизации нормативные положения подвергались классификации, а сами акты приобретали сложную структуру и делились на разделы, главы, статьи. Например, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве состоял из четырех разделов, каждый из которых включал от трех до пяти глав, расположенных по предметному принципу. Кроме того, данный Кодекс имел приложения, закрепляющие формы книг различных записей гражданского состояния, в том числе безвестно отсутствующих, то есть правовая фикция признавалась советским правом.

Источник уголовного права с точки зрения юридической техники характеризуется двояко. С одной стороны, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР имели выверенную юридико-техническую структуру, состоявшую из введения и профильных разделов, в частности, таких, как об уголовном правосудии, стадиях совершения преступлений, соучастии, видах наказания и других. В Руководящих началах использованы сложные приемы юридической техники: дается определение правовых понятий, например, право, преступление [7]; используются специальные юридические термины – подстрекатель, пособник; правовые конструкции – стадии совершения преступления. Тем не менее, Руководящие начала не исключали практику судебного правотворчества, воплощавшегося в заложенном в них принципе аналогии, который на практике приводил к весьма свободному толкованию и, соответственно, произволу судебных органов. Кроме того, допускались неопределенные, расплывчатые формулировки, даже виды уголовных наказаний названы как «примерные» (ст. 25), что, по сути, наделяло судебные органы правотворческой функцией и создавало широкое поле судейского усмотрения. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 многие недостатки Руководящих начал были исправлены, новый Кодекс стал более совершенным в юридико-техническом отношении, как, впрочем, и акты начала третьего десятилетия XX века в сфере трудового и семейного права.

Особое значение для формирования системы землепользования в советском государстве имело изданное ВЦИК в феврале 1919 года Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию.

Главным итогом конституционного строительства в начале существования советского государства стала Конституция РСФСР 1918 года. Нормативный материал в Конституции распределялся по шести разделам семнадцати главам и девяноста статьям. В первом разделе закреплялись права трудового народа; следующие разделы посвящались устройству власти в государстве. В отдельные разделы вынесли избирательное и бюджетное право, а также государственные символы.

Интересен тот факт, что правом принимать законы обладали одновременно несколько органов – Всероссийский съезд Советов, ВЦИК и СНК. Чтобы избежать конфликта принимаемых актов была установлена такая иерархия полномочий: высшая законодательная власть принадлежала ВЦИК, а исключительным правом изменять Конституцию обладал Всероссийский съезд Советов.

Таким образом, молодое советское государство достаточно быстро сформировало необходимую для своего функционирования законодательную основу, состоявшую преимущественно из декретов СНК и постановлений ВЦИК и регулировавшую наиболее важные общественные отношения в социальной, политической и хозяйственно-экономической

сферах. В то же время, как было отмечено выше, появляются и первые кодифицированные акты в гражданских, трудовых и уголовных правоотношениях. Как итог правотворческой работы данные акты отвечали реалиям того времени, регулировали важнейшие сферы общественных отношений, а уровень юридической техники служил показателем общей и правовой культуры формирующегося государства нового типа. В этой связи, формировавшаяся на новой законодательной основе система права, настоятельно требовала своего конституционного регулирования, определяющего базовые правовые ориентиры в построении новой советской государственности.

Конституция РСФСР 1918 года создавала правовую базу для законотворческой деятельности в будущем, продекларировав совершенно новые государственно-правовые ориентиры. Для переходного периода от царской России к социалистической государственности Конституция 1918 года явилась прогрессивным нормативным правовым актом, обобщившим опыт государственно-правового регулирования общественных отношений молодой советской республики и заложившим основы конституционного строительства советского государства.

Литература

1. Исаев И.А. История государства и права России. М., 2010.
2. Калина В.Ф. Юридическая техника. М., 2019.
3. Кодекс законов о труде от 10.12.1918 (в ред. от 02.09.1920) // СУ РСФСР. 1918. № 87-88. Ст. 905 (утратил силу).
4. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16.09.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 76-77. Ст. 818 (утратил силу).
5. Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
6. Руднева С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М., 2006.
7. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590 (утратил силу).
8. Селютина Е.Н., Холодов В.А. Юридическая техника правотворческого процесса: актуальные проблемы и направления совершенствования // Государство и право. 2018. № 6.
9. Селютина Е.Н., Холодов В.А. Проблемы теории государства и права. М., 2017.

Bibliography

1. Isaev I.A. History of the state and law of Russia. Moscow, 2010.
2. Kalina V.F. Legal engineering. Moscow, 2019.
3. Code of Labor Laws from 10.12.1918 (ed. From 02.09.1920) // SU of the RSFSR. 1918. № 87-88. St. 905 (lost force).
4. Code of Laws on Acts of Civil Status, Marriage, Family and Guardianship Law of 16.09.1918 // SU of the RSFSR. 1918. № 76-77. St. 818 (lost force).
5. Kolesnik I.V. Theoretical model of law enforcement technology: dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2014.
6. Rudneva S.E. Pre-Parliament: October 1917: experience of historical reconstruction. Moscow, 2006.
7. Guidelines on criminal law RSFSR // SU RSFSR. 1919. № 66. St. 590 (lost force).
8. Selyutina E.N., Kholodov V.A. Legal technique of the law-making process: topical problems and areas of improvement // State and law. 2018. № 6.
9. Selyutina E.N., Holodov V.A. Problems of the theory of state and law. Moscow, 2017.

Рожковский Виталий Борисович
Rozhkovsky Vitaly Borisovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor, the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

E-mail: v-rozhkovskiy@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРАВА И ХРИСТИАНСКИЕ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ

The existentialist approach to the understanding of law and christian moral and legal values

В статье проводится сравнительный анализ экзистенциалистского подхода к пониманию субъекта права и русской философии права. Анализируется потенциал христианских нравственно-правовых ценностей, связанных с идеей кеносиса в отношении индивидуального и социального бытия человека, для реализации принципа интерсубъективности в праве.

Ключевые слова: экзистенциалистский подход, русская философия права, субъект права, христианские нравственно-правовые ценности, кеносис, кенотический характер права, принцип интерсубъективности в праве, справедливость, сострадание, жертвенность, любовь.

The article presents a comparative analysis of the existentialist approach to the understanding of the subject of law and the Russian philosophy of law. The article analyzes the potential of Christian moral and legal values associated with the idea of kenosis in respect of the individual and social human being, for the implementation of the principle of intersubjectivity in law.

Key words: existentialist approach, Russian philosophy of law, subject of law, Christian moral and legal values, kenosis, kenotic nature of law, the principle of intersubjectivity in law, justice, compassion, sacrifice, love.

Среди современных интерпретаций права актуальное значение сохраняет традиция акцентуации внимания на реальном субъекте права – человеческой личности, совершающей правовой поступок, обращение к самому человеку, «активно включенному в общественную и правовую действительность, к субъективной репрезентации им юридических процессов, а также иных явлений социальной реальности» [1]. Речь идет об экзистенциалистском подходе к праву (Э. Фехнер, В. Майхофер, М. Мюллер, К. Коссио и др.), выработанном в XX веке под влиянием идей экзистенциальной философии и противостоящим такому правовому подходу, в котором правовая реальность недостаточно соотносится с уникальным внутренним миром личности, с ее естественными правами и свободами.

Достоинство экзистенциалистского подхода заключается в его гуманистическом характере, который проявляется в требовании преодоления духовного отчуждения личности от

объективного права, в доказательстве «несводимости права к системе юридических норм или принципов» [1]. Представители экзистенциалистского подхода говорят о существенном значении «права, переживаемого» личностью, о рождении естественного права как «подлинного права» в «пограничных ситуациях», где человек ощущает и осознает собственную правду права, принимает решение и осуществляет поступок, исходя из собственной «самости» или осознанной «индивидуальной нормы поведения» (К. Коссио) [2, с. 81].

При этом, однако, коренной недостаток экзистенциалистского подхода связан с невозможностью выдвинуть надежный критерий, отличающий субъективное переживание собственных притязаний на правду права и акт свободного участия личности в решении, имеющем правовое значение, от ситуативного решения и несправедливого притязания, а значит и антисоциального произвола в трактовке права. На это указывает ряд современных российских ученых

(В.С. Нерсисянц, В.А. Четвернин, К.А. Туганев и др.) [1]. Действительно, право, «переживаемое» (тем или иным человеком), может представлять в качестве действенного источника справедливого поступка в отношении других людей, социума – далеко не всегда, и лишь в том случае, если личность обладает развитым правосознанием и правовой культурой. В свою очередь, правосознание и правовая культура укоренены не просто во внутреннем мире личности, а в исторически развивающемся сознании личности, связанном с особенностями той или иной культуры, с присущими ей нравственными императивами и ценностями, религиозными и национальными традициями, с опосредуемым бытием объективного права (законов и др.).

Экзистенциалистский подход к праву в определенном смысле можно коррелировать с русской философско-правовой традицией (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин и др.), где большое значение придавалось личностно-ценностным основаниям права, в особенности созиданию личностью позитивного опыта правосознания. При этом признание ценности реализации уникальной субъективной свободы в праве дополнялось обоснованием сакрального (религиозного) его источника, глубинной религиозно-онтологической природы объективного права (генетической и содержательной зависимости человеческих норм и законов от Божественного Закона), а также духовно-социальной «предметности» права (И.А. Ильин), направленного к воплощению идеала социальной справедливости и благополучия.

Так, возможность созидания позитивного правосознания и правовой культуры для И.А. Ильина состояла в возрождении связи их с духовно-религиозным опытом личности и общества, с принятием как отдельным человеком, так и социумом высших христианских нравственных ценностей. В этом плане русская философско-правовая традиция сближалась с идеями религиозного экзистенциализма, но в большей степени «подпитывалась» ими в его отечественном (прото-)варианте – в частности, через влияние творчества Ф.М. Достоевского. Достаточно упомянуть его известный нравственно-правовой пассаж (высказанный в разных вариациях персонажами из произведений «Братья Карамазовы» и «Бесы»): «Если Бога нет, то все позволено», ставший одним из начальных тезисов всей философии экзистенциализма. Или суждение: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с

истиной» [3], подспудно заключающее в себе религиозно-экзистенциальную критику секулярных философских концепций «истины», а заодно и основанных на них этических и правовых теорий «справедливости». Практически невозможно было бы понять мотивационно-ценностную сторону решений и поступков главного героя произведения «Преступление и наказание» Раскольникова без учета своеобразного проживания им христианских нравственных ценностей. Ф.М. Достоевский показал сложный психологический процесс христианского преображения главного героя – от взращивания в глубине его души попытки греховного самостояния («право имею» на убийство) и революционно-анархистских устремлений, приведших к преступному деянию, до раскаяния, добровольного признания вины и дальнейшей христианской «метанойи» его жизненного мира. В соответствии с экзистенциалистским подходом к праву, сознание собственной «правды» героев произведений Ф.М. Достоевского всегда лично уникально и проживается в «пограничных ситуациях» выбора между добром и злом, в борьбе за осуществление подлинной экзистенции. При этом, в отличие от современных экзистенциалистских концепций права, сознавание героями произведений Ф.М. Достоевского своих поступков не ограничено ощущением некоторых «индивидуальных норм» или применением секулярных априорных максим морали индивида в социальных отношениях (как, например, в понимании социально-правовых отношений В. Майхофером). Это сознание обращено к религиозно-нравственным ценностям, имеющим сакральный источник и впечатленным в сознание человека благодаря причастности его к определенному духовно-национальному историческому опыту.

Нравственные религиозные (христианские) ценности могут служить и исторически служили социокультурным основанием правовых норм. По мнению же русского философа права И.А. Ильина, именно христианские ценности придают праву онтологическое обоснование и оправдание, определяют его сущность. Согласно «Основам социальной концепции Русской Православной Церкви», «исторически религиозное и светское право происходят из одного источника и долгое время являлись лишь двумя аспектами единого правового поля» [4]. Разрыв данного «единого правового поля» произошел лишь с началом процессов секуляризации европейского общества, когда стало формироваться светское право, противопоставляющее

себя религиозным ценностям и не признающее религиозного учения о греховной поврежденности, ограниченности природы человека. Естественно-правовые теории, позитивизм и другие теории, пришедшие в Новое время на смену теологической теории происхождения права, исходят из принадлежности права природе человека, понимаемого как существо автономное, лишенное связи с Богом. В итоге, «светское право, построенное на автономной этике, стало... обезбоженной псевдорелигией человекобожия» [5]. Но это повлекло за собой и другой разрыв – разрыв между правовыми объективными нормами и внутренним миром субъекта права, который стал все в большей мере позиционировать собственные (естественные) права как некое эгоистическое кредо жизненного мира, лишенное мотивации к исполнению общественных обязанностей перед другими людьми. Наблюдаемый ныне в обществе кризис нравственности и правосознания подтверждают тезис о том, что «светское право в “узкой”, позитивной интерпретации, его нормативно-правовая структура оказываются... неэффективными регуляторами общественных отношений» [6, с. 321].

Тем не менее, и в настоящее время многие правовые нормы определяются исторической и содержательной связью с религиозными (христианскими) ценностями. Если для секуляризированной с Нового времени науки о праве религиозно-нравственный опыт зачастую воспринимается как несовместимый с объективной сферой правовых установлений в современном обществе, то такое положение вещей нельзя считать адекватным для полноценного осмысления права. Ведь носителями такого опыта является довольно значительное число людей, в том числе, и в постсоветской России, и он неизбежно влияет на восприятие тех или иных норм права и социально-правовой реальности вообще. Вообще вопрос о значении ценностных оснований права – один из важнейших в понимании сущности права, правосознания, правовой культуры личности и общества. И ответ на этот вопрос сближает правовую науку с христианской этикой, которая являлась на протяжении длительного времени не только ценностным, но и социокультурным основанием нравственно-правовых отношений между людьми в России, определяла на уровне глубинных психологических архетипов не только личную этику отношения отдельного человека с Богом, но и всей социальной жизни, даже если тот или иной человек или общность позиционировали себя «вне» жизни христианской Церкви.

Одной из определяющих, системообразующих идей христианской этики, на наш взгляд, является идея кеносиса Бога. Христианская этика онтологически определяется Божественным Откровением, выражением которого служит представление о кенотическом действии Бога в отношении человека (Флп. 2, 6-11) и этическом «ответе» человека на искупительное действие Бога в Лице Иисуса Христа через восприятие им, по слову апостола Павла, «тех же чувствований», что и в Иисусе Христе, и построении на этой основе одновременно как своего нравственного совершенствования, так и отношений с другими людьми. В чем именно должен был состоять этот «ответ» человека или восприятие «тех же чувствований» и определяет специфику христианской правовой этики, наполняет особенным содержанием ее ведущие категории. К «отраженным» в человеке чувствованиям относятся, согласно апостольскому тексту, «смиреномудрие» («почитание одним другого высшим себя»), снисхождение друг к другу, помощь в бедах, сострадания и др. Человеку присуща свобода выбора в принятии или непринятии присутствующих в содержании идеи кеносиса ценностей и «переживании» их в области правовых отношений, тем более, что они как бы возвышаются над обычными юридическими принципами, такими как справедливое воздаяние за нанесенную личную обиду и др.

Следует признать обоснованным и продуктивным применение богословской идеи кеносиса для осмысления сущности права, укорененном в библейской – христианской культуре, которое предложил современный исследователь протоиерей Т. Фетисов. По его мнению, специфика такого права как раз заключается в его кенотическом характере и можно говорить о таком явлении, как «кенотическое право» [8, с. 83], подчеркивая тем самым нравственную опору права на определенные христианские ценности (сострадание, жертвенность и др.).

В христианской правовой этике нравственные отношения выстраиваются иначе, чем в ветхозаветной этике «договора» и «возмездия», поскольку Бог в Своем кенотическом действии в Лице Иисуса Христа приносит Себя в Жертву. Эта кенотическая инициатива Бога существенно изменяет принцип не только нравственных, но и собственно правовых отношений. «Отношения с Богом теперь не разграничены двумя сторонами договора. Человек не один, как в Ветхом Завете, несет свои обязательства, но Бог Своим крестом участвует в них лично, разделяя боль, страдания и смерть со своим

творением. Таким образом, служение Творцу и участие в Его Новом Завете хотя и утратили договорно-возмездный принцип, но приобрели еще более жертвенный, кенотический характер» [8, с. 83]. Иными словами, уже не послушание закону, но жертвенное смирение и любовь к другим людям и Богу становятся ведущим принципом организации социальной и правовой жизни. Это не значит, что внешние правила закона отменены, однако они теперь исполняются в ином качестве – качестве причастности к Жертвенной любви Иисуса Христа. Человек способен преодолевать формальный принцип «воздаяния», жертвуя из сострадания к другому человеку даже тем, что принадлежит ему «по праву», вплоть до жертвы самой своей жизнью.

Правовой принцип справедливого «воздаяния», тем самым, не отвергается. Стремление к справедливости – ведущая ценность права, определяющая его идеальную сущность, поскольку право, чтобы быть действительным, должно быть справедливым. По мнению известного русского философа права С.С. Алексеева, справедливость есть порождение глубоких трансцендентальных начал совести и добра и складывается под влиянием чувства права и утверждающихся на его основе правовых принципов. Отметим, что именно стремление к справедливости составляет и специфическую особенность правосознания в истории русской культуры и общества. «Тяга к справедливости всегда была свойственна русской правовой ментальности. В православном понимании справедливость – прежде всего совершенное следование Божиим заповедям. В «Изборнике» 1076 г. справедливость объясняется так: «Творящим добро воздай почет, творящих зло наказывай. Не оправдывай виновного, даже если он и друг тебе, не обижай правого, даже если он и враг тебе» [7]. При этом справедливость не была тождественна в русской правовой культуре с формально-юридическим понятием «равенства», «равного воздаяния» (за совершение какого-либо проступка), поскольку такое «воздание» трудно осуществить в контексте абстрактных правовых норм и несовершенства практики их применения в отношении экзистенции каждой человеческой личности.

Принцип справедливости требует восполнения более высоким нравственным идеалом, нераздельным с его личностным переживанием. «Справедливость в нравственном смысле есть некоторое самопожертвование, – писал В.С. Соловьев, – ограничение своих притязаний в пользу чужих прав. Справедливость не

есть простое равенство, а равенство в исполнении должного» [10]. При этом момент «должного», «идеального» и определялся, исходя из норм и ценностей православной этики, соединяясь с другим этическим принципом – принципом любви (жертвенности, снисхождения, милосердия). В итоге, в русской культуре инвариантом формально-правовой идеи «справедливости», которая никогда не абсолютизировалась в русской духовной культуре и общественных отношениях, выступала ценность «Правды», которая заключала в себе религиозно-нравственное содержание, не совпадающее с внешними (позитивными) правовыми нормами. Как отмечает В.В. Сорокин, «со времен появления христианства сильными, вдохновительными являются те идеи, которые отмечены духом нравственной сострадательности и направлены на защиту слабых. Справедливость, взятая сама по себе, может быть использована для расправы и произвола. В иерархии истинных ценностей справедливость занимает положение ниже, чем любовь» [7].

В новозаветной этике благодаря Откровению о Жертвенной Любви Бога и призванию человека к отклику на эту любовь, послушание и исполнение той или иной нравственной и правовой нормы не отменяются, но меняется внутренняя мотивация к этому, что может тем самым корректировать исполнение и самой нормы. Даже самое качество справедливости – «воздаяния» в норме, хотя и не отменяется, но исполняется иначе – не страхом наказания за непослушание, а свободным движением духа – любовью к ближнему. Это проявляется, в частности, в том, что «древний юридический принцип “каждому – свое”, который считали классики сущностью права, в кенотическом праве Христа замещается противоположным установлением: “Никто не ищи своего, каждый пользы другого” (1 Кор. 10, 24), где благо другого видится как свое собственное» [8, с. 83]. Христианин в отношении к другому человеку по велению своего сердца воспринимает в себя его страдание, нужду, скорби, воспринимая их как условие явления Христа Распятого и ему самому в личном духовно-экзистенциальном опыте. Именно эта открытость, простертость христианина к ближнему помогает преодолеть собственный природный эгоизм, достичь, говоря на понятийном языке экзистенциальной философии, «события» с другим. Если при экзистенциалистском подходе к праву остается открытым вопрос о том, «каким образом отграничить естественные права и притязания человека на

свободу от личной корыстной “выгоды” или “интереса”» [9, с. 319], то в христианской правовой этике данный вопрос успешно решается практически и теоретически. Практически – самим фактом существования на протяжении веков христианских святых – безвозмездных врачей и благотворителей, воинов, добровольно отдающих за своих близких жизнь, а также самим фактом существования христианского сообщества (различных волонтеров, сестер милосердия и др.), оказывающего помощь престарелым, одиноким, инвалидам. Теоретически – в рамках русской философии права – за счет такого понимания субъекта права, при котором его сознание и событие с другими субъектами нравственных и правовых отношений определяется христианскими нравственно-правовыми ценностями.

На наш взгляд, такое понимание субъекта права позволяет обоснованно применять принцип интересубъективности в праве, поскольку ценности сострадания, жертвенности и т.п., хотя и приобретают благодаря христианству

качественную специфику, вместе с тем заложены в природе самого человека и обладают общезначимым социальным содержанием. При этом данные ценности влияют на восприятие объективного права, но не растворяются в нем, что мы показали на примере трансформации принципа справедливости. Христианская интерпретация права как в своей ценностной христианской основе кенотического принципа любви (сострадания, жертвенности) позволяет более полно учесть потенциальные возможности человеческой личности как субъекта правовых отношений, увидеть в праве преимущественно не «воздаяние», а позитивное целеполагание, определяемое мотивом со-бытия с другим человеком как со-сострадания и жертвенной любви. Такое понимание ценностных оснований права, в некоторой мере совпадающее с экзистенциалистским подходом, но лишенное его коренных недостатков, является альтернативой секулярным формально-юридическим концепциям права и представляется более адекватным самой природе права.

Литература

1. Туганаев К.А. Экзистенциализм как философско-методологическое основание естественноправовых концепций // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. №3.
2. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М., 1988.
3. Достоевский Ф.М. Письма / Письмо Н.Д. Фонвизиной. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text>.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi>.
5. Фетисов Т. прот. Богословие и право // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2(38).
6. Баскин Ю.Я. Святоотеческая литература о власти и государстве // История политических и правовых учений. СПб., 2000.
7. Сорокин В.В. Право и Православие. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/pravo-i-pravoslavie>.
8. Фетисов Т., прот. Богословие кенозиса в христианском понимании права. // Философия права. 2017. № 1.
9. Богомолова А.С. Современная буржуазная философия. М., 1978.
10. Соловьев В.С. Право и нравственность. URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2.

Bibliography

1. Tuganaev K.A. Existentialism as a philosophical and methodological basis of natural law concepts // Bulletin of the Udmurt University. Series «Economics and Law». 2014. № 3.
2. Chetvernin V.A. Modern concepts of natural law. Moscow, 1988.
3. Dostoevsky F.M. Letters / Letter of N.D. Fonvizina. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text>.
4. The fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi>.
5. Fetisov T., archp. Theology and Law // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(38).
6. Baskin Yu. Ya. Patristic literature on Power and the state // History of Political and Legal Doctrines. Saint Petersburg, 2000.
7. Sorokin V.V. Law and Orthodoxy. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/pravo-i-pravoslavie>.
8. Fetisov T., archp. The theology of Kenosis in the Christian Understanding of Law // Philosophy of Law. 2017. № 1.
9. Bogomolova A. S. Modern bourgeois philosophy. Moscow, 1978.
10. Solovyov V.S. Law and morality. URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2.

Коллантай Виталий Александрович (священник)
Kollantai Vitaly Alexandrovich (Priest)

заведующий сектором заочного обучения Томской духовной семинарии кандидат юридических наук.
Head of the Correspondence Education Sector, the Tomsk Theological Seminary, PhD in Law.
E-mail: alivealternativ@sibmail.com

Копыстко Петр Петрович (священник)
Kopystko Peter Petrovich (Priest)

Санкт-Петербургская митрополия, храм чудотворной иконы Божией Матери
«Всех скорбящих радость (с грошиками)».
St. Petersburg Metropolitanate, Church of the God's Mother miraculous icon «Joy of all who Sorrow».

**ЮРИДИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА)
В ДИСКУРСЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

**Legal immunity of the priest of the Russian Orthodox Church
(Moscow Patriarchate) in the discourse of the civilistic process**

В статье представлен результат анализа действующего законодательства Российской Федерации и церковного права Русской Православной Церкви относительно правового статуса священнослужителя и его способности давать показания в гражданском судопроизводстве. Рассмотрев по этому поводу точки зрения различных ученых, приходим к выводу, что по гражданскому делу не может быть допрошен священнослужитель Православной Церкви в статусе свидетеля по обстоятельствам, открывшимся ему во время таинства покаяния. В статье категория «юридический иммунитет» рассматривается с позиции его сущностной необходимости. Предпринята попытка обоснования юридических и моральных аспектов права на юридический иммунитет священнослужителей.

Ключевые слова: священнослужитель, тайна исповеди, юридический иммунитет, гражданский процесс, Таинство Покаяния.

The article presents the result of the analysis of the current legislation of the Russian Federation and the church law of the Russian Orthodox Church concerning the legal status of a «clergyman» and his capacity to testify in civil proceedings. Having considered the points of view of various scholars on this issue, the authors concluded that a clergyman of the Russian Orthodox Church cannot be interviewed as a witness in a civil case about the circumstances revealed to him during the Sacrament of Penance. The article considers the category of «legal immunity» from the position of its essential necessity. The authors attempted to justify the legal and moral aspects of the right of clergy to the legal immunity.

Key words: clergyman, seal of confession, legal immunity, civil proceedings, Sacrament of Penance.

В судебном судопроизводстве, гражданском или уголовном, часто свидетельским показаниям отводится одна из самых главных и наиважнейших ролей в процессе доказывания, они необходимы для установления правосудия и занимают лидирующую позицию среди всех средств доказывания.

Показания свидетеля являются одним из древнейших средств доказывания. Естественное стремление человека говорить правду оказывает прямое влияние на достоверность сообщаемых им сведений. К тому же, умыш-

ленное искажение действительности – это процесс, требующий больших умственных вложений, моральных и душевных переживаний. Сообщить правдивую информацию всегда легче.

Показания свидетеля являются средством доказывания в гражданском процессе на протяжении продолжительного периода времени в связи с особой их природой. Допуская возможность их фальсификации как доказательства по различным причинам, нельзя отрицать и достоверность этого источника информации,

как необходимого средства по установлению истины в суде.

Исходя из положений действующего законодательства Российской Федерации, в обобщенном виде под свидетелем понимается гражданин, который в строго установленном порядке вызывается в суд для возможного сообщения ставшей ему известной информации. Сама же информация может быть воспринята им любым способом (визуальным, аудиальным или иным чувственным восприятием). Воспринятая свидетелем информация является или может являться важным фактором разрешения гражданского дела в судебном заседании.

Ученые-процессуалисты говорят, что свидетель по делу не имеет личной заинтересованности в исходе судебного процесса. Но, как верно замечает М.К. Треушников, «аналогичной заинтересованности в исходе дела не имеют и эксперты как источники доказательств. Следовательно, одного этого признака недостаточно, чтобы отличить свидетеля от других источников доказательств» [1, с. 196]. Но при этом он поясняет, в чем заключаются отличия понятия «эксперта» от «свидетеля». «Свидетель становится носителем сведений о фактах именно в результате стечения обстоятельств, в результате того, что он попадает в какое-либо отношение с воспринимаемыми фактами» [1, с. 196].

В статье 51 Конституции Российской Федерации закреплено, что никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется Федеральным законом.

ГПК РФ определяет несколько категорий лиц, обладающих свидетельским (юридическим) иммунитетом, которые условно можно поделить на две группы:

- в отношении которых имеется законодательный запрет допроса в качестве свидетеля;
- те, которые имеют право отказа от дачи показаний.

К первой категории следует отнести:

1) судей всех уровней, а также народных и иных заседателей, по тем вопросам, которые возникли и обсуждались во время совещательного процесса в совещательной комнате во время обсуждения приговора или выносимого решения;

2) защитников по уголовному делу, делу об административном правонарушении или представителей по гражданскому делу, по обстоя-

тельствам, ставшим им известным в связи с исполнением обязанностей защиты;

3) священнослужителей по вопросам об информации, которая стала им известной в ходе исповеди.

Ко второй категории относятся:

1) сам гражданин (по вопросу свидетельствования против себя);

2) супруги против друг друга (дети против родителей);

3) братья против сестер;

4) депутаты различных законодательных органов;

5) уполномоченный по правам человека в Российской Федерации;

6) лица – носители государственной, а также коммерческой тайны;

7) журналисты о сведениях в отношении источника информации.

Из этого следует, что в настоящее время законодатель определил широкий круг лиц, обладающих свидетельским иммунитетом в гражданском и арбитражном процессах. В нашей работе мы подробнее остановимся на понятии иммунитета священнослужителя.

В части 3 статьи 69 ГПК РФ установлены общие правила, по которым производство допроса в статусе свидетеля священнослужителя религиозных организаций, прошедших государственную аккредитацию, невозможно в связи с обстоятельствами, ставшими им известными в ходе исповеди (Таинства Покаяния). Стоит рассмотреть положение этой статьи более подробно.

Сам юридический иммунитет нами видится как необходимость обеспечения служения священнослужителя, защищающая не только самого его, но и людей, доверивших ему свое покаяние. Этим отличается юридический иммунитет священнослужителей от аналогичных иммунитетов других категорий людей.

Но при этом все юридические иммунитеты имеют схожие компоненты структуры. Это стало возможным в связи с историческим развитием понятия об юридическом иммунитете и лицах им обладающим. Общим для всех видов иммунитета будет наличие изъятия из права, льготы, привилегии и др. Точнее то, что делает носителя иммунитета выделенным среди других людей.

В настоящее время у ученых вопрос о наделении священнослужителей специальным правом на юридический (свидетельский)

иммунитет вызывает множество споров. При этом необходимо отметить, что в гражданском судебном процессе эта проблема менее разработана, чем в уголовном судопроизводстве. В целом, проблема юридического иммунитета является актуальной, так как затрагивает различные сферы жизни современного общества – в частности, она занимает умы ученых-юристов, теологов и богословов.

Такому положению вещей можно найти несколько объяснений. Во-первых, существует недостаточная регламентация со стороны законодательной власти понятия юридического иммунитета. Также в юридической литературе этой проблеме отведено недостаточное внимание. Во-вторых, рассматриваемая норма имеет слабое место, заключающееся в том, что законодатель в настоящее время не закрепил в нормативных правовых актах, кого возможно считать субъектом юридического иммунитета. В данном случае мы имеем в виду, что законодательно не определена и не закреплена дефиниция понятия священнослужителя.

Стоит отметить, ряд современных ученых-юристов считают, что священнослужитель – это исключительно то лицо, которое обладает каким-то саном и (или) должностью, а также обязательно принадлежит к какой-либо из основных (зарегистрированных на территории Российской Федерации) религий.

Другая группа ученых к священнослужителям относят всех лиц, обладающих саном (в самом широком смысле этого слова) и принадлежащих к любой зарегистрированной религиозной организации.

Последняя группа предлагает расширить круг и к числу священнослужителей отнести любых лиц, принадлежащих к любой религиозной организации. Но последнее утверждение нам видится неверным.

Как уже ранее нами было отмечено, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ, равно как и иные нормативные правовые акты, не содержит дефиницию рассматриваемого нами термина «священнослужитель».

Однако при этом в законе помимо понятия «религиозная организация» содержится еще ряд схожих по значению понятий, к которым относятся «религиозное объединение» и «религиозная группа». И в противоречие положениям статьи 69 ГПК РФ в части 1 статьи 7

Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» значит, что религиозная группа на территории Российской Федерации не может осуществлять деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица. Таким образом, происходит смешение двух различных по своему составу понятий.

По нашему мнению, субъектами иммунитета священнослужителя являются:

– все священнослужители, над кем совершено Таинство Священства, и получившие доступ к совершению Таинства Покаяния;

– лицо или лица, которые участвовали в Таинстве Покаяния и сообщили какие-либо сведения.

Существенной проблемой является и то обстоятельство, обоснованно дающее ученым основание для построения своих предположений, что на законодательном уровне не определено, в каких случаях возможно отменить запрет на привлечение священника в судебное заседание в качестве свидетеля по гражданскому или арбитражному делу, а в каких – нет.

Согласно пункту 5 статьи 9 Федерального закона от 27.07.2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «профессиональной тайной признается информация, полученная гражданами при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности» [3]. Также в пункте 7 статьи 3 Федерального закона от 26.09.1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» указано, что «Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди» [4]. Из текста, рассматриваемого нормативного правового акта следует, что тайна исповеди находится под охраной государственной власти, а священнослужитель освобожден от каких-либо обязанностей разглашать сведения, которые стали ему известными в ходе участия в Таинстве Покаяния.

Но при этом в науке существует мнение о том, что священнослужитель может быть допрошен в статусе свидетеля только в том случае, если то лицо, которое доверило в ходе Таинства Покаяния любую информацию,

желает предать ее огласке. Но с точки зрения канонического права у Таинства Покаяния имеются два субъекта, одним из которых является священнослужитель, а другим – лицо, приносящее покаяние. В связи с чем огласка каких-либо сведений представляется невозможной.

Учитывая основные положения, закрепленные в рассмотренных нормативных правовых актах по вопросу наделения священника юридическим иммунитетом и при этом несмотря на существующую императивность, некоторые ученые, ссылаясь на предписания постановлений Конституционного Суда РФ, в своих исследованиях допускают возможность допроса священнослужителя с ограничением тайны исповеди. Стоит заметить, что ими применяются ссылки по принципу аналогии права и соответствуют практике допроса адвоката при сложившихся определенных условиях. Но это всего лишь теоретические предположения, однако же на практике не применяемые.

В настольной книге священнослужителя имеется интересное указание на то, что священник, который узнал на исповеди о деятельности фальшивомонетчика по подделыванию денежных знаков, не имеет права сообщить об этом представителю государственной власти. При этом дано пояснение, что священник свое «недоумение по поводу услышанного на исповеди об этом или о другом чем-либо, он только может представить своему Архипастырю и у него просить разрешения, не открывая, при этом лица исповедника» [6, с. 1123].

Интерес для нас представляет также изучение канонов Православной Церкви, касающихся вопроса тайны исповеди. Согласно пунктов 9 и 10 Прибавления о правилах причта церковного и чина монашеского к Уставу Духовной Коллегии «после исповеди запрещается священнику, под опасение строжайшего наказания, открывать грехи детей своих духовных ни прямо, ни какими-либо намеками, в споре или при других обстоятельствах, например в суде» [5, с. 159].

Кроме того, в этом документе приведен подробный перечень запретов, которыми должен руководствоваться священнослужитель, участвующий в Таинстве Покаяния. Этот перечень включает в себя следующие ограничения в отношении священнослужителя:

– требовать передачи священнику путем гражданского или иного судопроизводства

ранее похищенной у него лично вещи, а равно требовать у лица, которому она была передана на хранение, если лицо, совершившее преступление, в этом созналось в ходе исповеди;

– сообщать под любым предлогом представителям государственной власти информацию о людях, умерших от побоев или отравлений, если об этом ему стало известно в ходе исповеди;

– придавать огласке сведения о личности преступника, сознавшегося в совершении им преступления, с оговоркой, что даже в случае необходимости раскрытия преступления и спасения человека несправедливо (необоснованно) обвиняемого в его совершении;

– «открыть родителям о проступках их детей, хотя бы знал, что открытие это могло бы принести пользу для тех или других и т.п. Если священник расскажет родным исповедовавшегося то, что этот последний передал ему на исповеди, то подлежит лишению сана» [5, с. 159].

В пункте 2 раздела IX основополагающего для социальной сферы документа Русской Православной Церкви «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» содержится корреспондирующая норма, в которой указано, «что даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди. Священнослужитель призван проявлять особую пастырскую чуткость в случаях, когда на исповеди ему становится известно о готовящемся преступлении. Без исключений и при любых обстоятельствах свято сохраняя тайну исповеди, пастырь одновременно обязан предпринять все возможные усилия для того, чтобы преступный умысел не осуществился. В первую очередь, это касается опасности человекоубийства, особенно массовых жертв, возможных в случае совершения террористического акта или исполнения преступного приказа во время войны. Помня об одинаковой ценности души потенциального преступника и намеченной им жертвы, священнослужитель должен призвать исповедуемого к истинному покаянию, то есть к отречению от злого намерения. Если этот призыв не возымает действия, пастырь может, заботясь о сохранности тайны имени исповедующегося и других обстоятельств, способных открыть его личность, предупредить тех, чьей жизни угрожает

опасность. В трудных случаях священнослужителю надлежит обращаться к епархиальному архиерею» [7].

Из приведенных примеров видно, что целью юридического иммунитета священнослужителя является охранение сведений, ставших или могущих стать ему известными в ходе Таинства Покаяния. Здесь нами намерено не указаны границы окончания процесса получения сведений, так как Таинство Покаяния не ограничено временем и конкретным местом.

Литература

1. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2018.
2. Горшкова А.С. Проблема тайны исповеди в гражданском процессе // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2018. Т. 5.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.
4. Федеральный закон от 26.09.1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
5. Прибавления о правилах причта церковного и чина монашеского к Уставу Духовной Коллегии 1722 // Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно Русской Церкви до эпохи Петра Великого. 1915.
6. Булгаков С.В. Настольная книга священно-церковно-служителей. М., 1993. Т. 2.
7. Официальный сайт Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.

Можно сделать вывод, что иммунитет священнослужителя в гражданском процессе не может быть ограничен ни прямо, ни по аналогии закона. Совершенствование законодательства о неприкосновенности священнослужителя, в свою очередь, создает необходимые условия для сохранения в тайне информации, полученной им на исповеди, при этом не ставит духовенство перед выбором между светским и каноническим правом.

Bibliography

1. Treushnikov M.K. Judicial evidence. Moscow, 2018.
2. Gorshkova A.S. The problem of the mystery of confession in the civil process // Modern trends in the development of civil and civil procedural legislation and the practice of its application. 2018. Vol. 5.
3. Federal law of 27.07.2006 № 149-FZ «On information, information technologies and information protection» // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3448.
4. Federal law of 26.09.1997 № 125-FZ «On freedom of conscience and religious associations» // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1997. № 39. Art. 4465.
5. The addition of the rules of the clergy of the church and the rank of the monastic order to the Charter of the Spiritual College of 1722 // Collection of monuments on the history of Church law, mainly the Russian Church before the era of Peter the Great. 1915.
6. Bulgakov S.V. The table book of the Holy Church ministers. Moscow, 1993. Vol. 2.
7. Official website of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.

Пушкарев Евгений Александрович
Pushkarev Evgeny Aleksandrovich

профессор кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
доктор политических наук, кандидат юридических наук.

Professor of the Department of Theory and History of Law and State, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Politics, PhD in Law.

E-mail: kr_evg@mail.ru

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Development of the concept of sovereign democracy in Russia: theoretical analysis

В статье представлен теоретический анализ различных точек зрения из современного отечественного научно-политического дискурса о концепции суверенной демократии. В исследуемой концепции, как правило, делается упор преимущественно на защиту консервативных ценностей российского общества. Однако в сущность этих ценностей вкладывают различное содержание. Автору суверенная демократия представляется, прежде всего, демократией, в которой доминируют интересы коренного населения как основного источника государственной власти.

Ключевые слова: суверенитет, демократия, суверенная демократия, глобализация, глубинный народ, национальная идея, державность, традиционные ценности.

The article presents a theoretical analysis of various points of view of the modern Russian scientific and political discourse about the concept of sovereign democracy. The concept under study, as a rule, focuses mainly on the protection of conservative values of the Russian society. However, different content is put into the essence of these values. The author considers the sovereign democracy, first of all, as a democracy dominated by the interests of the indigenous population as the main source of state power.

Keywords: sovereignty, democracy, sovereign democracy, globalization, deep people, national idea, statehood, traditional values.

Понятия «суверенитет» и «демократия» несут в себе смысловые нагрузки, содержащиеся в различных плоскостях гуманитарных наук. Тем не менее, можно выделить их общие признаки и аспекты взаимодействия. Суверенитет определяют как обязательный архайный признак государства. Демократический режим в современном государстве признается приоритетным. В то же время на поддержание суверенитета и демократии в государстве оказывают влияние различные факторы, а их полное достижение зависит прежде всего от политической воли правящей элиты.

Рассмотрим более подробно эти понятия.

Суверенитет в государстве трактуют как внутреннее верховенство власти по отношению к населению и внешнюю независимость власти от других государств и социальных образований. И эти внутреннее верховенство и внешняя независимость могут иметь различ-

ное содержание в силу глобализационных процессов и демократических преобразований.

Суверенитет современного государства проявляется не только в его изоляции от других государств, но и в их взаимной зависимости. Взаимная зависимость различных сфер между государствами может иметь как положительные, так и отрицательные стороны. Регулирование внешнего суверенитета в ту или иную сторону возложено на политическую власть. Как отмечает Ю.Д. Гранин, некоторые государства готовы добровольно отдать свои суверенные полномочия, выстраиваясь в очередь на вступление в НАТО, Евросоюз и другие международные организации. Другие же вынуждены утрачивать экономический и политический суверенитет под давлением США и их союзников, международного валютного фонда и транснациональных корпораций [1, с. 6].

Тесно связанным с государственным суверенитетом определяют народный (национальный) суверенитет. Российский многонациональный народ, как известно, является по статье 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти. В какой степени все слои населения могут участвовать в образовании власти и ее верховенстве остается открытым. Следует согласиться с В.В. Киреевым и В.А. Лебедевым, что именно демократия призвана снять барьеры эффективного выражения властью интересов общества и отдельного человека, предотвратить приобретение независимости государства от власти народа [2]. Также следует отметить, что в международной практике не редки факты признания национального суверенитета вразрез государственному.

Таким образом, народный суверенитет можно рассматривать как значимый признак демократического режима, где суверенитет власти является его частью и продолжением.

В литературе можно встретить утверждения о существовании других видов суверенитета. Так, под «реальным суверенитетом» подразумевают могущество, потенциал и конкурентоспособность государства [3, с. 32]. Отдельные критики заявляют о наличии «полного суверенитета» только у США и Великобритании, а также у бывшего СССР, «неполного» – у России и Китая. Тем самым государственный суверенитет характеризуют «весьма дефицитным товаром» в мире [4]. Также, например, Е.В. Ереклинцева под концепцией «мягкого суверенитета» подразумевает западные гуманитарные интервенции под лозунгами демократии против «неудавшихся государств» [5, с. 5].

Демократия в современном понимании весьма многогранный и идеализированный термин. Он основывается на возможности участия населения в управлении государством, в формировании власти. Необходимым условием демократического режима называют не только политические права и свободы, но и наличие плюрализма мнений, правового равенства, частной собственности, рыночной экономики, судебных механизмов защиты прав граждан. Эти базовые ценности демократии закреплены в Конституции России. Несомненным условием их реализации является политическая воля власти и устойчивость демократических институтов.

Из анализа терминов можно сделать вывод, что демократия является надстойкой над суверенитетом государства, обеспечивающей его существование на основе современных политических ценностей. Тем не менее полностью зависимыми друг от друга эти понятия назвать нельзя. Суверенитет государства может существовать без демократии. Так и демократия в глобализирующемся мире постепенно размывает границы суверенитета.

Термин «суверенная демократия» был актуализирован и введен в российский политический и научный дискурс в 2005–2006 годах В.Ю. Сурковым. Им исследуемый термин был определен как «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно государствообразующей нацией...» [6].

Представляется, что современные демократические процедуры и так предполагают наличие политических прав прежде всего у коренного населения государства. Для иных категорий населения как правило вводится ценз оседлости, предполагающий получения в дальнейшем гражданских и политических прав. Также упущена немаловажная составляющая демократии – контроль населения над действиями власти. Если суверенитет власти не предполагает внутреннего контроля, то нивелируется роль населения как источника власти.

Автор концепции отмечал, что «сохраняя демократический порядок (целостность многообразия) в нашей стране, ее граждане способны ради защиты собственных прав и доходов участвовать в поддержании баланса многообразия в мире ... против каких бы то ни было глобальных диктатур (и монополий)» [6].

Позднее В.Ю. Сурков несколько изменил прежние взгляды в сторону еще большего преобладания в исследуемой связке суверенитета. Естественное состояние России он определял как «великую, увеличивающуюся и собирающую земли общность народов» с важнейшими и решающими военно-полицейскими функциями государства.

Блистательная элита, по мнению В.Ю. Суркова, вовлекает народ в некоторые политические мероприятия. Но народ в них участвует отстраненно, живя собственной глубинной жизнью. Тем самым автор противопоставляет

западному «глубинному государству» существование в России «глубинного народа».

Черпая идеи у отечественных монархистов, В.Ю. Сурков определяет основную задачу политической системы – доверительное общение и взаимодействие верховного правителя с гражданами. А перенятые у Запада «многоуровневые политические учреждения» он определяет как отчасти ритуальные [7].

Резюмируя концепцию суверенной демократии В.Ю. Суркова, можно прийти к неоднозначному выводу, что государствообразующая нация должна направлять действия власти, но при этом и сама власть формирует волю этой нации («глубинного народа»).

По утверждению М.В. Зыгаря сурковская концепция суверенной демократии была реализована прежде всего в избирательном законодательстве и создании партии власти перед предстоящими президентскими выборами 2008 года [8].

Дискуссия о концепции суверенной демократии была поддержана политиками и учеными, в том числе В.В. Киреевым и В.А. Лебедевым. По их утверждению государства конкурируют не только экономически, но и суверенитетами. Вовлечены в эту конкуренцию и народы. Поэтому необходимо вписать суверенитет народа в суверенитет государства демократическими механизмами, повысив тем самым «самостоятельность внутренней и внешней политики государства, ее эффективность и прагматизм». По мнению авторов, суверенная демократия есть «политико-правовой режим реализации полновластия народа в независимой от всякой другой власти деятельности государства...» [2].

Выделив отдельные характеристики исследуемой концепции, В.Ю. Сурков, В.В. Киреев и В.А. Лебедев не полностью научно обосновали в ней, как видится, демократическую составляющую, несколько подменив интересы государственной власти и общества.

На трудность соединения понятий «суверенитет» и «демократия» как «разных вещей» указывал ученый Н.А. Баранов, выделяя при этом общие проблемы их реализации. Демократия, по его мнению, является «трансграничной ценностью», внутренним «способом организации общества и государства». «Суверенитет вовсе не предполагает следование мировым стандартам демократических процедур».

Суверенная демократия не представляется возможной без гражданского согласия. Российский народ, по мнению Н.А. Баранова, принял такие общечеловеческие ценности, как свобода слова, выезд за границу, другие основные политические права и свободы личности. Консолидации российского общества способствуют и традиционные ценности.

Тем самым возникает трудность в «поддержки суверенитета без ущерба для демократии и быть открытыми, не теряя идентичности». Концепция суверенной демократии, пишет Н.А. Баранов, претендует на выражение силы и достоинства российского народа через развитие гражданского общества, надежного государства, конкурентоспособной экономики и эффективного механизма влияния на мировые события [9].

Не смотря на некоторую терминологическую разнотипность, некоторые исследователи видят в концепции суверенной демократии основу будущей российской национальной идеи, исключающей возможность манипулирования со стороны внешних сил. По мнению А.В. Белякова и О.А. Матвейчева, она призвана закрепить в России центр прибыли от международных проектов и вернуть утраченные позиции на мировой арене [10, с. 323].

Более того, особенность национального видения суверенной демократии может преподноситься и как конкурентное преимущество. По выражению В.Ю. Суркова, отказавшись от идеологических займов, Россия начала сама производить смыслы и перешла в информационное контрнаступление на Запад. В XXI веке отечественные идеи суверенитета и национальных интересов проявились в частности в Английском брекзите, американском «#грейтэгейн», антииммиграционном огораживании Европы. И далее В.Ю. Сурков выделяет негативные черты западной демократии. Всплывающие светлые миражи западной демократии, такие как «иллюзия выбора, ощущение свободы, чувство превосходства», а также «недоверие и зависть» как приоритетные источники ее социальной энергии, «широкий выбор подлецов и запутанные правила» как «благодетельная система сдержек и противовесов» подталкивают «западного жителя» искать иные образцы и способы существования... и видят Россию с ее более честной системой [7].

Свое отрицательное отношение к некоторым элементам либеральной идеи, а также к ее абсолютному доминированию высказал В.В. Путин. Он, в частности, заявил о нереальности мультикультурализма, когда значительно попираются интересы коренного населения [11]. По мнению президента Российской Федерации, «настоящую демократию и гражданское общество невозможно импортировать». Гражданское общество должно быть «национально ориентировано и суверенно» [12].

Вопросами легитимации суверенной демократии в современной России занималась исследователь Я.Ю. Матвиенко. В частности она отмечала, что президент Российской Федерации В.В. Путин столкнулся с необходимостью решения ряда проблем общероссийского масштаба. Политическая элита выступала за дальнейшие либерально-демократические преобразования в России, а население хотело возрождения державности и укрепления национального суверенитета. Также появились новые угрозы независимости России из-за череды «цветных революций» на постсоветском пространстве. Поэтому идея суверенной демократии российским Президентом была реализована в наделении основных демократических институтов самобытным державно-патриотическим содержанием и их постановки на службу национальным интересам и государственному суверенитету [13, с. 14–15].

Некоторые современные отечественные исследователи склоняются к наделению термина «суверенная демократия» смыслом движения России к монархической форме правления, резко критикуя при этом демократический режим. Так, А. Харалужный считает, что монархия наиболее соответствует национальному духу, где власть «держится на традициях и моральном авторитете в глазах всего общества». Демократия, по его мнению, является «правлением агрессивного большинства, обеспечиваемым банальным физическим принуж-

дением несогласных» [14]. Российская модификация суверенной демократии, по мнению Я.Ю. Матвиенко, имеет своим эквивалентом некогда широко известное русское словосочетание «самодержавие народа» [13, с. 16].

В то же время высказываются и различные негативные точки зрения о существовании концепции суверенной демократии. В частности ее характеризуют как попытку подмены авторитарных черт правления, как имеющую широкий простор для искажений в соответствии с политической конъюнктурой.

На непостоянство процесса демократизации в России в частности указывал Н.А. Баранов. Адаптация демократических институтов, по его мнению, происходит в противоборстве с авторитарными тенденциями. Имеются периоды как демократизации, так и авторитарных откатов в форме «управляемой демократии», «суверенной демократии», направленные на оптимизацию взаимоотношения власти и общества [15, с. 3; 18].

Таким образом, следует признать, что, несмотря на некоторую сущностную несостоятельность словосочетания, термин «суверенная демократия» был введен в отечественный политический и научный дискурс. И этот дискурс продолжается, приобретая иногда довольно крайние изречения и трактовки: от обвинений в авторитаризме, воссоздании монархии, феодализма до обоснования изоляционизма. Почему традиционные ценности россиян не могут быть связаны или являться демократическими, тоже как точка зрения остается не до конца раскрытой. Между тем суверенная демократия видится прежде всего демократией, в которой доминируют интересы коренного населения как основного источника государственной власти. Если же говорить об интересах власти как представителя интересов коренного населения («глубинного народа»), то следует употреблять термин «демократический суверенитет».

Литература

1. Гранин Ю.Д. Национальное государство в эпоху постмодерна: угрозы и перспективы // Перспективы. 2015. № 3.
2. Киреев В.В., Лебедев В.А. Идея суверенной демократии на политическом горизонте России // Российская газета. 11 апреля 2007 г.

Bibliography

1. Granin Yu.D. The national state in the post-modern era: threats and prospects // The prospects. 2015. № 3.
2. Kireev V.V., Lebedev V.A. The idea of sovereign democracy on the political horizon of Russia // Rossiyskaya gazeta. April 11, 2007.

3. Бочкова М.С. Суверенитет и демократия в России в условиях трансформации мировой политической системы // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4).
4. Стариков Н.В. Суверенная или демократия? URL: <https://www.discred.ru/2017/08/31/suverennaya-ili-demokratiya>.
5. Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
6. Сурков В.Ю. Национализация будущего: параграфы про суверенную демократию // Эксперт. 2006. № 43 (537).
7. Сурков В.Ю. Долгое государство Путина. О том, что здесь вообще происходит // Независимая газета. 2 ноября 2019 г.
8. Зыгарь М.В. Вся кремлевская рать. Краткая история современной России. М., 2016.
9. Баранов Н.А. Лекция 5. Концепция суверенной демократии. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-teorii-demokratii-i-demokraticeskij-tranzit>.
10. Большая актуальная политическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. М., 2009.
11. Интервью В. Путина газете The Financial Times. 27 июня 2019 года. Москва, Кремль. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836>.
12. Путин провозгласил «суверенную демократию 2.0» // Независимая газета. 26 октября 2020 г.
13. Матвиенко Я. Ю. Институционально-правовые модели легитимации суверенной демократии в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.
14. Харалужный А. От суверенной демократии к суверенной монархии. URL: <https://topwar.ru/169029-bozhe-carja-hrani-pochemu-stroja-demokratiju-ljudi-prihodjat-k-monarhii.html>.
15. Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2008.
3. Bochkova M.S. Sovereignty and democracy in Russia in the conditions of transformation of the world political system // National Psychological Journal. 2010. № 2 (4).
4. Starikov N.V. Sovereign or democracy? URL: <https://www.discred.ru/2017/08/31/suverennaya-ili-demokratiya>.
5. Ereklintseva E.V. Sovereignty and democracy as constitutional values of modern Russia: abstract of the dis. ... PhD in Law. Chelyabinsk, 2010.
6. Surkov V.Yu. Nationalization of the future: paragraphs about sovereign democracy // Expert. 2006. № 43 (537).
7. Surkov V.Yu. The long state of Putin. About what's going on here at all // Nezavisimaya Gazeta. November 2, 2019.
8. Zygar M.V. The whole Kremlin army. Brief history of modern Russia. Moscow, 2016.
9. Baranov N.A. Lecture 5. The concept of sovereign democracy // <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-teorii-demokratii-i-demokraticeskij-tranzit>.
10. Big Up-to-date Political Encyclopedia / Under the general editorship of A. Belyakov and O. Matveichev. Moscow, 2009.
11. Vladimir Putin's interview to The Financial Times. June 27, 2019. Moscow, Kremlin. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836>.
12. Putin proclaimed «sovereign Democracy 2.0» // Nezavisimaya Gazeta. October 26, 2020.
13. Matvienko Ya.Yu. Institutional and legal models of legitimization of sovereign democracy in modern Russia: abstract of the dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2008.
14. Horology A. From Sovereign Democracy to Sovereign Monarchy. URL: <https://topwar.ru/169029-bozhe-carja-hrani-pochemu-stroja-demokratiju-ljudi-prihodjat-k-monarhii.html>.
15. Baranov N.A. The evolution of modern democracy: the political experience of Russia: abstract of the dis. ... Doctor of Political Sciences. Saint Petersburg, 2008.

Лапатников Максим Владимирович
Lapatnikov Maksim Vladimirovich

доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Nizhni Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

СЛЕДСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Investigative prosecution as a factor of the Russia's economic development

В статье анализируется действующий институт публичного обвинения в отечественном уголовном судопроизводстве как фактор экономического развития. Утверждается, что данный институт в числе других факторов препятствует свободе предпринимательства и в целом не соответствует капиталистической модели хозяйствования.

Ключевые слова: следственное обвинение, состязательность, капитализм, судопроизводство, экономическое развитие.

The article analyzes the actual institution of public prosecution in domestic criminal proceedings as a factor of economic development. It is stated that this institution, among other factors, hinders the freedom of entrepreneurship and as a whole does not correspond to the capitalist model of management.

Key words: investigative prosecution, contentiousness, capitalism, legal proceedings, economic development.

Как известно, принятие в 2001 году нового Уголовно-процессуального кодекса России связывалось с отходом от следственной модели уголовного процесса и переходом к модели состязательной. Однако следует констатировать, что как такового перехода на стандарты правового государства не произошло. Как подытоживает А.С. Александров: «15-летний юбилей УПК РФ – это повод подвести итоги развитию нашего уголовно-процессуального права за весь постсоветский период. Главный из них состоит в том, что нам не удалось создать такой уголовный процесс, который должен быть в правовом государстве. Существующая уголовно-процессуальная модель – это полусоветская, переходная, смешанная модель. Перехода к новому состязательному типу уголовного судопроизводства не произошло. Более того, можно констатировать снижение эффективности нашего уголовного процесса из-за непоследовательной правовой политики, проводившейся в годы после принятия Кодекса» [1].

Законодатель, провозгласив принцип состязательности и серьезно изменив стадию судебного разбирательства, не пошел до конца. Предварительное расследование, как и раньше, носит преимущественно следственный характер,

так как именно решение обвинительной власти в большинстве случаев предопределяет исход судебного разбирательства. Защита в принципе не наделена надлежащими полномочиями по собиранию информации и в этом смысле почти полностью зависит от следователя, который формально должен расследовать уголовное дело полно и всесторонне, собирая и обвинительные и оправдательные доказательства (ст. 73 УПК РФ), но на деле обслуживает ведомственную статистику, носящую преимущественно обвинительный характер. Защита, как до суда, так и в суде – не более чем ходатай (проситель) перед органами предварительного расследования и суда. Такое институциональное неравенство, учитывая центральную роль досудебного производства, само по себе обуславливает пресловутый обвинительный уклон. Органы предварительного расследования, в большинстве случаев, выступают субъектом формирования объективной истины, так как именно они обладают монополией на производство процедурного (доказательственного) знания.

Такая наша оценка не означает «фетишизацию» и абсолютизацию состязательности как формы уголовного процесса, и уж тем

более это не означает огульное отрицание значимости и необходимости розыскного начала. Мы признаем, что досудебному производству как деятельности, где происходит раскрытие и расследование преступления, органично присуще розыскное начало, без которого достижение указанных целей было невозможно. До тех пор, пока государство является монополистом на легальное насилие и берет на себя обязательство в идеале принять все возможные меры по отысканию и привлечению виновных к уголовной ответственности, потребность в розыске будет неистощима.

Даже в тех странах (англо-саксонской права), где, как утверждают, реализована так называемая «чистая состязательность, то есть там, где состязательные начала пронизывают и досудебное производство, никуда не делась односторонняя деятельность уполномоченных государственных органов по установлению обстоятельств предполагаемого преступления в условиях отсутствия полноценного состязания как в суде. Поэтому, признавая потребность в розыском начале на досудебном производстве, мы все же отталкиваемся от того, что уже с момента постановки вопроса о причастности лица к преступному деянию (подозрения) «в свои права» должно вступать начало состязательное, позволяющее обвиняемому активно защищаться, в том числе путем предоставления по максимально возможному собирания доказательственной информации и расширения участия независимого арбитра, каким в идеале и должен выступать суд.

Однако и в судебном производстве, где, как предполагается должна царить состязательность, компенсирующая следственность досудебного производства, данная проблематика не снимается. Защитник и на этом этапе по-прежнему только наблюдатель, зависящий от усмотрения судьи, а сам суд, зачастую, как и в советское время, смыкается с обвинением, что приводит к игнорированию доводов защиты. Во многих случаях следственные материалы достаточно некритично оцениваются в суде, в то время как информация защиты нередко отклоняется по формальным предлогам, что, конечно, не отвечает критериям справедливого правосудия, которые сформулированы Европейским судом по правам человека. «... В подлинно состязательном судебном процессе, прежде всего, должны быть равны сред-

ства стороны обвинения и защиты, необходимые и достаточные для отстаивания своих позиций и притязаний. Состязательность становится иллюзорной, если реально не обеспечена возможность стороны отыскивать и (на равной основе) представлять, исследовать свои доказательства» [2].

Мы видим в качестве одной из основных причин системного кризиса уголовной юстиции – сохранение следственной модели. Последняя по УПК 2001 года оказалась не только потеснена состязательностью, но и за последнее десятилетие еще более упрочила свои позиции. Несмотря на это, мы исходим из того, что ставить вопрос об отказе курса на переход к состязательной форме уголовного процесса неуместно. Отдавая себе отчет в том, что вопрос критики либо апологетики той или иной модели носит в определенной степени идеологический характер, мы попробуем показать, что наше критическое отношение к следственной технологии доказывания основывается не только на идеологических соображениях.

Мы полагаем, что следственная, в нашем случае, по сути неоссоветская модель, практически себя исчерпала, в том числе и на экономическом уровне. Следственная модель есть детище тоталитарного строя, и будучи отпрыском того исторического периода, не соответствует капиталистическому строю и буржуазной демократии, в том числе и в ее российском прочтении. Как указывает Д.А. Медведев, «современное государственное управление сохраняет часть советских управленческих механизмов, какие-то черты, которые появились в 1990-е годы, последующие новации и надо прямо сказать, что ее коэффициент полезного действия остается низким» [3].

В советское время было принято критиковать состязательность как основополагающий принцип именно буржуазного процесса, а те немногие, кто отстаивали его наличие в советском праве, как М.С. Строгович, В.М. Савицкий и др., естественно резко отмежевывались от его буржуазной трактовки. В настоящее время, по-видимому, в силу неприятия имевшего место быть в советский период навязывания классового подхода, говорить о классовой природе права не принято. Но вспомним, что в 1991 году мы вернулись к капитализму как системе экономических отношений и к буржуазной (либеральной) демократии как политической

системе. Напомним, что признание и уважение частной собственности, экономической свободы, развитие предпринимательства, о чем говорится в Конституции РФ, есть ценности капитализма и буржуазного строя, что совершенно естественно ставит вопрос о том, что уголовно-процессуальное право и прежде всего его ключевые институты соответствовали провозглашенной в основном законе государства экономическому базису и политической надстройке.

Буржуазной демократии должно соответствовать соответствующее право как надлежащее средство регулирования общественных отношений. И в этом смысле состязательная модель, несмотря на все ее недостатки, которые также хорошо известны, гораздо более соответствует ценностям указанного выше политического строя и капиталистической модели хозяйствования, и, следовательно, должна оставаться в качестве ориентира предстоящих реформ. Если мы говорим о свободе предпринимательства, об обеспечении делового климата и предпринимательских свобод как о идеологических ценностях нашего общества, а именно в таком ключе звучат выступления отечественных политиков и экономистов, то состязательная модель уголовного процесса здесь является более предпочтительной, чем остальные.

Указанный тезис не означает, что состязательная форма процесса есть панацея для развития рыночной экономики. Будучи солидарными с замечанием профессора Л.В. Головки об отсутствии обязательной корреляции между состязательностью уголовного процесса и рыночной экономики [4, с. 110], мы, тем не менее, отстаиваем суждение о состязательной модели, в том числе континентального типа [5, с. 184], как о факторе, гораздо в большей степени благоприятствующему экономическому подъему в такой экономической системе, как капитализм. Мы считаем, что в современных условиях жесткого соперничества на геополитическом, экономическом и иных уровнях состязательная модель есть важнейший фактор экономического развития. Состязательная конструкция уголовного процесса, как наиболее соответствующая капиталистическому типу хозяйствования, при ее надлежащей реализации способна дать нашей стране серьезные конкурентные

преимущества. Сама идея состязательности подразумевает конкуренцию, соперничество, и тем самым во многом созвучна с идеей экономической конкуренции в сфере бизнеса.

Советский юридический словарь связывал состязательность с институтом права частной собственности на орудия и средства производства [6], то есть как раз с теми идеями, которые, по мнению руководителей страны, составляют вектор развития России. Согласно мнению Президента нашей страны, «... развитие государства возможно только при условии общественного уважения к частной собственности, к ценностям экономической свободы и предпринимательского труда и успеха» [7]. Таким образом, путь к улучшению делового климата лежит не только через экономические преобразования, но и через судебную реформу. Как констатируется в разработанном в 2018 году экспертами Центра стратегических разработок проекте судебной реформы, «в той мере, в которой судебная система создает предсказуемую и справедливую правовую среду, обеспечивает надежную защиту прав граждан и их объединений, в том числе права собственности, она способствует экономическому росту. Необходимость возобновления экономического роста в России и обеспечения долгосрочной стабильности ставит на повестку дня вопрос о совершенствовании судебной системы, повышении авторитета судебной власти» [8].

И здесь мы видим, что одним из самых серьезных камней преткновения, мешающих нашей стране вырваться вперед по сравнению с конкурентами, является действующий механизм уголовного преследования, центральную роль в котором занимает институт публичного обвинения. Современная система организации уголовного преследования во многом не только не соответствует выше обозначенной цели, но и препятствует ее достижению. Говоря об уголовной политике в контексте развития и защиты предпринимательства в нашей стране, Уполномоченный по защите прав предпринимателей при Президенте России Б.Ю. Титов утверждает: «Здесь, конечно, работает огромная машина, которая направлена против развития предпринимательства в стране. Хотя какие бы мы шаги ни делали вперед, к сожалению, сама система все возвращает назад» [9].

Переход отечественного уголовного судопроизводства на состязательные рельсы не может быть полноценным без переформатирования одного из его ключевых институтов – обвинения. В настоящее время механизм обвинения ничем не отличается от его советских предшественников, так как был практически полностью заимствован из УПК РСФСР 1960 года и является одним из элементов следственного механизма привлечения к уголовной ответственности. Основным предметом нашей критики является следственное обвинение, то есть предъявление обвинения следователем путем составления постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, а также дознанием путем составления обвинительного акта и постановления. Этот вид обвинения противоречит основополагающим принципам буржуазного уголовного процесса, таким как уже не раз упомянутая состязательность и равноправие сторон, презумпции невиновности. Интересно, что и советское время утверждалось, что только утверждение прокурором обвинительного заключения является государственным обвинением как обвинение высокого уровня [10, с. 25], коренное отличие которого заключалось в том, что прокурор одновременно обращается в суд за его проверкой в судебном порядке. Однако и то и другое являлись разновидностями публичного обвинения, а учитывая трактовку суда как орудия борьбы с преступлениями, посягающими на Советское государство и советский правопорядок, такая разница носила технический характер.

В следственном механизме уголовная ответственность реализуется единой следственно-судебной властью, в которой суд выступал лишь последним проверочным звеном в механизме наказания преступника. Привлечение к уголовной ответственности фактически осуществлялось следователем, в тесном содружестве с которым действовал суд. Соответственно предъявление лицу обвинения в подавляющем большинстве случаев означает автоматическое признание его виновным. Хотя с тех пор прошло немало времени, ситуация значительно не изменилась. По-прежнему хозяева процесса до суда – сторона обвинения, а в судебном производстве – суд, по идее занимающий место арбитра, зачастую, не желает «слышать» защиту.

Изначальное неравенство, закладываемое законодателем на институциональном уровне, не предоставляет обвиняемому, в том числе и при незаконном уголовном преследовании, адекватных средств по противодействию обвинению. Более того, оно благоприятствует созданию условий для злоупотреблений, так как ввиду невозможности состязаться легальными методами, многие предприниматели переходят на методы вне закона. Анализируя сложившуюся ситуацию, глава комитета по оценке регулирующего воздействия издания «Деловой России» А. Головченко поясняет: «Почему это происходит? Первое – это не просто плохая работа судебной системы в России, а, можно сказать, ее отсутствие. Судьи, когда у них идет судебное разбирательство с предпринимателем, прямо в процессе консультируют государственные органы, что абсолютно запрещено по закону, так как у нас есть понятие “состязательности сторон”». Мы видим, когда судьи засуживают предпринимателей в интересах государства. К чему это приводит? К росту коррупции, потому что, когда предприниматель понимает, что в спорах с государством в суде он не может добиться результата, он платит взятку этому госслужащему, чтобы не пришлось с ним судиться» [11].

Сказанное выше не значит, что речь идет о противопоставлении добрых и законопослушных предпринимателей и недоброжелательных чиновников. Жизнь гораздо сложнее идеальных схем, и среди бизнесменов встречаются люди, живущие не по закону. Но следственная технология привлечения к уголовной ответственности предоставляет большие возможности для использования репрессивного механизма при незаконном вмешательстве в экономическую деятельность. Этот механизм не способен удовлетворить потребность, прежде всего малого и среднего бизнеса, в судебной защите и обеспечить определенность правил игры на уголовно-процессуальном поле. Для бизнеса здесь важна определенность, стабильность и прозрачность, что лучше всего обеспечивается закреплением и соблюдением тех правил, которые закреплены в законе, а не меняются в зависимости от усмотрения отдельных лиц. В противном случае возрастает риск неудачи бизнес-инициатив, что выступает препятствием, как для развития отечественного

предпринимательства, так и для притока инвестиций в нашу страну.

И в этом смысле для бизнеса состязательная модель, при ее надлежащей реализации, позволяет минимизировать риски незаконного уголовно-правового вмешательства в экономическую деятельность. Исторически, в период буржуазных революций в Европе в 18–19 веках, состязательность как способ организации судопроизводства активно отстаивалась победившей буржуазией как прогрессивное нововведение по сравнению с розыскной формой, присущей монархическим режимам, отрицавшим уравнивание в судебном процессе монарха в лице его представителя (судьи-обвинителя) и обвиняемого и его защитника. Состязательность судопроизводства в ее буржуазном понимании изначально была частным случаем выражения идеи всеобщего равенства и отмены сословных ограничений при наличии свободной конкуренции в относительно равных условиях. Конечно, жизнь показала утопичность этой идеи, да и само по себе формальное (юридическое) равенство никогда не соответствует равенству реальному, что в свое время стало «лакмусовой бумажкой» советских критиков буржуазной состязательности.

В цитирувавшемся выше Советском юридическом словаре буржуазная состязательность упрекалась в том, что «формально предоставляя процессуальные права обвиняемому, не обеспечивает их реально, вследствие чего обвиняемый трудящийся фактически оказывается беззащитным, имея против себя классово-враждебного прокурора и классово-враждебный суд» [6]. Хотя эта оценка носит крайне политизированный характер, нельзя ее назвать абсолютно безосновательными. Действительно, в капиталистическом строе для состязания с государством, для реального использования декларируемого равенства сторон (ч. 4 ст. 15 УПК РФ) необходимы временные, финансовые и иные ресурсы, что позволяет утверждать, что декларируемым правом «состязаться», в большинстве случаев, может воспользоваться лицо, обладающее необходимыми для этого, прежде всего, возможностями. Надо признать, что в этом смысле бизнес, как обладатель этих самых ресурсов, является одним из первых бенефициаров состязательной организации уголовного процесса. Бизнесмен,

как правило, может себе позволить рассчитаться за услуги адвоката, заказать производство судебной экспертизы, оплатить расходы свидетелей, дающих показания в его пользу, нанять частного детектива, представителя и т.д. и поэтому он вполне способен, при условии предоставления ему этой возможности, состязаться с государством в рамках, предусмотренных законом.

С другой стороны, очевидно, что большинство граждан нашей страны такими ресурсами не обладают, в силу чего состязательность для них рискует так и остаться абстракцией. Следует честно признать, что уже давно известно противоречие состязательного процесса, и стремиться по возможности его нивелировать. Думается, что здесь государство и гражданское общество должны предпринять все меры для его минимизации, в том числе путем развития различных программ по предоставлению бесплатных юридических услуг населению, поощрение адвокатов работать не только за клиентское вознаграждение и др. Мы также возлагаем определенные надежды на происходящую на наших глазах информатизацию, когда благодаря дешевизне и доступности информационных технологий, обычный гражданин получает возможность фиксировать и предоставлять информацию в суд или досудебный орган, тем самым монополизируя возможности стороны обвинения по формированию удобной ему «объективной истины».

Но мы понимаем, что информатизация не снимает полностью проблему реального неравенства возможностей по отстаиванию своих позиций, что и позволяет некоторым специалистам отрицать саму концепцию формального «равенства», которое декларирует идея состязательности [6]. Остается надеяться, что этот недостаток будет устранен только при переходе на новый уровень организации процесса (постсостязательность). Очевидно, что состязательность в ее современной трактовке отнюдь не венец юридической эволюции судопроизводства.

Таким образом, мы считаем, что в нашей стране следственная модель уголовного процесса вообще и присущий ей правовой формат обвинения является негативным фактором экономического развития, требующим реформирования.

Литература

1. Александров А.С. Избранное из выступления на парламентских слушаниях в СФ ФС по случаю 15-летия УПК РФ. URL: <http://www.iuaj.net/node/2143>.
2. Постановление ЕСПЧ по делу «Стадучин против Российской Федерации» от 18 октября 2007 г. (жалоба № 6857/02); Постановление ЕСПЧ по делу «Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства» (жалобы № 39647/98 и № 40461/98). СПС «КонсультантПлюс».
3. Выступление Д.А. Медведева на XV Международном инвестиционном форуме «Сочи-2016» от 30.09.2016. URL: <http://government.ru/news/24729>.
4. Головки Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016.
6. Советский юридический словарь. URL: https://soviet_legal.academic.ru/1716/СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ.
7. Одним высшим судом меньше. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2218108>.
8. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации. URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/02/Doklad_sudebnaya_systema.pdf.
9. Борис Титов: «У Путина – реальная поддержка...». URL: <https://www.svoboda.org/a/28989287.html>.
10. Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков, 1979.
11. Россию «подвел» инвестклимат. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4119262>.
12. Диденко. Н.С. Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел по делам частного обвинения // Уголовно-правовая, уголовно-процессуальная политика и современные проблемы борьбы с преступностью. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Ростов-на-Дону, 21–22 мая 2015 года.

Bibliography

1. Alexandrov A.S. Selected from the speech at the parliamentary hearings in the SF FS on the occasion of the 15th anniversary of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. URL: <http://www.iuaj.net/node/2143>.
2. Judgment of the ECHR in the case «Stadukhin vs. the Russian Federation» of 18 October 2007. (complaint № 6857/02); ECtHR judgment in the case of Edwards and Lewis vs. United Kingdom (complaints № 39647/98 and «40461/98»). LRS «ConsultantPlus».
3. Dmitry Medvedev's speech at the XV International Investment Forum «Sochi-2016» from 30.09.2016. URL: <http://government.ru/news/24729>.
4. Golovko L.V. State participation in criminal proceedings: from «equality of arms» to realistic concepts // State and law. 2020. № 6.
5. Course of criminal procedure / edited by L.V. Golovko. Moscow, 2016.
6. Soviet Legal Dictionary. URL: https://soviet_legal.academic.ru/1716/СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ.
7. One less supreme court. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2218108>.
8. Proposals for the improvement of the judicial system in the Russian Federation and changes in regulations for their implementation. URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/02/Doklad_sudebnaya_systema.pdf.
9. Boris Titov: «Putin has real support...». URL: <https://www.svoboda.org/a/28989287.html>.
10. Zelenetsky V.S. Initiation of state prosecution in the Soviet criminal process. Kharkiv, 1979.
11. Russia was «let down» by the investment climate. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4119262>.
12. Didenko N.S. Procedural features of the initiation of criminal cases on cases of private prosecution // Criminal-legal, criminal-procedural policy and modern problems of combating crime. Materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference. Rostov-on-Don, May 21–22, 2015.

Парфиненко Игорь Петрович
Parfinenko Igor Petrovich

доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Legal Support of National Security, Baikal State University, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: 010268@bgu.ru

КОРРУПЦИЯ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК УГРОЗА ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Corruption in public authorities as a threat to the national security

В статье проанализирован зарубежный опыт борьбы с коррупцией, приоритетные технологии противодействия коррупции в современной России, на основании чего сформированы предложения, задача которых направлена на предупреждение и пресечение коррупции в органах государственной власти. Способы повышения результативности противодействия коррупции представляются авторами, как в решении социальных проблем в обществе, так и в законодательном закреплении дополнительных мер, ставших эффективными в мировой практике.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, противодействие коррупции, угроза национальной безопасности, органы государственной власти.

The article analyzes the foreign experience of combating corruption, priority technologies for combating corruption in the modern Russia, on the basis of which there are proposals, the task of which is aimed at preventing and suppressing corruption in public authorities. Ways to improve the effectiveness of combating corruption are presented by the authors, both in solving social problems of the public and in the legislative consolidation of additional measures that have become effective in the world practice.

Keywords: corruption, anti-corruption, fight against corruption, threat to the national security, elected government bodies.

Одним из важных направлений деятельности всех государств, начиная с древности, остается борьба с коррупцией. В современном обществе коррупция рассматривается как одна из глобальных проблем нашей страны, создающая препятствие эффективному развитию общества и государства в целом. Актуальной проблемой для развития современного государства становится разработка системы юридических средств, предназначенных для борьбы с коррупцией. Какие бы усилия не принимало современное государство, коррупция будет содержать в себе реальную угрозу национальной безопасности. Безопасности общества, а также стабильному развитию государства она наносит ущерб, последствия которого приводят к нарушениям в процессах повышения уровня жизни населения, а также в способности политической системы эффективно адаптироваться к новым образцам поведения в данной сфере на международном уровне.

Именно поэтому мировое сообщество рассматривает подготовку противодействия данной угрозе главным показателем склонности государства ценностям, связанным с современной демократией и его цивилизованности.

Термин коррупция, дошедший до нас, берет свое начало еще в XV–XVI вв. Макиавелли тогда ставил коррупцию наравне с чахоткой. Вебер, являясь классиком немецкой социологии, подтверждал, что основой любого государства является заложенное в нем господство чиновников, вследствие чего предупреждал о возможности перерастания бюрократии в так называемую неконтролируемую «тайную» организацию, использование которой будет осуществляться в личных целях.

Коррупция входит в категорию самых часто встречающихся явлений нынешней политической действительности, при этом нося эпохальные корни. Затрагивание коррупции в системе государственной службы впервые было

отражено в архивах Древнего Вавилона. Царем Лагашей было произведено реформирование государственного управления, преследовавшего своей целью прерывание преступного использования своих прав чиновниками и судьями, а также понижение вымогательства вознаграждений, носящих незаконный характер, у персонала храма со стороны царской администрации [1, с. 94]. Известные законы Хаммурапи также отражают существование коррупции чиновников того времени. Наряду с этим, отсталость политических отношений, связанных с исполнением властных полномочий, надлежащим образом влияла и на выражение коррупции. На прогресс в данных обществах значительного влияния коррупцией оказано не было, так как она носила эпизодический характер. Наиболее масштабное проникновение, вместе с одним из первых определений, коррупция приобрела в Древней Греции. Именно тогда вместе с формированием процедур строительства государства активно обнаруживались негативные процессы, взаимосвязанные с коррумпированностью органов власти.

В наше время документами, в которых определяется концепция осуществления задач органов государственной власти, являются: Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ, Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [5, с. 108]. Направленность противодействию коррупции является одной из составных угроз государственной и общественной безопасности, входящих в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации [9]. Борьба с коррупцией рассмотрена законодателем как одно из важных политических направлений государства в сфере обеспечения национальной безопасности страны на долгую перспективу. Коррупция также относится к числу главных угроз экономической сферы [2].

Одним из критических вызовов развитию человечества является коррупция. Суверенитет, а также безопасность государства подвержены ею риску, традиции человеческой культуры переживают подрыв, нарушается обычное развитие всех областей жизни людей

[6, с. 5–7.], подрывая веру в возможность народа управлять государством, уничтожаются любые инициативы власти.

Невзирая на принимаемые меры, коррупция затрудняет функционирование всех механизмов общества и является препятствием для проведения социальных преобразований национальной экономики, вызывая серьезную тревогу государственных институтов у российского общества. Имидж России на международной арене медленно возрастает, так, согласно статистике, опубликованной международным антикоррупционным движением Transparency International, в 2020 г. Россия заняла 129 место из 180, с результатом индекса равном 30, который на несколько баллов больше, чем в 2018 и 2019 гг.

Как пример успешного противодействия коррупции, мы можем привести Гонконг, набравший в 2020 году 77 баллов, индекс здесь ранжирует государства по шкале от 0 (самый высокий уровень коррупции) до 100 (самый низкий уровень коррупции).

На протяжении долгих столетий, вплоть до 1974 года в Гонконге взяточничество считалось своего рода традицией и охватывало 94 % всего государства. Так, в государстве было реализовано три меры, которые положили начало эффективного противодействия коррупции и ее сведения до минимума, а именно:

- отмена презумпции невиновности для чиновников;
- создание Независимой комиссии по борьбе с коррупцией;
- контроль указанной выше комиссии общественными организациями.

Коррупция не является национальной особенностью, присущей именно России. Стран свободных от нее не существует, но уровень и масштабы в разных странах отличаются [4, с. 2].

Проанализировав зарубежный опыт борьбы с коррупцией, можно выделить несколько стран, в которых меры противодействия коррупции являются наиболее эффективными. Такими странами являются Китай, Сингапур, Республика Корея, Япония, Германия, Финляндия, Франция. Рассмотрим опыт некоторых стран более подробно.

Финляндия является одним из государств с высоким антикоррупционным рейтингом, такой опыт заслуживает внимания других

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

государств. Такому уровню в органах государственной власти и управления Финляндии способствует наличие гражданских институтов с большим уровнем развития, а также сведение вмешательства государства в экономику до минимума, нахождение в доступности большого количества подзаконных актов, защита лиц, оказавших помощь в противодействии коррупции, отсутствие кастовости и высокий уровень заработной платы государственных служащих. В стране прерывание коррупции находит свое отражение в «Программе по борьбе с преступлениями в экономической сфере» 1996 г., каких-либо еще проектов и правоохранительных служб для противодействия коррупции страна не имеет. Должностное взяточничество в Финляндии является одним из главных видов коррупции. Законодатель рассматривает этот вид как противозаконную сделку между представителями органов власти с лицом, имеющим интерес в конкретном их поведении.

Японский навык противодействия коррупции указывает, что отсутствие в государстве общего нормализованного акта не может стать причиной решения данной проблемы. Законодатель Японии придает важную ценность табу, направленного на граждан, занимающих политические, государственные и муниципальные должности. Одним из важнейших антикоррупционных направлений в Японии, ровно как и в большинстве других стран, выделяется профессиональная политика. Большая часть внимания уделена Законом Японии

«Об этике государственных служащих» нравственному поведению государственных служащих. Также в стране имеются правила этики государственных служащих, в которых законодателем дается понятие заинтересованных лиц, перечислены действия, нарушающих этику, благодаря чему интерпретация норм в произвольной форме исключена.

Японская политика по противодействию коррупции подразумевает перестройку субсидирования политических партий и избирательных кампаний, содействие влияния государственных служб, гарантирование гражданских свобод [10, с. 30–38].

Анализируя практику Российской Федерации, можно прийти к выводу, что антикоррупционная ситуация в целом улучшается. За последние годы Россия добилась заметных успехов в части предупреждения коррупции. По данным ГИАЦ МВД России (форма 1 – Корр), наблюдается линейное сокращение количества коррупционных преступлений. Если в 2014 г. их объем превышал 41 тыс., то в 2017 г. он сократился на 18 % на фоне снижения числа отказов в возбуждении уголовных дел [3, с. 635].

Следственным комитетом РФ была опубликована статистика коррупционных преступлений за 2020 год [12]. Так, исходя из предоставленных данных, следует, что в указанном году в суды было направлено 15 217 уголовных дел коррупционной направленности, что на 4 % больше, чем в предыдущем году.

Согласно «Отчетам о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям

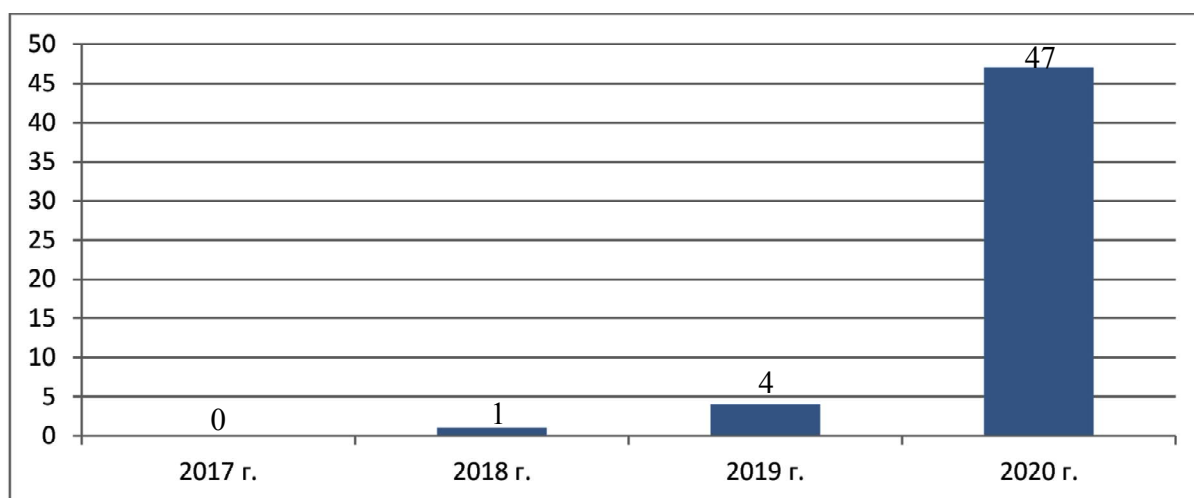

Рис. Лица, занимающие государственную должность РФ, а также государственную должность субъекта РФ, обвиняемые в преступлениях коррупционной направленности

Уголовного кодекса Российской Федерации по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям коррупционной направленности» с 2017–2020 гг., предоставленным Судебным Департаментом при ВС РФ, количество обвиняемых лиц, занимающих государственную должность Российской Федерации, а также государственную должность субъекта Российской Федерации увеличилось за последние годы, чему свидетельствует представленный график (см. рис.).

Хотелось бы обратить внимание на перечень громких арестов государственных чиновников и депутатов, по данным Следственного Комитета Российской Федерации, а также Русской службы Би-би-си за 2004–2020 год [11].

1. *Алексей Улюкаев* являлся министром экономического развития в период с 2013–2016 гг. В 2016 г. был приговоренный к восьми годам лишения свободы за получение взятки в размере \$2 млн от главы «Роснефти» Игоря Сечина.

2. *Евгений Адамов* являлся министром Российской Федерации по атомной энергии (1998–2001 гг.), членом Совета Безопасности Российской Федерации (1998–2000 гг.), а также Советником Председателя Правительства (2002–2004 гг.). В 2005 году он был арестован в Берне по запросу из США, где его обвиняли в присвоении 9 миллионов долларов, предоставленных России Министерством энергетики США в качестве помощи для улучшения безопасности на ядерных объектах, позже был экстрадирован в Россию, где

его обвинили в мошенничестве и превышении полномочий.

3. *Вячеслав Дудка* являлся губернатором Тульской области с 2005–2011 гг. В 2011 г. был освобожден от должности, а спустя месяц помещен под домашний арест по подозрению в получении взятки от компании «ГРИНН» за предоставление в долгосрочную аренду земельного участка для строительства гипермаркета.

И этот список можно продолжить.

Таким образом, для снижения уровня коррупции, как угрозы национальной безопасности, в стране требуется совершенствование законодательства и закреплении дополнительных мер по противодействию коррупции, а именно:

1. Создание независимой комиссии по борьбе с коррупцией, а также возможность осуществления контроля за ее деятельностью общественными организациями.

2. Проведение информативных бесед о вреде коррупции, а также по недопущению поведения, которое может быть воспринято окружающими как согласие принять взятку либо как требование ее и наказаниях, последующих за действия данного характера.

3. Осуществление контроля за выполнением указанных выше бесед для государственных и гражданских служащих.

4. Составление единых общедоступных сведений о доходах и расходах государственных служащих, а также их супругов.

5. Совершенствование законодательства, в том числе регионального.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. Т. 27. М., 1977.

2. Борьба с коррупцией – главное условие национальной безопасности. URL: <http://pravo.gov.ru/articles/borba-s-korrupciyey>.

3. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры / С.В. Иванцов [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 5.

4. Левченко И.В. Историко-правовые аспекты борьбы с коррупцией в российском государстве в начале XVIII века // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 26–27 мая 2016 г. Иркутск, 2016.

Bibliography

1. The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 27. Moscow, 1977.

2. The fight against corruption – the main condition of national security. URL: <http://pravo.gov.ru/articles/borba-s-korrupciyey>.

3. Household corruption in Russia: basic criminological parameters / S.V. Ivantsov [et al.] // All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. № 5.

4. Levchenko I.V. Historical and legal aspects of the fight against corruption in the Russian state at the beginning of the XVIII century // Ensuring national security of Russia in the modern world: materials of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, May 26–27, 2016. Irkutsk, 2016.

5. Лепя Т.П. Предупреждение коррупции в органах исполнительной власти в современных условиях: учебное пособие. Иркутск, 2018.

6. Нарышкин С.Е. Международное сообщество в борьбе с коррупцией // Журнал Российского права. 2012. № 7.

7. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ: редакция от 26. 07. 2019: принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года: одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года. СПС «КонсультантПлюс».

8. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: Указ Президента РФ от 29 июля 2018 года № 378. ЭПС «Система Гарант».

9. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683. СПС «КонсультантПлюс».

10. Противодействие коррупции в Российской Федерации: проблемы, приоритеты, технологии / Под ред. А. П. Кошкина. Вып. 3. М., 2015.

11. Сведения о самых громких арестах государственных чиновников, мэров и депутатов в период с 2004–2019 год. URL: <https://www.bbc.com/russian/russia/2015/03/150304>.

12. Статистика коррупционных преступлений за 2020 год. URL: <https://sledcom.ru>.

5. Lepa T.P. Prevention of corruption in executive authorities in modern conditions: training manual. Irkutsk, 2018.

6. Naryshkin S.E. International community in the fight against corruption // Journal of Russian Law. 2012. № 7.

7. On Combating Corruption: Federal Law № 273-FZ of 25.12.2008: Revision of 26. 07. 2019: adopted by the State Duma on December 19, 2008: approved by the Federation Council on December 22, 2008. LRS «ConsultantPlus».

8. On the National Anti-Corruption Plan for 2018-2020: Decree of the President of the Russian Federation of July 29, 2018 № 378. ERS «System Garant».

9. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683. LRS «ConsultantPlus».

10. Anti-corruption in the Russian Federation: problems, priorities, technologies / Ed. by A.P. Kosshkin. Issue 3. Moscow, 2015.

11. Information about the most high-profile arrests of state officials, mayors and deputies in the period from 2004–2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/russia/2015/03/150304>.

12. Statistics of corruption crimes for 2020. URL: <https://sledcom.ru>.

Тишкин Дмитрий Николаевич
Tishkin Dmitry Nikolayevich

заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.

Deputy Head, the Department of Tactical and Special Training, Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: dntishkin@list.ru

Бабенко Светлана Владимировна
Babenko Svetlana Vladimirovna

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), PhD in Law.

E-mail: babenkoosokina@yandex.ru

Напханенко Игорь Павлович
Napkhanenko Igor Pavlovich

заведующий кафедрой «Административное право и уголовно-правовые дисциплины» Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department «Administrative Law and Criminal Law Disciplines», Rostov State University of Railway Transport, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: nip1966@yandex.ru

**ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКТИРОВКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ
«ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ВОЙНЫ»**

**Possible directions of adjustment of the state policy of Russia at combating organized
crime in the conditions of «organizational war»**

В статье анализируется онтогенез и трансформация организованной преступности в российском и мировом социально-политическом пространстве, в условиях «цифровизации» и «организационной войны». Авторами предлагаются возможные политические решения с целью защиты государственного суверенитета России.

Ключевые слова: государственная политика, политические процессы, политическая элита, национальная безопасность, организованная преступность, война, киберпреступность, «организационная война», терроризм, «цифровизация».

The article analyzes the ontogeny and transformation of organized crime in the Russian and world socio-political space, in the context of «digitalization» and «organizational war». The authors propose possible political solutions to protect the state sovereignty of Russia.

Keywords: state policy, political processes, political elite, national security, organized crime, war, cybercrime, «organizational war», terrorism, «digitalization».

Множество исторических документов активно доказывают, что с момента появления такого базисного политического института как государство прослеживается его неразрывная связь с политикой («царское искусство управления государством, требующее знания

и умения управлять людьми» по Платону и Аристотелю) и многообразными формами организованного насилия (убийства, преступность, война, экстремизм, терроризм, устрашение, диверсия и другими). Аксиомой для политологов и военных экспертов является

дефиниция К. Клаузевица (1780–1831) о том, что «война есть продолжение политики иными средствами». Однако наиболее системно-обобщающими представляются концептуальные выдержки китайского мыслителя Сунь-цзы о том, что война не просто «путь обмана», а «бесконечный путь хитрости», прокладываемый политикой в мирный (в качестве основного) и военный (удобно подобранный) период, при этом, одновременно, оценивая ее как «великое дело государства» (базис жизни и смерти) и, соответственно, в качестве приоритета определяя необходимость «заставить неприятельское войско покориться без сражения» [1, с. 30–31, 51]. В свою очередь, преступность (особенно ее организованные формы), эволюционируя параллельно с политическими институтами, к XX веку достигла такой трансформации, что ее уже четко идентифицировали как организованную преступность (далее – ОП).

В данном контексте некоторые эксперты обоснованно полагают, что высокая доля келейных процессов, сохраняющихся на протяжении веков и характеризующих «множество коррелирующих паттернов организованного насилия, таких как война, политика, ОП, экстремизм и терроризм» [2, с. 30], делает возможным их объективное изучение только с применением междисциплинарных методик [2, с. 30].

Ряд исследователей считает операциональной такую дефиницию, как служебная ОП, сущность которой сводится к функционированию организованных криминальных групп (сообществ), осуществляемому в корреляции с нелегитимным использованием (эксплуатацией) «интересов муниципальной и государственной служб» [3, с. 184]. В качестве базисных характеристик служебной ОП, выделяются следующие: функционирование криминала под видом реализации государственных функций, «легендируясь» легальными структурами; переформатирование от «коррупционеров-одиночек» к коррупционным сетям [4, с. 156]; завершение процесса трансформации государственных политических институтов, в зеркальную противоположность – антигосударственные профессионально-криминальные структуры [3, с. 184]. М.П. Клейменовым и И.М. Клейменовым установлена динамика выделения «современных форм преступного сообщества: коррупционно-общеправового, экстремистского, транснационального, террористического» [4, с. 156].

Профессор В.С. Овчинский отмечает, что «цифровизация» заполнила все мировое социально-политическое пространство, включая

ОП, соответственно, данный трансфер в киберсреду существенно снизил эффективность реализации госполитики по противодействию этому феномену, проводимой субъектами политического управления [5, с. 2], а, главное, существенно усилил антигосударственный потенциал, фактически, приведя к ликвидации условных граней между «терроризмом, гибридными войнами (далее – ГВ) и преступностью» [5, с. 377], превратив его в катализатор процессов трансформации государственных (далее – ГН) в государства-корпорации (далее – ГК), с их параллельной криминализацией [5, с. 2]. Примером трансформации ГН в ГК, с параллельной этатизацией ОП может служить Косово, созданное глобальным Западом и являющееся «криминальным государством» [6, с. 483–487].

Некоторые исследователи отмечают, что «цифровизация» (имеющая множество положительных аспектов) использована организованным криминалом против национальных интересов РФ и поспособствовала «развитию различных направлений организованной криминальной деятельности, появлению новых ее видов, повышению уровня сплоченности преступных формирований» [7, с. 120], давая возможность преступным авторитетам дистанционно манипулировать криминальными процессами (даже находясь за рубежом), включая места лишения свободы, требуя, соответственно, от представителей правоохранительной системы не только криминологической оценки деяний, но и адекватных ситуации незамедлительных контрдействий [8, с. 90].

Наиболее концептуально-выверенной в контексте специфичности исследуемой проблемы, представляется дефиниция ГВ, характеризующая ее в качестве дифференцированного типа организованного принуждения (насилия), сочетающего «боевые действия, организованную преступность и массовые нарушения прав человека» [9]. Данная дефиниция, сформулированная военным экспертом А.А. Бартошем, позволила идентифицировать и соединить весь кластер, исследуемых деструктивных явлений в единую условную систему, а также выделить стратегическую цель ГВ – сохранение константной доминанты Западной цивилизации (посредством инициирования «цветных революций»), в интересах «транснациональных корпораций (далее – ТНК) и частных компаний, с использованием высокоточного оружия, тактик скрытого проникновения, односторонних и незаконных мер принуждения в

виде экономических санкций, киберопераций, террора и дестабилизации, «пятой колонны», манипулирования толпой» [9].

Наиболее системно-мировоззренческим спектром охвата обладает дефиниция «организационной войны» («психоисторической войны»), используемая академиком А.И. Фурсовым и профессором Е.Г. Пономаревой, сущностное наполнение которой сведено к «систематическому долговременному воздействию на психосферу общества-мишени (общества в целом), в основном его властной и интеллектуальной элиты» [10, с. 85–86] с целью «провести классовое и/или цивилизационное перекодирование» [11, с. 18–19]. Процесс перекодирования в связи с «цифровизацией», приобрел свойства реактивности, но глобальный тренд уровней фальсификации остался прежним: «информационный (факты), концептуальный (стадия пакетирования фактов) и метафизический (смысловой)» [10, с. 85–86].

Систематизировав вышеизложенные факты, некоторые исследователи констатируют, что проблема проникновения агентуры влияния и представителей криминала (фактически элементов «пятой колонны») во властные структуры различных уровней не утратила своей актуальности. Любая спецслужба потенциального противника осуществляет попытки влиять на принятие политических решений или их скрыто саботировать посредством части «элиты», лоббируемой организованным криминалом и манипулируемой внедренным в нее подсобным аппаратом иностранных разведорганов. Учитывая повышенную келейность указанных деструктивных процессов, подрывающих доверие граждан к власти и создающих реальные угрозы для самой государственности, эффективное противодействие им (процессам) возможно только «посредством умелого сочетания всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий и применения агентурного метода спецслужбы РФ» [12, с. 197–199].

Некоторые особенности политических процессов, связанных с информационными технологиями, следует рассмотреть более системно. «Цифровизация» и масштабное внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) во все социальные и государственные сферы, невзирая на ряд объективно-положительных факторов, должны реализовываться, парирруя вероятную возможность криминального и иностранного вмешательства (в том числе скрытно-дистанционного), не создавая угроз национальной безопасности РФ.

Эксперт Б.Н. Мирошников (основатель подразделений по противодействию киберпреступности в ФСБ и МВД) обосновал следующие предположения: реактивная динамика IT-преступности сохранится, а «борьба с ней еще долго не будет иметь заметного успеха» вследствие, пока неустранимого противоречия между интересами общества и бизнеса, где последний всегда пересиливает; в рамках «бизнес-идеологии» его (бизнеса) представители, ведя общество к «светлому информационному будущему» и зная «лучше общества, что тому нужно», имеют возможности «заказывать и покупать в своих интересах нужные, красиво и лукаво сформулированные законы», связывая «общество по рукам и ногам узами навязанного счастья»; борьба с киберпреступностью станет результативной только тогда, когда бизнес осознает свою социальную ответственность и реально объединит собственные усилия в союзе с обществом и государством; атаки хакеров значительно возрастут, от корыстных целей трансформируются и приобретут еще более агрессивно-интернациональный характер, а «кибертеррористы, реально возьмут на вооружение информационное оружие»; объективно-необходимое взаимодействие между правоохранительными органами на международном уровне требует заблаговременной «отладки и смазки», что в условиях цейтнота, проблем взаимного «доверия и двойного применения» киберпространства, превращается лишь в декларацию добрых намерений; острота проблемы доверия и информационной безопасности в киберпространстве будет только нарастать; принимая во внимание, что «интернет – средство доставки информационного оружия», необходимо учитывать реактивно возрастающую степень его влияния на политические процессы и политический климат в обществе, сопровождаемую константной «борьбой за его использование и контроль»; реальные «диспетчера-управленцы» киберпространства заинтересованы «в стабильном и защищенном бизнесе», а также в обладании «информацией со всего глобуса», с целью «обучения, внедрения и принудительной любви к демократии», в современных условиях объективно идентифицируемой в качестве «лицемерия, доведенного до совершенства» [13, с. 269–283].

Советник Минобороны РФ А.М. Ильницкий 15.12.2020 в своем выступлении в рамках «круглого стола» Временной комиссии Совета Федерации констатировал факт ведения в отношении России «гибридной войны» и,

соответственно, определил следующие «болевые точки»: в соответствии с доктринальными документами НАТО (октябрь 2020) «гибридное» воздействие на Черноморский макро-регион и другие государства постсоветского пространства; давление ТНК на политический истеблишмент различных стран посредством «зеленой повестки», усиления «антиковидных» мер, «цифровизации» и «идеологических симулякров», с целью выстраивания мировой конфигурации, где властные функции сосредоточены в руках корпораций; целенаправленные действия ТНК по «десуверенизации РФ и Китая»; российские законодательные инициативы в области инноваций, не в полной мере учитывающие потенциальные угрозы национальной безопасности и факт доступа к глобальной информации, составляющей гостайну, гражданских структур, неспособных гарантированно обеспечить их сохранность; применение технологий ИИ в качестве активного оружия «пробивания» суверенитета; нерациональное проникновение технологий ИИ во все сферы государственной власти без учета потенциальной возможности его деструктивного (двойного) применения; использование гуманитарных знаний как деструктивных технологий. А.М. Ильницкий сделал акцент на то, что в условиях ведущейся против РФ «гибридной войны» приоритетом может быть только обеспечение национальной безопасности, а использование индикаторов «экономической нецелесообразности» неприемлемо [14].

Некоторыми экспертами, концептуально систематизировавшими сущность и внутреннюю структуру «гибридной войны», сделаны выводы, позволяющие раскрыть симбиоз ее компонентов, таких как «ОП, “информационная война”, терроризм, политическая элита, экстремизм, “пятая колонна”, “цветная революция” и другие» [15, с. 201].

В этой связи, В.В. Путиным на заседаниях коллегий ФСБ (24.02.2021) и МВД (03.03.2021) в целом положительно оценена их деятельность, дана современная характеристика вызовов и угроз национальной безопасности, а также приведена следующая специальная информация за 2020 год: сохранение уровня глобальных вызовов терроризма, экстремизма, трансграничной преступности и киберпреступности; превращение цифрового пространства в поле жесткого геополитического соперничества; политика сдерживания РФ; попытки создания проблем по внешнему контуру, совмещенные с провоцированием внутренней нестабильности,

с целью ее постановки под внешний контроль; активное использование арсенала иностранных спецслужб как инструмента по дестабилизации политических процессов (пресечена деятельность 72 кадровых сотрудников и 423 агентов иностранных спецслужб); повышение уровня защиты конфиденциальной, закрытой информации и недопущение ее утечек; необходимость выверено-упреждающих оперативных действий, глобального анализа и прогнозирования ситуации, учитывающих использование новых приемов пропаганды и втягивания молодежи в различные преступно-радикальные сообщества; вскрытие источников финансовой подпитки и контактов террористических групп с зарубежными спецслужбами (предотвращено 72 преступления террористической направленности, в 2019 году – 57); в сфере обеспечения экономической безопасности пресечена деятельность 87 преступных формирований; возросло почти в 3,5 раза количество опасных атак на национальные информационные ресурсы; нейтрализована деятельность ряда опасных преступных группировок; IT-преступность за последние 6 лет возросла более чем в 10 раз, определяя необходимость кропотливой работы «на земле» с целью объективного повышения раскрываемости преступлений данной категории, но «не за счет статистики и бумажной отчетности»; обозначена необходимость повышения профессиональной подготовки и технического оснащения ОВД, сопровождаемое проработкой более четкого взаимодействия как с операторами сотовой связи, так с интернет-провайдерами и банковским сообществом; актуализирована потребность в проработке вопроса о «включении в уголовный процесс новых форм собирания доказательств»; отмечена возросшая эффективность профилактических мероприятий и необходимость совместных действий различных спецслужб и ведомств по мониторингу интернет-пространства [16; 17].

Руководитель МВД России В.А. Колокольцев 03.03.2021 на коллегии МВД России, отмечая резкий рост киберпреступлений, на фоне сохранения общего массива зарегистрированных в 2020 году преступных деяний, подтвердил свое намерение о создании в структуре МВД киберполиции, базируясь на отраслевом принципе «в пределах имеющейся штатной численности», и планы по существенному увеличению штата БСТМ, включая региональный уровень [17].

26.03.2021 в рамках Совета безопасности под председательством Президента России В.В. Путина рассмотрен и одобрен проект «Основ государственной политики РФ в области международной информационной безопасности», определены первоочередные меры его реализации. Секретарь Совбеза РФ Н.П. Патрушев сделал акцент на следующие глобальные угрозы: активизацию применения «цифровых технологий в военно-политической сфере для вмешательства во внутренние дела суверенных государств»; использование киберпространства в террористических и экстремистских целях; рост IT-преступности; проведение компьютерных атак на критическую информационную инфраструктуру [18].

С начала 2021 года британская пресса, сознательно муссирует информацию об активных усилиях США по кибербомбардировке, направленной на «спецслужбы, вооруженные силы и правительственные сети РФ». В свете тенденций «организационной войны» (гибридной войны), развязанной США против нашей страны в киберсреде, некоторые эксперты обоснованно полагают, что в ближайшем будущем кратно возрастет число американских кибератак против российских инфраструктур [19]. Информация, являющаяся аксиомой для представителей спецслужб, о том, что «закладки» в микроэлектронике представляют эффективный способ слежки и удаленного управления, благодаря Эдварду Сноудену с 2013 года стала известна всей мировой общественности, раскрыв и актуализировав тем самым, современный акцент глобального противостояния в формате «организационной войны» (гибридной войны) и его перенос в цифровую сферу посредством воздействия на системы управления противника при помощи все тех же «закладок» и агрессивных программ. Эксперт указывает на тот факт, что с 2019 года значительно расширены возможности Киберкомандования Пентагона, получившего право на самостоятельное принятие решения о проведении кибератак на системы управления РФ, в первую очередь, в энергетической отрасли (проводятся как минимум с 2012 года), а также смещение акцентов от пассивного сбора разведывательной информации к организации диверсионных действий с целью вывода из строя сетей и объектов особой важности противника [19].

Обоснованной, с учетом указанных фактов и подтвержденных временем предположений, представляется позиция Б.Н. Мирошникова об объективно-вынужденной необходимости

для РФ – создание единого органа по борьбе с киберпреступлениями (координирующего действия МО РФ, ФСБ, МВД, МИД и др.).

21.04.2021 В.В. Путин в своем обращении с Посланием к Федеральному Собранию в контексте исследования указал на недопустимость «практики организации госпереворотов, планов политических убийств, в том числе и высших должностных лиц», сделав при этом акцент на предотвращенной ФСБ России совместно с КГБ Республики Беларусь прямой попытке организации в Белоруссии государственного переворота и убийства Президента, сопровождаемое подготовкой к массовой кибератаке на средства коммуникации и энергосистемы. Президент РФ в этой связи отметил константный отказ западных коллег от «многочисленных российских предложений наладить международный диалог в области информационной и кибербезопасности» и указал на то, что в случае понимания наших добрых намерений как слабости, а также намерения сжечь или взорвать мосты международного общения «ответ России будет асимметричным, быстрым и жестким» [20].

Таким образом, необходимо с уверенностью констатировать, что весь спектр, исследуемых нами явлений, константно находится в поле зрения руководства страны, при этом уровень угроз по некоторым направлениям не снижается, а существенно возрастает.

В ходе исследования логического ряда деструктивных явлений, связанных с применением вариативных форм организованного насилия, представляется, что «весь их спектр симбиотично встроен в понятие “гибридной” и “организационной” войны, а ОП, приобретает политические свойства, одновременно стала необходимым элементом этих войн» [2, с. 34].

На наш взгляд, в качестве возможных направлений корректировки государственной политики по противодействию ОП, гарантированно обеспечивающих национальную безопасность РФ в условиях «организационной войны», необходимо следующее: усиление взаимодействия и сотрудничества между спецслужбами и экспертным сообществом, умело сочетаемое с результатами прогнозов, полным спектром «оперативно-розыскных мероприятий, а главное профессионально подготовленной агентурой» [21, с. 108]; комплексное использование в оперативно-розыскной деятельности технологий ИИ и «анализа Big Data», делая акцент на «безопасности государства и социума, парируя возможные (скрытые) угрозы»

[15, с. 202]; внедрения в субъекты политического управления «упреждающей» культуры принятия решений, базирующейся на константно-системном анализе динамики концептуальных резолюций геополитических противников, реализуя превентивную политику; устранение антагонизма между социумом и элитой на платформе легитимизированной госу-

дарственной идеи, сопровождаемое и реактивными процессами в экономике и промышленности; возвращения в МВД «централизованных подразделений по борьбе с ОП» [2, с. 34]; создание «единого ведомства (органа) по борьбе с киберпреступлениями»; создание «госструктур, комплексно противодействующих гибридной агрессии» [15, с. 202].

Литература

1. Искусство войны / Сунь-цзы; перевод, сост., предисл., коммент. В. Малявина. М., 2020.
2. Косов Г.В., Нefeldов С.А., Тишкин Д.Н. Направления корректировки государственной политики по противодействию организованной преступности в условиях гибридной войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1.
3. Клейменов М.П., Клейменов И.М., Кондин А.И. Феномен служебной организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 4 (49).
4. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Детерминация служебной организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 1.
5. Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции. М., 2016.
6. Фурсов А.И. Русский интерес. Издание третье. М., 2019.
7. Тишкин Д.Н. Методологические проблемы исследования организованной преступности как угрозы национальной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 2.
8. Брюхнов А.А. Криминологическая оценка насилия как детерминанты современной преступности // Юрист-Правовед. 2020. № 2.
9. Бартош А.А. Гибридная война – угроза третьей ступени. Россия и Запад остановились на поворотном пункте // Военно-промышленный курьер. 2019. № 27(790).
10. Пономарева Е.Г. Да не будет забыто! Агрессия НАТО против Югославии: причины и последствия // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 6(293).
11. Фурсов А.И. Психоисторическая война, реальная картина мира и новая сетка обществоведческих дисциплин // В сборнике: Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте техноло-

Bibliography

1. The Art of War / Sun Tzu; translation, comp., foreword, comment. V. Malyavin. Moscow, 2020.
2. Kosov G.V., Nefedov S.A., Tishkin D.N. Directions of adjustment of the state policy on combating organized crime in the conditions of hybrid war // State and Municipal Management. Scientific notes. 2021. № 1.
3. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M., Kondin A.I. The phenomenon of service organized crime // Bulletin of Omsk University. Series: Right. 2016. № 4 (49).
4. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M. Determination of service organized crime // Bulletin of Omsk University. Series: Right. 2019. V. 16. № 1.
5. Ovchinsky V.S. Mafia: new global trends. Moscow, 2016.
6. Fursov A.I. Russian interest. Third edition. Moscow, 2019.
7. Tishkin D.N. Methodological problems of the study of organized crime as a threat to national security // Economic and humanitarian studies of the regions. 2016. № 2.
8. Bryukhnov A.A. Criminological assessment of violence as a determinant of modern crime // Jurist-Pravoved. 2020. № 2.
9. Bartosh A.A. Hybrid warfare is a third-level threat. Russia and the West stopped at a turning point // Military-industrial courier. 2019. Issue № 27 (790).
10. Ponomareva E.G. May it not be forgotten! NATO aggression against Yugoslavia: causes and consequences // Observer scientific-analytical journal. 2014. № 6(293).
11. Fursov A.I. Psychohistorical war, a real picture of the world and a new grid of social science disciplines // In the collection: Higher education for the XXI century: the role of humanitarian education in the context of technological and socio-cultural changes XV International Scientific Conference. Reports and materials. In 2 parts. Under the general editorship of I.M. Ilyinsky. 2019.

гических и социокультурных изменений XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2-х частях. Под общей редакцией И.М. Ильинского. 2019.

12. Тишкин Д.Н. Политические аспекты борьбы с проникновением организованного криминалитета во властные структуры различных уровней как необходимый элемент парирования угроз «гибридной войны» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2.

13. Мирошников Б.Н. Сетевой фактор. Интернет и общество. М., 2015.

14. В Совете Федерации прошел «круглый стол» Временной комиссии на тему: «О зарубежных попытках использовать постсоветское пространство (ближнее зарубежье) с целью дестабилизации политической системы России». URL: https://www.youtube.com/watch?v=qfqsbBTH5uw&feature=emb_rel_end.

15. Косов Г.В., Тишкин Д.Н., Солдатов Н.Ф. Организованная преступность как элемент гибридных войн: политологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4.

16. Стенограмма выступления Путина на заседании коллегии ФСБ России 24.02.2021. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-kollegii-fsb-rossii-24-02-2021.html>.

17. Расширенное заседание коллегии МВД России 03.03.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090>.

18. Егоров И. Совбез одобрил проект основ госполитики по международной кибербезопасности // Российская газета. 26.03.2021.

19. Союстов А. Война США против России в киберпространстве открыла для Москвы многомиллиардный рынок // Федеральное агентство новостей. 23.04.2021.

20. Стенограмма Послания Президента Федеральному Собранию 21.04.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>.

21. Тишкин Д.Н., Крицкая А.А. Анализ генезиса угроз, продуцируемых сочетанием организованной преступности, терроризма и «цветных революций» в едином механизме гибридной войны и возможные политико-правовые меры по их нейтрализации // Философия права. 2019. № 4 (91).

12. Tishkin D.N. Political aspects of the fight against the penetration of organized crime into the power structures of various levels as a necessary element of parrying the threats of «hybrid war» // State and Municipal Management. Scientific notes. 2019. № 2.

13. Miroshnikov B.N. Network factor. Internet and society. Moscow, 2015.

14. The Federation Council held a «round table» of the Provisional Commission on the topic: «On foreign attempts to use the post-Soviet space (near abroad) to destabilize the political system of Russia». URL: https://www.youtube.com/watch?v=qfqsbBTH5uw&feature=emb_rel_end.

15. Kosov G.V., Tishkin D.N., Soldatov N.F. Organized crime as an element of hybrid wars: a political analysis // State and Municipal Management. Scientific notes. 2020. № 4.

16. Transcript of Putin's speech at the meeting of the board of the FSB of Russia 24.02.2021. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-kollegii-fsb-rossii-24-02-2021.html>.

17. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia 03.03.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090>.

18. Igor Yegorov The Security Council approved the draft principles of state policy on international cybersecurity // Rossiyskaya Gazeta. 26.03.2021.

19. Soyustov A. The US War against Russia in Cyberspace has opened a multibillion-dollar market for Moscow // Federal news agency. 23.04.2021.

20. Transcript Of the President's Address To The Federal Assembly 21.04.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>.

21. Tishkin D.N., Kritskaya A.A. Analysis of the genesis of threats produced by the combination of organized crime, terrorism and «color revolutions» in a single mechanism of hybrid warfare and possible political and legal measures to neutralize them. 2019. № 4 (91).

Инкижекова Мария Сергеевна
Inkizhekova Maria Sergeevna

профессор кафедры философии и гуманитарных наук Уральского института Государственной противопожарной службы МЧС России доктор философских наук, доцент.

Professor, the Department of Philosophy and Humanities, Ural Institute of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Customary law in the context of social transformations

В статье проводится анализ категории «обычное право» на основе представленных в публикациях последних лет исследовательских материалов. Автор отмечает, что существующие различия как в дисциплинарных, так и в методологических подходах к феномену обычного права, актуализируют проблему конкретизации смыслового содержания термина. Используя имеющиеся примеры разделения понятий «современное» и «традиционное» обычное право, автор констатирует, что посредством введения термина «традиционное (этническое) обычное право» становится возможным критически осмыслить состояние современных правотворческих и правоприменительных практик, затрагивающих этническую идентичность субъектов права.

Ключевые слова: обычай, обычное право, этничность, идентитарный подход, традиционное (этническое) обычное право.

The article analyzes the category of «customary law» on the basis of research materials presented in recent publications. The author notes that the existing differences in both disciplinary and methodological approaches to the phenomenon of customary law, actualize the problem of concretization of the semantic content of the term. Using the available examples of the separation of the concepts of «modern» and «traditional» customary law, the author states that by introducing the term «traditional (ethnic) customary law» it becomes possible to critically comprehend the state of modern law-making and law enforcement practices affecting the ethnic identity of legal subjects.

Keywords: custom, customary law, ethnicity, identity approach, traditional (ethnic) customary law.

Одним из заслуживающих особого внимания объектов историко-правовых исследований, характеризующих динамику трансформаций, происходящих в жизни людей, является обычное право, которое выступает феноменом как традиционного общества, так и общества современного. Этим объясняется высокий интерес ученых к обозначенной теме и наличие достаточно большого количества опубликованных работ, представленных в научных изданиях последних лет, которые условно можно разделить на две группы: к первой группе отнесем работы, авторами которых выступают специалисты юридического профиля, в которых феномен «обычное право» представлен либо в качестве одного из регуляторов гражданско-правовых отношений, например, рассматриваемых в судебных практиках по административным правонарушениям, либо как результат согласования воли государств, пред-

ставленный в форме международных правовых обычаев; ко второй группе можно отнести работы мультидисциплинарного характера, связывающие идеи и концепции из разных областей научного познания (юриспруденции, истории, этнологии, культурологии, социальной психологии и др.), что позволяет ученым социо-гуманитарного профиля выделить такую особенность обычного права как этничность [3, с. 393].

В целом, существующие различия как в дисциплинарных, так и в методологических подходах актуализируют проблему необходимости дальнейшей конкретизации термина «обычное право», что возможно приведет к обновлению терминологического словаря как юридической науки, так и работ историко-этнографического характера. В данной статье мы обратимся к феномену традиционного (этнического) обычного права и проанализируем

идеи, представленные в научных публикациях последних лет.

В связи с тем, что обычное право уже достаточно давно является объектом исследовательских практик, в литературе представлены такие подходы к его изучению, как:

1) юридический, где обычное право представлено как основной исторический источник права позитивного;

2) культурологический, в рамках которого обычное право рассматривается как феномен культуры, включенный в систему жизнедеятельности традиционного социума;

3) этнографический, опирающийся на положения из концепции правового плюрализма, признающих существование наряду с правовыми системами других систем нормативных регуляторов, имеющих свой источник легитимности.

В большинстве современных научных работ, посвященных проблемам историко-этнографического и этнологического характера, обычное право рассматривается как система норм, отражающих своеобразие традиций и обычаев конкретного народа, сложение которых происходило в процессе этногенеза и, соответственно, в процессе адаптации этнической системы к окружающей ее природной среде.

Но так как обычаи (как укоренившиеся в жизненных практиках этносов поведенческие привычки) и по сей день устойчиво сохраняются и воспроизводятся некоторыми этническими общностями и группами, то и действие норм обычного права, несмотря на верховенство позитивного права, остается в некоторой степени достаточно обширным, из-за чего они оказываются под пристальным вниманием ученых, политиков и общественных деятелей.

Рассматривая обычное право как социокультурный феномен, посредством которого становится возможным проследить генезис общественных отношений и их трансформацию в отдельных этнических общностях и группах в разные периоды истории, некоторые ученые с целью уточнения концепта «обычное право» стали использовать понятия «современное обычное право» и «традиционное (этническое) право» [12, с. 113]. Последнее также еще называется «обычно-традиционным правом» [25]. Поддерживая практики разделения терминов и их конкретизации, мы будем ис-

пользовать понятие «традиционное (этническое) обычное право», так как оно, как мы считаем, наиболее емко отражает особенности того явления, о котором пойдет речь в данной статье.

Также следует уточнить, что в современных условиях традиционное (этническое) обычное право не является самостоятельной правовой системой. К нему вообще понятие «правовая система» может быть применима с высокой долей условности: традиционное (этническое) обычное право скорее можно представить в виде несистематизированной совокупности санкционированных государством существующих социальных обычаев. Иными словами, традиционное (этническое) обычное право, оставаясь связанным с системой этнолокальных обычаев – традиционных образцов социального поведения, передаваемых на протяжении веков из поколения в поколение этническим сообществом, – в жизни современных людей все чаще «выражается в действиях, а не в формальных нормах», констатирует Т.В. Шатковская [27, с. 1823].

Вместе с тем в современном обществе сохраняющиеся практики соблюдения норм традиционного (этнического) обычного права объективирует одну из самых сложных проблем – проблему «поиска способов эффективного соотношения действующей правовой системы РФ и норм традиционного права, которые не противоречат в своей основе российской правоприменительной практике и законам Российского государства», замечает М.М. Айбатов [1, с. 40], и с этим мнением трудно не согласиться.

Российское государство на протяжении многих веков является полиэтничным политическим образованием, на территории которого проживают разные этносы – нации, народности, национальные и этнографические группы. А потому поиск наиболее адекватного правового регулирования, не исключающего ценность обычаев и традиций коренных народов нашей страны, остается значимой задачей общества и государства.

Особый интерес вызывают регионы, где этнические традиции проявляют особую «несовместимость с современным правом» [13, с. 28], и такие примеры встречаются, например, у народов Северного Кавказа и коренных малочисленных народов Крайнего Севера. Так

или иначе, сохранившие свою этническую идентичность, а вместе с ней традиции и обычаи своего народа, этнические сообщества и группы должны иметь возможность быть признанными «особыми субъектами конституционно-правовых отношений», считает В.А. Кряжнов [10, с. 6], и данная позиция согласуется как с международной системой права, так и с законодательством Российской Федерации.

Известно, что в процессе формирования патриархального общества аграрного типа, которое также именуется традиционным, люди методом проб и ошибок непроизвольно совершали отбор оптимальных образцов поведения, которые затем, все более «укореняясь» в культуре, закреплялись в их жизненных практиках в форме обычаев и традиций, что позволяло им на должном уровне поддерживать, с одной стороны, личную и социальную идентичность, с другой – практики внутригруппового взаимодействия.

Обычай как общепринятые нормы-действия являлись необходимым инструментом поддержания структурной устойчивости и внутригрупповой сплоченности членов традиционного социума, укрепляя в сознании индивидов «коллективную историческую память», фиксирующую «летошний» опыт как явление особого социального значения. На что, в частности, указывает Н.Н. Кузьмин, отмечая, что «в традиционных обществах, к которым относятся социумы от архаических племен до развитых государств премодерна, коллективная память формировалась в условиях высокой ценности прошлого по сравнению с настоящим, смешения профанного и сакрального, приоритета ценностей над фактами, неразвитости рациональной критики, высоким уровнем воображения. Традиционное сознание стремилось защитить свои ценности, и коллективная память подчинялась этой цели» [11, с. 119].

Немалую роль в этих процессах играли обычаи, которые как «нормы привычных образцов поведения в обществе» [17, с. 52] поддерживали веру в устойчивость существующего миропорядка и необходимость его сохранения людьми. Именно поэтому обычаи в дальнейшем стали ресурсами формирующейся власти для управления традиционным социумом. «Поэтому, – как замечает Б.А. Осипян, – право есть трансформируемый обычай, а не только разум или воля законодателя» [17, с. 53].

Обычай как «форма (способ) консервации прошлого» и «элемент вечного и неизменного “мирового порядка”, которому следовали многие поколения предков» [25], формировали особый менталитет людей, в силу чего непроизвольно воспроизводимый обычай становился социальной привычкой, коллективным автоматизмом, естественной общественной потребностью. Но несмотря на автоматизм исполнения обычно-традиционных предписаний и правил, оставалась значимой контролирующая роль самого общества за исполнением обычаев членами социальной группы. На что, в частности, указывает Р.Н. Шапиев, отмечая, что в традиционном социуме «регулирование исполнения конкретного правила поведения (обычая) обеспечивается обществом в целом, так как именно оно является основным гарантом исполнения данной нормы» [26, с. 80].

Иная ситуация складывается в социуме, когда формируется институт обычного права. Так, например, если принудительная сила обычая объяснялась, как представлено выше, социокультурным контекстом, «где дух предков освещает незыблемый порядок вещей» [12, с. 110], и действием коллективного бессознательного, поддерживающим этнические стереотипы, то обычное право складывается в связи с необходимостью конкретизации санкций за неисполнение тех или иных коллективных норм и, соответственно, появлению органов принуждения, способных вести публично разбор предосудительных деяний с обязательным приведением рациональной аргументации при решении вопроса о соответствующем наказании за совершенное злодеяние. Поэтому, как отмечает А.И. Ковлер, обычное право – это продукт более развитого менталитета, предполагающий плюрализм правовых установок [9, с. 137].

Представленный выше анализ позволяет констатировать, что обычное право было связано с обычаем, но в отличие от системы неформализованных социальных привычек, какими являлись и являются обычаи, оно было также напрямую связано с процессом начального формирования нормативно-правового регулирования общественных отношений. Однако не все ученые-юристы могут поддержать такую точку зрения. Поэтому по данной теме постоянно возникают разногласия и споры, сопровождающиеся сложными рассуждениями,

что отражает дискуссионность данной темы и, соответственно, ее актуальность.

Условно можно выделить несколько узловых пересечений обсуждения представленной темы. Рассмотрим их и обратимся сначала к вопросу о происхождении права и выяснению того, как связано обычное право с системой юридических норм. В связи с такой постановкой вопроса, ряд ученых достаточно часто используют термин «обычное право», усматривая в нем, выражаясь словами известного специалиста по вопросам происхождения права Г.В. Мальцева, «первичную форму права в юридическом смысле» [14, с. 87; 15, с. 49]. Так, например, схожей позиции придерживается Л. Чантурия, в работе которого встречаем такое утверждение: «Многие нормы обычного права стали началом для отдельных законодательных норм. Например, правило заключения договора молчанием между коммерсантами перешло в гражданские кодексы из обычного права» [8, с. 101].

С позиции других ученых, а именно, развивающих принципы юридического плюрализма, обычное право не всегда трансформируется в юридическое право, а может оставаться самостоятельным нормативным явлением, при этом оказывающим влияние на разные уровни правовой системы. Данный аспект представлен в работе В.К. Гарданова, который утверждал, что «при наличии писанных законов обычное право может в той или иной мере быть включенным в состав этих законов или существовать как самостоятельный элемент права наряду с законом» [6, с. 4]. Похожее мнение представлено также в учебнике «Теория государства и права», автором которого является А.Б. Венгеров [5, с. 354–355]. В целом концепции правового плюрализма получили широкое распространение, признавая идею существования двух и более нормативных систем, действующих «в одном и том же социальном поле» [2, с. 116].

Оппоненты представленной выше позиции, среди которых, например, В.Г. Графский, утверждают, что обычное право функционировало исключительно только в до-государственном обществе, а потому оно может быть представлено как система норм и правил, фиксирующая своеобразие социальных отношений исключительно в до-государственном периоде истории [7, с. 39]. В случаях, когда отдельные обычаи оказались санкционированы

государством, следует, как считает М.Н. Марченко, употреблять термин «правовой обычай» [11, с. 1877–1878].

Следующим вопросом, вынесенным на обсуждение, стал вопрос о способах фиксации норм обычного права и возможности регулирования на их основе общественных отношений. Так, например, большинство авторов научных работ утверждают, что обычное право не фиксировалось письменно, нередко существуя в виде пословиц, поговорок, преданий, афоризмов и др. [21, с. 15–17]. Но несмотря на отсутствие фиксированных норм поведения обычное право соблюдалось строго, в связи с императивностью воспроизводства традиций и практик обыкновения при решении конкретных дел. Вместе с тем в историко-этнографических работах можно найти не мало примеров того, как обычное право или его части представлены изложенными на материальных носителях. Так, например, опираясь на опубликованные материалы А.И. Першина и И.Е. Синициной [18; 20], можно заключить, что обычное право также могло иметь своим основанием письменные источники, но в связи с тем, что таких примеров крайне мало, общепризнанной остается мнение о дописьменных формах традиционного обычного права.

В результате анализа представленных в изданиях последних лет научных работ, можно отметить, что несмотря на существование разных подходов и, соответственно, описаний феномена, которое мы обозначаем термином «традиционное (этническое) обычное право», можно указать на такую его значимую функцию для жизнедеятельности этнического социума, как аккумуляция культурного опыта и передача его последующим поколениям [8, с. 123]. Поэтому, рассматривая в таком аспекте традиционное (этническое) обычное право, мы должны его ставить не «в противовес государственному или “централизованному” праву», как справедливо утверждает В.А. Тишков, а принять его как объективно существующий феномен этнокультурной действительности [24, с. 8].

Итак, выделяя этничность как отличительную особенность традиционного обычного права, следует признать в качестве основного постулата современных юридических норм, с целью адекватного правового регулирования разных видов социальных отношений, должен быть принят постулат о «праве

на инаковость» индивидов и групп, что соответствует Основному закону нашей страны – Конституции Российской Федерации.

В целом же, посредством использования концепта «традиционное (этническое) обыч-

ное право» становится возможным критически осмыслить состояние современных правовотворческих и правоприменительных практик, затрагивающих этническую идентичность субъектов права.

Литература

1. Айбатов М.М. Традиционное право народов Северного Кавказа и современного российского законодательства // Закон и право. 2019. № 7.
2. Бабич И.Л. Формирование правового плюрализма в советское и постсоветское время на Северозападном Кавказе // Закон и жизнь. М., 2000.
3. Бухтоярова И.Н. Обычай как источник права // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2007. № 2.
4. Васильев А.М., Васильева Н.А. Правовой обычай как нравственный ориентир обновления в праве // Право и образование. 2013. № 3.
5. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998.
6. Гарданов В.К. Введение. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1956.
7. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М., 2007.
8. Инкижекова М.С. Об обычаях и обычном праве традиционного общества // Философия права. 2019. № 2 (89).
9. Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.
10. Кряжков В.А. Право на родной язык (на примере малочисленных народов Севера) // Российский юридический журнал. 2007. № 1 (53).
11. Кузьмин Н.Н. Особенности коллективной памяти в традиционных обществах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 3 (69). 2017. № 2.
12. Ломакина И.Б. Методологические аспекты обычного права в свете классических и неклассических парадигм // Право и политика. 2004. № 12.
13. Михайленко Н.М. Теория обычного права: современный аспект // Философия права. 2008. № 2.
14. Мальцев Г.В. Происхождение и ранние формы права и государства // Проблема общей

Bibliography

1. Aibatov M.M. Traditional law of the peoples of the North Caucasus and Modern Russian Legislation // Justice and law. 2019. № 7.
2. Babich I.L. Formation of legal pluralism in the Soviet and Post-Soviet times in the North-western Caucasus // Law and Life. Moscow, 2000.
3. Bukhtoyarova I.N. Custom as a source of law // «Black holes» in Russian legislation. 2007. № 2.
4. Vasilyev A.M. Vasilyev N.A. Legal practice as a moral reference point, updates in the law // Law and Education. 2013. № 3.
5. Vengerov A.B. Theory of State and Law. Moscow, 1998.
6. Gardanov V.K. Introduction. Materials on the customary law of the Kabardins. The first half of the XIX century / Comp. V.K. Gardanov. Nalchik, 1956.
7. Grafsky V.G. Universal history of Law and State. Moscow, 2007.
8. Inkizhekova M.S. On customs and customary law of traditional society // Philosophy of Law. 2019. № 2 (89).
9. Kovler A.I. Anthropology of law. Moscow, 2002.
10. Kryazhkov B.A. the Right to native language (for example, indigenous peoples of the North) // Russian law journal. 2007. № 1 (53).
11. Kuzmin N.N. Features of collective memory in traditional societies // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Cultural studies. Vol. 3 (69). 2017. № 2.
12. Lomakina I.B. Methodological aspects of customary law in the light of classical and non-classical paradigms. 2004. № 12.
13. Mikhailenko N.M. The theory of customary law: a modern aspect // Philosophy of Law. 2008. № 2.
14. Maltsev G.V. The origin and early forms of law and state // The problem of the general theory of law and the State: textbook for universities / Ed. by V.S. Nersesyants. Moscow, 1999.

теории права и государства: учебник для вузов / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999.

15. Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики / Под ред. Г.В. Мальцева и Д.Ю. Шапсугова. Ростов н/Д, 1999.

16. Марченко М.Н. Правовой обычай // Российская юридическая энциклопедия. М., 1999.

17. Осипян Б.А. Процессы взаимодействия обычая и права // Современное право. 2006. № 4.

18. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

19. Проблемы общей теории права и государства: учебник / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 2014.

20. Синицина И.Е. В мире обычая. М., 1997.

21. Супотаев М.А. Обычное право в странах Восточной Африки. М., 1984.

22. Тартинская И. Обычай и обыкновение в праве // Право и экономика. 2007. № 1.

23. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1996.

24. Тишков В.А. Антропология права – начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 2000.

25. Традиционная правовая семья. URL: https://studwood.ru/1178432/pravo/traditsionnaya_pravovaya_semya.

26. Шапиев Р.Н. Категориальный анализ понятий «обычай», «обычное право», «правовой обычай» в контекстах теории и практики // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2016. № 6.

27. Шатковская Т.В. Традиционное право в контексте цивилизационного подхода // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9 (46).

15. Maltsev G.V. Essay on the theory of custom and customary law / Edited by G.V. Maltsev and D.Y. Shapsugov. Rostov-on-Don, 1999.

16. Marchenko M.N. Legal Custom // Russian Legal Encyclopedia / [Abova T.E. et al.]; Gl. ed. A.Y. Sukharev. Moscow, 1999.

17. Osipyanyan B.A. Processes of interaction of custom and law // Modern law. 2006. № 4.

18. Pershits A.I. Problems of normative ethnography // Research on general ethnography. Moscow, 1979.

19. Problems of the general theory of law and the state: textbook / Under the general editorship of V.S. Nersesyants. Moscow, 2014.

20. Sinitsina I.E. In the world of custom. Moscow, 1997.

21. Supotaev M.A. Customary law in the countries of East Africa. Moscow, 1984.

22. Tartinskaya I. Custom and Custom in law // Law and Economics. 2007. № 1.

23. Theory of State and Law. Course of lectures. Moscow, 1996.

24. Tishkov V.A. Anthropology of law the beginning and evolution of the discipline. Law and Life. Moscow, 2000.

25. Traditional legal family. URL: https://studwood.ru/1178432/pravo/traditsionnaya_pravovaya_semya.

26. Shapieyev R.N. Categorical analysis of the concepts of «custom», «customary law», «legal custom» in the contexts of theory and practice // «Black holes» in Russian legislation. 2016. № 6.

27. Shatkovskaya T.V. Traditional law in the context of a civilizational approach // Actual problems of Russian law. 2014. № 9 (46).

Шинкевич Владимир Ефимович
Shinkevich Vladimir Yefimovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, профессор кафедры социологии Сибирского федерального университета доктор социологических наук, доцент.

Professor, the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor, the Department of Social Sciences, Siberian Federal University, Doctor of Social Sciences, Associate Professor.

E-mail: vlashink@yandex.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОРЫ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ОБЩЕСТВА

Legal awareness and legal culture as factors of assessment of social health of society

В статье анализируется социальная ценность феномена правового сознания и правовой культуры для современного общества. Автор обращает внимание на особенность правосознания как фактора оценки социального здоровья общества, обосновывает влияние уровня правовой культуры на состояние криминогенной обстановки, значимость высокой правовой культуры для сотрудников органов внутренних дел, обозначает некоторые направления формирования правового сознания и правовой культуры в условиях современного российского общества.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовая культура, правосознание, правовой инфантилизм, перерождение правосознания, правовое воспитание, деформация правосознания.

Social value of the phenomenon of legal awareness and legal culture for the modern society is analyzed in the article. The author pays attention to the specific features of the legal awareness as a factor of the assessment of social health of society as well as to the significance of high legal culture for law enforcement officers, explains the impact of social environment on criminal situation and emphasizes some trends in formation of legal awareness and legal culture in the conditions of the modern society.

Keywords: legal nihilism, legal awareness, legal culture, legal infantilism, regeneration of legal awareness, legal education, deformation of legal awareness.

В первой статье Конституции Российской Федерации закреплено: «Российская Федерация – Россия, есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Данный социальный организм может существовать и соответствовать заявленному типу государства только в одном случае, когда каждый его гражданин будет четко осознавать предоставляемые ему права в купе с ответственностью за поддержание и соответствие заявленной декларации. Совокупность индивидуальных сознаний продуцирует общественное сознание как психическое отражение окружающей каждого и одновременно всех объективной политической и социальной реальности. В то же время данная реальность не всегда и не всеми воспринимается и оценивается однозначно с точки зрения личностных пристрастий, мнений, убеждений и осознания последствий. Неслучайно, то

общество активно поддерживает широкие демократические преобразования, то начинает «заигрывать, тиражировать и внедрять» в общественное сознание националистические идеи, то целенаправленно принижает национальное и возвеличивает интернациональные ценности и цели дальнейшего сосуществования. Каковы предпочтения в обществе, во многом дает возможность оценить и уровень его социального здоровья, как некоего социального феномена, всецело вбирающего и учитывающего ценности не только общества в целом, порой отдающего на уровне общественного сознания предпочтения лишь сеюмоментным идеологическим установкам, но и интересов каждого его члена, а также это определенный уровень развития форм, методов, направленности, содержания системы коммуникации между людьми, включенными в систему общественных отношений на основе

существующего и реализуемого права. Особенности внутренней и внешней политики государства отражались не только в системе создаваемого права, но и в правосознании и правовой культуре граждан. Яркий пример тому – неоднократная замена одних общественных ценностей другими в недалеком прошлом нашего государства. Кто-то вспоминает период и восхищается В.И. Лениным, кто-то И. Сталиным, Н. Хрущевым, Л. Брежневым и другими, или осуждает политическое руководство, методы и формы управления обществом. Речь идет о XX веке. Однако, при этом человек скорее признает преимущества демократического режима, чем тоталитарного и особенно в исторической ретроспективе, когда он пытается ответить самому себе на вопрос: В каком обществе он хотел бы жить?

Надо признать, что идеальную модель взаимодействия власти и общественного сознания мировая политическая, правовая и нравственная практики еще не выработали, да в принципе это очень сложно сделать ввиду многогранности и разнообразия по своим природно-территориальным, национальным, историческим составляющим и самим обществ. Следовательно, очень сложно описать идеальное состояние социального здоровья. В этих условиях идеальная модель может быть воспринята при практической ее реализации лишь как желаемая, но скорее всего утопичная. Но близкую к идеальной модели взаимодействия власти с обществом, с носимым им общественным сознанием, можно принять как пример функционирования политически стабильных и демократически развитых государств. В этих государствах активно развивается справедливое позитивное право. Оно закрепляет равенство всех перед законом и обеспечивает развитие социального государства в полном смысле этой политико-правовой конструкции, где не только граждане несут ответственность перед своим государством, но государство несет ответственность за уровень жизнедеятельности своего населения, за его настоящее и будущее. В эти государства стремятся попасть на постоянное или хотя бы временное место жительства те, кто не смог себя реализовать в своем собственном национальном социуме или где этого просо невозможно сделать в силу политических, социальных, этнических или правовых барьеров.

Не исключая элементы манипулятивных технологий во взаимодействии власти и общества, для демократических государств характерно при принятии органами политического управления согласование интересов как различных слоев и групп населения, так и всего общества, для данных социумов характерно развитие внутренней социально значимой коммуникации как необходимого слагаемого социального здоровья.

Это особенность функционирования характерна для любого современного социума, дающего предпочтение цивилизованному направлению своего дальнейшего развития. Поэтому, говоря о необходимости формирования общественного сознания, нужно признать всю сложность и многогранность не только данного социально-психологического и социально-философского феномена и его носителей, но и каждой ее формы, в которой оно проявляется в современном обществе: нравственное, политическое, экономическое, религиозное, историческое, правовое и др. формы сознания. В качестве метода, модели общественного сознания выступают мораль как условная общественно значимая концепция принципов, правил, оценок, норм, базирующихся на принятии концепции оценок зла и добра, которая сформировалась в определенный период времени, и идеология. Ничего социально значимого в обществе не происходит без участия разума, воли, чувств, человеческой души без оценки наблюдаемого события, явления или отдельного факта сознанием человека. Каждая из форм общественного сознания отражает все происходящее под своим углом зрения, с учетом особенностей своего проявления и функционирования в социуме. Системное взаимодействие различных форм общественного сознания позволяет не только воссоздавать более или менее полную картину состояния объективной реальности, но своевременно вырабатывать управленческие решения по стабилизации и дальнейшему развитию гуманитарной сферы общества. Не случайно общественное сознание является объектом изучения ряда общественных наук: философии, политологии, социологии, юриспруденции и других.

Правосознание как самостоятельная форма общественного сознания выражает субъективное отношение людей к противоправному и правомерному поведению, правоприменительной

юридической практике и прежде всего к праву. В то же время правосознание – это «специфическая форма индивидуального, группового и массового сознания...» [1, с. 109]. Оно, интегрированное в систему культуры общества, позволяет давать адекватную оценку праву в исторической ретроспективе, определить его ценность и признание обществом, особенно в формировании и применении в прошлом, настоящем и будущем. Правовое сознание непосредственно связано с интериоризацией, социализацией молодежи, ее интеграцией во взрослую жизнь, где от состояния права как регулятора общественных отношений во многом зависит стабильность, уровень выраженности и направленности общественных эмоций. От уровня правосознания как основы правовой культуры в прямой зависимости находится и уровень преступности. Это связано прежде всего с тем, что криминогенная обстановка во многом формируется «эффективностью и качеством культуры противодействия преступности, обеспечивающей минимизацию действия криминогенных факторов и организацию превентивного устранения последствий преступности» [2, с. 9].

Правосознание как и общественное сознание многогранно и представляет исследовательский интерес не только для юристов [3; 4; 5], но и для философов [6], социологов [7], политологов [8]. Принимая во внимание то, что правосознание – это форма общественного сознания, следовательно, ему присущи как свойства (активность, целостность, избирательный характер, константность, индивидуальный характер, динамичность, способность к рефлексии и др.), так и черты (интенциональность, мотивационность, включенность в качестве необходимого элемента в социальные структуры и др.), характерные сознанию вообще. Вместе с тем правосознание в системе общественного сознания, элементом которого оно является, имеет свой самостоятельный объект отражения и исследования – право, и предмет – связанные с ним явления: правопорядок, законность, юридическая практика, правомерное и противоправное поведение и т.д.

Давая оценку особенностей проявления и функционирования правосознания, необходимо отметить следующие состояния, в которых оно может протекать: рациональное, рефлексивное, наивное, обыденное, мистическое,

патологическое (от простого помрачения до полного выключения). В этом ключе можно говорить о социальном здоровье общества. Готово оно поддержать и оценить реформы, какие-то общественно значимые нововведения, ощутить удовлетворение теми общественными процессами, которые сопутствуют процессам изменения социума, или настроено в большинстве своем критически, в том числе и агрессивно, ко всему, что исходит от власти, от системы правового регулирования процессов, протекающих в различных сферах общества.

В любом случае правосознание лежит в основе формируемой правовой культуры как отдельного гражданина, так и общества в целом, является активным актором профилактики преступности в социуме, формирования правопослушного общества. По мнению некоторых исследователей, изучающих феномен правосознания и правовой культуры, в обществе уровень криминальности социальной среды находится в прямой зависимости от уровня правового сознания граждан, а «деформация правового сознания выступает в качестве дестабилизирующих факторов, которые в конечном счете ведут к гибели социума и могут привести к уничтожению государства изнутри» [9, с. 88]. Правовое сознание способствует тому, что право из вынужденной необходимости преобразуется в осознанную необходимость, а продуктом творческой реализации правосознания является система позитивного права, реализующая свои потенции в социуме и его основном социальном институте – государстве. Ведь соблюдать нормы права, а равно и нравственные нормы как вынужденную необходимость гораздо более неустойчивая социальная перспектива, нежели осуществлять это осознанно как следствие результативной правовой социализации человека как в социуме в целом, так и в отдельном его социальном институте в частности.

Правосознание, проявляющееся в оценке правовой реальности, способно формировать и формирует правовые чувства как некий комплекс душевных переживаний отдельных людей, групп, общества в целом по поводу принятия, использования и реализации нормативных правовых документов, оценки их общественно значимой ценности, правовой и нравственной оценки фактов противоправного поведения. Правосознание формирует отношение

самих сотрудников органов внутренних дел не только к исполнению своих профессиональных обязанностей, но и к выбору форм, методов их реализации.

Как следствие, в процессе правоохранительной службы в равных условиях и при относительно идентичных ситуациях, различные сотрудники в условиях морального выбора могут поступать по-разному.

С эмоционально-чувственного восприятия начинается осознание правовой реальности, в дальнейшем проявляющееся в конкретной форме принятия решения и деятельности. Одни сотрудники, ориентируясь прежде всего на требования норм права и правовые ценности, исходят в первую очередь из требований законов и приказов. Прежде всего осознанно поддерживая суждение о том, что законно, то и однозначно нравственно. Другие сотрудники, для которых высшими ценностями являются нормы морали и нравственности при принятии решения относительно оценки правонарушения, как впрочем и любого другого поступка, в том числе гипотетически общественно одобряемого, будет ориентироваться на соблюдение принципов справедливости и гуманизма, на свои нравственные убеждения. Третьи ориентируются на корпоративные ценности, отдают при принятии решения предпочтение служебной целесообразности, они верны профессиональному долгу, являются государственниками по внутренней сути. Четвертые видят прежде всего необходимость любыми средствами достичь цель, они сторонники делать то, что принесет выгоду. Они во всем и всегда ищут целесообразность, не являются сторонниками принятия спонтанных решений ни в чем и никогда. Пятые отличаются исполнительностью, ориентируются на указания руководства, как правило, не оценивают уровень законности данных указаний, непосредственно стараются не участвовать в выработке управленческих решений, а в случае необходимости принятия таковых, ссылаются на указания «сверху» (необходимостью отчетности перед вышестоящими инстанциями, контролем выполнения поставленной задачи начальниками и т.п.)

Осознавая ценность феномена правосознания для дальнейшего развития современного общества, исповедующего приверженность идеям демократии, гражданственности, свобо-

ды и ответственности за судьбу своего отечества, а также как фактора социального здоровья общества необходимо следующее. Во-первых, совершенствование имеющихся и изыскание новых форм и методов повышения правовой культуры как информационно-правовой потребностей государственных и общественных структур, отдельных граждан для выстраивания правовой коммуникации в обществе между всеми его субъектами, выделяемыми по различным структурным основаниям: институциональным, стратификационным, социально-классовым и пр. на основе эффективной организации и использования информационных правовых ресурсов. Во-вторых, правосознание должно способствовать активизации процесса реализации ценностей правовой культуры, базирующейся прежде всего на духовных ценностях, что будет способствовать как эффективному противодействию использованию любых неоправданных форм насилия для обеспечения правопорядка в обществе, так и формирование у граждан и руководителей всех уровней власти уважительного отношения к праву как социальному феномену. В-третьих, для повышения уровня правового сознания и как следствие правовой культуры общества необходимо развивать и совершенствовать систему правового образования населения, повышения правовой грамотности, уважительного отношения к каждому человеку и обществу в целом. Уважительное отношение к праву должно формироваться с детства и первый пример соблюдения норма права должен исходить прежде всего от родителей, ближайшего социального окружения. В-четвертых, учитывая то, что практика реализации различных норм права постоянно совершенствуется, адаптируется к конкретным потребностям практики и с учетом накопленного опыта, необходимо создание тщательно продуманной и эффективной системы различных форм правового образования, способной повысить уровень правосознания граждан. В-пятых, для исключения диссонанса правового сознания граждан в целом и представителей правоохранительных органов для профилактики и предупреждения дисгармонии и конфликта по поводу реализации профессиональных и общегражданских прав в социуме целесообразно прилагать усилия не только к формированию правосознания граждан, но и поднять уровень как

профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, так и их специальной гуманитарной подготовки. Важнейшей воспитательной задачей в образовательном процессе является привитие навыков оптимального сочетания своих прав и прав, предоставленных государством в контексте ис-

полнения профессиональных задач, с правами и обязанностями других лиц, на которых направлена правоохранительная деятельность. Ведь качество профессиональной деятельности полицейского также является отражением социального здоровья общества.

Литература

1. Карнаушенко Л.В. Государство и право в ценностном измерении: проблемы изучения правового сознания курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // Общество и право. 2019. № 4.
2. Симоненко А.В. Перспективы развития культуры противодействия преступности // Общество и право. 2019. № 3.
3. Антонова Ж.Д. Правовое сознание в механизме защиты прав и свобод граждан (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2015.
4. Максимова, И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
5. Сафронов В.В. Правосознание гражданина: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
6. Науменкова К.В. Российское правосознание: специфика, структура, динамика: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2013.
7. Руденко К.И. Социологическое исследование деформаций правосознания российской молодежи в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в.: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2015.
8. Славина М.В. Общественное сознание как объект воздействия средств массовой информации: дис. ... канд. политол. наук. М., 2007.
9. Телегина Е.Г. Правосознание и правовая культура как инструмент противодействия преступности // Алтайский юридический вестник. 2019. № 4.

Bibliography

1. Karnaushenko L.V. The state and the law in the value dimension: issues of legal awareness of cadets' and trainees' at educational institutions of the MIA of Russia // Society and Law. 2019. № 4.
2. Simonenko A.V. Prospects for the development of culture of combating crime // Society and Law. 2019. № 3.
3. Antonova Zh. D. Legal awareness in the mechanism of protection of citizens' rights and liberties: diss. ... PhD in Law. Kursk, 2015.
4. Maksimova I.M. Legal awareness as a source of person's legal behavior: abstract of the dis. ... PhD in Law. Nizhny Novgorod. 2005.
5. Safronov V.V. Citizen's legal awareness: dis. ... PhD in Law. Krasnoyarsk, 2004.
6. Naumenkova K.V. Russian legal awareness: specific character, structure, dynamics: dis. ... PhD in Philosophy. Krasnoyarsk, 2013.
7. Rudenko K.I. Sociological study of deformation of Russian youth's legal awareness in a situation of sociocommunicative transformation in the early XXI century: dis. ... PhD in Sociology. Krasnodar, 2015.
8. Slavina M.V. Social awareness as an object of influence of mass media: dis. ... PhD in Politicalology. Moscow, 2007.
9. Telegina Ye.G. Legal awareness and legal culture as instruments of counteraction to crime // Altai Law Journal. 2019. № 4.

Беседа Ирина Ивановна
Beseda Irina Ivanovna

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.

adjunct, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: irinabeseda77@gmail.com

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

To improve legal culture of employees of Internal Affairs bodies: theoretical and legal aspect

В статье рассматривается правовая культура сотрудников органов внутренних дел как особая разновидность правовой культуры государственных служащих и работников правоохранительной сферы. Данная работа показывает, каким образом детерминирована правовая культура сотрудника полиции, и какие пути следует выбирать для повышения ее уровня. Также исследуются проблемы, возникающие на пути ее формирования и повышения ее уровня, предлагаются пути их преодоления. Проведенный анализ раскрывает специфику правовой культуры сотрудников органов внутренних дел и показывает особенности ее формирования и функционирования.

Ключевые слова: правовая культура сотрудников органов внутренних дел, пути повышения правовой культуры, препятствия на пути повышения правовой культуры.

The article considers legal culture of employees of the internal affairs bodies as a special kind of legal culture of government employees and law enforcement officers. This work shows how the legal culture of a police officer is determined and what ways should be chosen to improve its level. The problems that arise in the way of its formation and improvement of its level are also investigated, and ways to overcome them are proposed. The analysis reveals the specifics of the legal culture of employees of the internal affairs bodies and shows the features of its formation and functioning.

Keywords: legal culture of employees of internal affairs bodies, ways to improve legal culture, obstacles to improving legal culture.

Исследования правовой культуры носят многочисленный характер. В этом предметном поле себя находят не только юристы и философы права, но и социологи, культурологи, политологи и представители других направлений гуманитарного знания. Обилие трудов по данной проблематике отнюдь не свидетельствует о ее полной научной разработанности. Здесь уместно вспомнить о парадоксе Менона, когда новое знание порождает новое неисследованное поле [2, с. 53]. Поэтому невозможно исчерпать актуальность этой темы, что свидетельствует о ее значимости для человеческого сообщества и роли в правоведении.

Если обобщить ту часть мнений о правовой культуре, которая носит когнитивно общепризнанный характер, то ее можно представить как уровень правовых знаний и сложившееся на его основе объективное отношение к праву и юриспруденции, а также совокуп-

ность норм, принципов, убеждений и установок, складывающихся в процессе функционирования юридической сферы. Сам же исследуемый феномен носит многосоставной характер, и по свидетельству профессора В.Н. Гуляхина: «К основным компонентам правовой культуры как духовной и материальной системы можно отнести правосознание, правовую деятельность, юридическую технику и субъектов права. Каждый из данных компонентов, в свою очередь, имеет собственный состав и структуру» [4, с. 137].

Правовая культура сотрудника органов внутренних дел обладает рядом особенностей, выделяющих ее не только среди юристов-профессионалов, но и среди сотрудников правоохранительных органов. Ее содержание в первую очередь ориентированно на борьбу с общественно опасными деяниями, что откладывает отпечаток на восприятии правовой

реальности. В то время как другие правоохранительные органы выполняют сходные, но качественно иные функции, например, надзор за законностью. Но характерны проблемы, на которые указывают исследователи правовой культуры представителей других правоохранительных органов. Так, К.Е. Мамаев среди проблем повышения уровня правовой культуры сотрудников прокуратуры, указывает на: «Отсутствие умения обращаться с людьми на основе уважения; низкий уровень культуры в целом; недостаточный уровень гражданской ответственности и патриотического самосознания; низкий уровень профессиональной квалификации; наличие у представителей правоохранительных органов негативного правосознания, основанного на недоверии, сомнении в порядочности и честности людей, так называемая презумпция виновности; существование явных или скрытых искажений смысла закона, что ведет к формированию в обществе негативно-го отношения к юристам, закону и даже к конституции» [5, с. 239]. Очевидно, что все это в полной мере относится и к проблеме повышения правовой культуры сотрудников органов внутренних дел. Поэтому будут иметь научную значимость междисциплинарные исследования по данной проблематике.

Тем не менее, следует отметить, что конституционно-правовые принципы, определяющие общий знаменатель правовой системы России, во главу угла ставят права и свободы человека и гражданина. Данное обстоятельство обуславливает тот факт, что современное понимание правоохранительной деятельности носит, прежде всего, антропологическое измерение. Обществом работа правоохранителя воспринимается как часть системы действия органов государственной власти, направленных на защиту прав человека. В настоящее время развитие отечественной правовой культуры, вслед за всеми передовыми странами, пошло по пути приоритета прав человека, что не может не накладывать свой отпечаток на развитие правовой культуры сотрудника органов внутренних дел, формируемой в контексте данного международного и конституционно-правового принципа.

Повышение уровня правовой культуры осуществляется в рамках основополагающих начал и принципов функционирования правовой системы государства, разумеется, здесь важную

роль играет идеологический элемент, отвечающий за формулирование целей развития государства и общества. В данном контексте право выступает неким условием и одновременно способом реализации этих целей, которые через алгоритмы поведения детерминируют социальную реальность [4, с. 36]. В частности, одной из основных целей развития государственности современной России является построение правового государства. Может показаться, что эта цель достаточно аморфна, но в контексте параметров правовой культуры это вполне конкретная задача, предполагающая достижения такого ее уровня, который обеспечит необходимое понимание и реализацию идей, принципов, требований закона. В соответствии с конституционно-правовыми предписаниями это должно выражаться в неукоснительной защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Собственно, вот эта задача является основной в сфере деятельности сотрудника полиции. Поэтому, реализуя свои служебные функции, он должен понимать, что постоянно находится в контексте данного конституционного предписания, и осуществлять повышение своей правовой культуры таким образом, чтобы более эффективно реализовывать правоохранительную деятельность. То есть теоретико-правовые исследования правовой культуры способны быть источником рекомендаций по повышению эффективности реализации правоохранительной функции, а, следовательно, имеют практическую значимость.

Анализ значения основ и принципов правовой системы раскрывает не только сущность права, но и позволяет осмыслить критерии разумности и справедливости. Правовая культура открывает возможность определить границы и объем правового регулирования, улучшить качество юридически значимого поведения членов социума. Очевидно, что важную роль в данном процессе играет деятельность сотрудников полиции по защите общественного порядка. Потому что она выступает залогом эффективного функционирования всех сфер жизни государства и общества. Сам общественный порядок выступает отражением уровня правовой культуры общества. И исходя из его качества и особенностей формирования, нужно не только анализировать динамику данных процессов, но и планировать и прогнозировать их развитие [4, с. 39].

Правовое поведение сотрудников органов внутренних дел должно отражать понимание и осознание ими того факта, что законность выступает ключевым принципом профессиональной деятельности. Их правовое мышление должно функционировать в таком режиме, который позволит им своими действиями приносить пользу обществу и государству, обеспечивать максимальную защиту национальных интересов. Поэтому процесс правового воспитания сотрудников органов внутренних дел нацелен на то, чтобы сформировать необходимый уровень правовой грамотности и профессиональной зрелости.

Нельзя не отметить, что высокий уровень правовой культуры сотрудников органов внутренних дел не может находиться в правовом вакууме. Он обязательно коррелирует с уровнем правовой культуры всех членов социума. Правовое поведение людей должно отражать осознание ими важности соблюдения правопорядка как неотъемлемого условия организации жизни общества, которое позволяет сделать ее безопасной и комфортной. Также все субъекты правоотношений должны адекватно оценивать свое поведение и нести ответственность за правовые поступки. Зачастую юридическая сфера воспринимается субъектами правоотношений всего лишь как набор социально-правовых инструментов, но все участники праворегулятивных процессов должны отдавать себе отчет в том, что существование общества невозможно без таких, зачастую экзистенциальных аспектов, как добро, справедливость, человеколюбие.

Важной задачей на пути повышения правовой культуры является преодоление правового нигилизма, правового эгоизма и правовой пассивности и других проявлений деформации правосознания и коррозии правовой культуры. Но нельзя забывать, что в борьбе за высшие правовые ценности нельзя переходить установленные законом рамки, заменяя законность целесообразностью. Потому что в итоге это приведет к произволу и кризису.

Значимой частью правовой культуры сотрудника органов внутренних дел является элемент духовной сферы, отвечающий за постоянную потребность самосовершенствования и потребность следовать принципам законности и правопорядка. Но на практике реализация этих принципов далека от совершенст-

ва [11]. На аналогичную проблему указывают исследователи правовой культуры представителей других частей правоохранительного механизма [5, с. 239]. В данном контексте важной частью деятельности сотрудника полиции является борьба с правовым нигилизмом. Эта борьба носит двоякий характер, так как искомое явление наблюдается как среди самих членов полиции, так и среди населения. Этой проблеме посвящено значительное количество научных работ теоретиков права, но очевидно, что без преодоления данной проблемы говорить о высоком уровне и качестве правовой культуры весьма проблематично. Ее решение носит комплексный характер и упирается в необходимость повышения правовой культуры всего общества. Ведь сотрудники полиции, хотя функционально обособлены от общества, тем не менее являются его неотъемлемой частью. Важным аспектом решения данной проблемы выступает систематическая профилактика правонарушений. То есть сотрудник полиции должен понимать, что в конкретной системе общественных отношений постоянно возникают риски совершения правонарушений. Он должен адекватно воспринимать свои роль, место и ответственность в системе мер недопущения общественноопасных деяний. Но эффективно осуществлять данного рода деятельность без взаимодействия с обществом невозможно. И те сотрудники полиции, которые осознают данную проблему наиболее конструктивно и готовы к ее преодолению, должны занимать руководящие должности в органах внутренних дел. Поэтому значимым элементом правовой культуры общества является формирование систематического взаимодействия между народом и сотрудниками полиции. Через правовое пространство, путем знания законов и понимания важности взаимодействия, понимание того, что сотрудник органов внутренних дел, в первую очередь, должен защитить права человека, возможно установление взаимовыгодного сотрудничества, целью которого выступает обеспечение законности, защита правового порядка и создание такого общественного порядка, который бы лучшим образом помог использовать имеющиеся ресурсы для обеспечения развития и процветания государства и общества.

Социум на протяжении своего существования создавал определенные ценности. Они

получили юридическое закрепление вместе с появлением в обществе такого регулятора, как право. Сегодня правовая аксиология занимает существенное место в формировании правовой культуры. Она, совместно с правовой идеологией, представляет собой «правовой маяк», определяющий вектор развития правовой системы как совокупности всех правовых средств. Система ценностей выступает матрицей критериев приоритета общественных отношений. Она является неотъемлемой частью жизнедеятельности любого цивилизованного общества. Характерно, что ключевые социальные и правовые ценности совпадают, это позволяет правовой культуре взаимодействовать вместе с общей культурой человека, поэтому деятельность сотрудников полиции невозможна вне социума. Она носит ярко выраженный социальный характер, что в свою очередь замыкается на защите общепризнанных ценностей. Профессор В.Н. Гуляхин указывает, что ценностный подход в понимании правовой культуры является наиболее распространенным [4, с. 138]. Это отражает природу права, которое защищает общественные ценности и само по себе выступает социальной ценностью. Общество на протяжении нескольких тысяч лет использует право как универсальный регулятор, и в ближайшем будущем юриспруденция оставит за собой приоритет в регулировании общественных отношений. Но нельзя не заметить, что влияние на общество технических норм превращается во всеобщий тренд. Вполне справедливым представляется мнение С.Н. Болдырева, указывающего, что: «Ценностная привлекательность права в решающей степени обусловлена совершенством и качеством принимаемых нормативно-правовых, правоприменительных и иных правовых актов, адресованных субъектам права» [1, с. 36]. Не следует забывать и о подзаконных нормативных правовых актах, играющих в деятельности сотрудника органов внутренних дел важнейшую роль. Их знание, верное понимание и восприятие в контексте федерального законодательства и, в особенности, Основного закона Российской Федерации является прямым залогом необходимого качества правовой культуры сотрудника полиции. Одним из принципов права является догматичность, но данный принцип не в полной мере распространяется на правовую культуру. Дело

в том, что последняя является оценочной категорией, поэтому и основным объектом исследования культуры выступает ее уровень и качество. Отсюда вытекает возможность повышения уровня и улучшения ее качества. Характерно, что люди, в зависимости от критериев стратификации, по-разному оценивают уровень, качество и функциональность культуры различных групп общества. Но, к примеру, исследователь Е.И. Махрова считает, что «при этом определение уровня культуры имеет общечивилизованные критерии, и на этой основе создается возможность для формирования основных направлений повышения правовой культуры, в том числе и с помощью закона» [6, с. 215]. На наш взгляд, это достаточно спорный тезис, так как выработать общие цивилизационные критерии правовой культуры пока не удалось, и в ближайшем будущем вряд ли удастся. В частности, существует разница в понимании института прав человека, который призван стать универсальным компонентом общемировой системы права. Здесь возникает целый ряд противоречий между различными странами, относящимися к разным правовым семьям. Как между Россией и Евросоюзом, так и между странами, которые входят в его состав, а также странами, которые формируют единую западную цивилизацию. Можно привести пример, когда в США в разных штатах существует различное законодательство. Есть штаты, в которых разрешено употребление наркотических веществ [9] и соседние штаты, в которых это деяние является правонарушением. Поэтому говорить о создании единообразной универсальной культуры не приходится. Но надо отметить, что фундамент правовой культуры является единым для всего человечества в силу единства общечеловеческих ценностей.

На пути повышения уровня правовой культуры всегда возникает необходимость преодоления юридической аморфности, правового нигилизма и отрицания важности правомерного поведения. Эти проблемы появляются в процессе повышения правовой культуры как всего общества, так и сотрудников органов внутренних дел. К сожалению, далеко не всегда можно отметить высокую степень соблюдения законов и реализацию требований принципа законности, а также стремление постоянно совершенствоваться и актуализировать свои

юридические знания и компетенции. Поэтому не теряет злободневности вопрос о том, как от данных проблем перейти к высокому уровню правовой культуры. Полностью прав С.Н. Болдырев, когда указывает, что «уважение к праву, правовым законам, действующему законодательству расширяет круг членов общества с высоким уровнем правосознания и правовой культуры. На базе этого укрепляется правовой порядок в гражданском обществе, расширяется сфера осуществления осознанных и предсказуемых правомерных акций» [1, с. 37].

Исследователи О.В. Хышиктуев и К.В. Вологодина используют формально юридический метод для оценки возможностей повышения уровня правовой культуры [8, с. 79]. Они анализируют российское законодательство, регулирующее процесс правового образования и правового воспитания, как основной способ формирования правовой культуры. В современных условиях этот метод является значимым как при создании правовой культуры, так и при повышении ее уровня и качества. Поэтому важнейшую роль в становлении правовой культуры сотрудников органов внутренних дел играют вузы МВД России. В них совмещаются процессы правового образования, правового воспитания и становления личности сотрудника правоохранительных органов. Поэтому деятельность данных организаций выступает ключевым элементом эффективного функционирования всей системы правоохранительных органов. При верной работе образовательных организаций МВД России будут сформированы условия, когда «соответствующий уровень правового сознания и правовой культуры предполагает наличие правовой подготовки и системы убеждений, характеризующихся признанием права, пониманием необходимости следовать его предписаниям, владение умениями и навыками реализации права. Полученные в ходе правового просвещения знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем во внутреннюю потребность и привычку соблю-

дать правовой закон, проявлять правовую и политическую активность» [6, с. 89]. Этому должны способствовать меры государственной политики по повышению правовой культуры лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов, прописанные в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [7]. Данный документ выделяет семь позиций, которые должны обеспечить повышение уровня правовой культуры, в том числе сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Следует отметить, что в данном направлении проделана существенная работа. Но особенностью данного процесса выступает необходимость постоянного мониторинга и постоянного процесса не только приобретения и совершенствования знаний в области права, но и возможности их практического применения для выполнения служебных функций, возложенных законом.

Таким образом, проанализировав теоретические проблемы, пути и особенности повышения правовой культуры сотрудников органов внутренних дел, можно сказать о том, что она выступает сегментом общей правовой культуры и является неразрывной частью всей правовой системы общества. Но это обособленный сегмент, который отвечает за реализацию функций правоохранительной деятельности, возложенных на сотрудника органов внутренних дел законом. Поэтому выступают важным элементом в повышении правовой культуры такие аспекты, как правовое образование, правовое воспитание и становления личности сотрудника полиции, которые в дальнейшем становятся фундаментом законного и эффективного выполнения полицейскими своих служебных обязанностей. Следует подчеркнуть, что повышение культуры – это постоянный процесс, являющийся частью процесса социализации, то есть он должен осуществляться на протяжении всей службы сотрудника органов внутренних дел.

Литература

1. Болдырев С.Н. Правовая культура общества и культура юридической техника // Философия права. 2011. № 1 (44).

Bibliography

1. Boldyrev S.N. Legal culture of society and culture of legal technique // Philosophy of law. 2011. № 1 (44).

2. Вольф М.Н. «Менон» и парадокс поиска: интерпретации метода познания // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 3.
3. Гайдидей Ю.М. О необходимости повышения уровня судебно-правовой культуры. В сборнике: Право и политика: теоретические и практические проблемы // Сборник материалов 3-й Международной научно-практической конференции. 2014.
4. Гуляхин В.Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Юридические исследования. 2013. № 4.
5. Мамаев К.Е. Повышение уровня правовой культуры работников прокуратуры как фактор укрепления законности, некоторые теоретические вопросы // Наука и новые технологии. 2009. № 4.
6. Махрова Е.И. Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика // Материалы 3-й Международной научно-практической конференции. Юго-Западный государственный университет; Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева; Харьковский автомобильно-дорожный национальный университет; Сумский государственный университет. 2013.
7. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168).
8. Хышиктеев О.В., Вологодина К.В. Повышение уровня правовой культуры граждан: вопросы теории и практики. В сборнике: Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Сборник статей (материалы Всероссийской научно-практической конференции). 2018.
9. Несколько американских штатов легализовали марихуану. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4559086>.
10. В Кемерове полицейские не приехали на вызов в дом, где убивали девушку. URL: <https://ria.ru/20210221/ubiystvo-1598520578.html?in=t>.
2. Wolf M.N. «Menon» and the search paradox: interpretations of the method of cognition // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2013. Vol. 14. № 3.
3. Gaididei Yu. M. On the need to improve the level of judicial and legal culture. In the collection: Law and Politics: theoretical and practical problems. collection of materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference. 2014.
4. Gulyikhin V.N. Legal culture as an object of scientific research: methodological approaches, structure and evaluation criteria // Legal research. 2013. № 4.
5. Mamaev K.E. Raising the level of legal culture of prosecutors as a factor in strengthening the rule of law, some theoretical issues // Science and new technologies. 2009. № 4.
6. Makhrova E.I. Institutes and mechanisms of innovative development: world experience and Russian practice // Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference. South-Western State University; North-Kazakhstan State University named after M. Kozybayev; Kharkiv Automobile and Road National University; Sumy State University. 2013.
7. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of development of legal literacy and legal awareness of citizens (approved by the President of the Russian Federation on 28.04.2011 № Pr-1168).
8. Khyshiktuev O.V., Vologdina K.V. Raising the level of legal culture of citizens: questions of theory and practice. In the collection: Problems of countering the criminal subculture. Collection of articles (materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference). 2018.
9. Several American states have legalized marijuana. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4559086>.
10. In Kemerovo, the police did not come to the call to the house where the girl was killed. URL: <https://ria.ru/20210221/ubiystvo-1598520578.html?in=t>.

Росинский Сергей Борисович
Rossinskiy Sergey Borisovich

профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина доктор юридических наук, доцент.

Professor, the Criminal Procedure Department, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Doctor of Law, Associate Professor.

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И «НЕВЕРБАЛЬНОГО» СПОСОБОВ ПОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Epistemological problems of differentiation of verbal and «non-verbal» ways of cognition in criminal proceedings

В статье рассматриваются критерии для разграничения лежащих в основе следственных, судебных и иных процессуально-познавательных действий вербального и «невербального» способов познания дознавателем, следователем и судом обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Автор статьи считает, что вербальный способ познания предполагает условно-знаковую форму передачи полезных сведений, а «невербальный» — обуславливается закономерностями чувственного восприятия фрагментов объективной реальности. Одновременно анализируются достоинства и недостатки каждого из указанных способов познания, подлежащие обязательному учету при оценке полученных результатов.

Ключевые слова: вербальный способ познания, доказывание, невербальный способ познания, показания, протокол судебного заседания, протоколы следственных действий, уголовно-процессуальное познание.

The article considers the criteria for distinguishing between the verbal and non-verbal ways of cognition of the circumstances relevant to the criminal case, which are the basis of investigative, judicial and other procedural-cognitive actions of the inquirer, the investigator and the court. The author of the article believes that the verbal way of cognition involves a conditionally symbolic form of transmitting useful information, and the non-verbal one is conditioned by the laws of sensory perception of fragments of objective reality. At the same time, the advantages and disadvantages of each of these methods of cognition are analyzed, which are subject to mandatory consideration when evaluating the results obtained.

Keywords: verbal way of cognition, proving in a criminal case, non-verbal way of cognition, indications, minutes of the court session, minutes of investigative actions, criminal procedure knowledge.

Вопросы методологии следственного и судебного познания как одного из элементов сложного и многогранного процесса доказывания обстоятельств уголовного дела [12, с. 47–72] всегда привлекали и продолжают привлекать внимание ученых-правоведов, побуждая к острой полемике. Ведь оно основано на имеющих природное происхождение и поэтому никоим образом не зависящих от созданной людьми процессуальной формы закономерностях гносеологии. Тем более, что, невзирая на многолетние исследования в области философии, психологии, психофизиологии и других наук, эти закономерности еще полностью не изучены и характеризуются мно-

жеством «белых пятен» [4, с. 40; 6, с. 431, 434]. Одной из наиболее актуальных на сегодняшний день представляется проблема разграничения способов уголовно-процессуального познания, предопределяющих как само существование, так и юридическую форму предусмотренных УПК РФ приемов (следственных, судебных и других процессуальных действий), направленных на восприятие материальных и идеальных следов преступления и позволяющих формировать в сознании субъектов-познавателей (судей, следователей и т.д.) соответствующие мысленные образы.

Так, перцепция (восприятие) идеальных следов предполагает взаимодействие дознава-

теля, следователя, суда не с материальными фрагментами объективной реальности, не с элементами вещной обстановки, а со сведениями, поступающими от подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, экспертов, специалистов либо других лиц, располагающих полезной информацией (например, составителя приобщенного к материалам дела документа и т.п.). К слову, для судебного познания подобный характер приобретают и сведения, доводимые до судьи (присяжных заседателей) и сторон органами дознания и предварительного следствия посредством протоколов произведенных ими следственных действий.

Все эти лица – также субъекты познания, накопившие в своем сознании определенную информацию путем осуществления тех же самых перцептивных механизмов, но имевших место несколько ранее – при непосредственном или опосредованном взаимодействии с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания по уголовному делу. Например, свидетельские показания основываются на оставшихся в прошлом фактах восприятия лицом события преступления, внешности или поведения преступника; экспертное заключение предполагает предварительное восприятие экспертом объектов исследования; письменный документ объективизирует результаты предшествующего восприятия его автором (в частности должностным лицом) каких-либо юридически значимых или иных фактов (о состоянии банковского счета, о проживании человека в определенном месте, о наличии/отсутствии судимости, о наличии заболевания и др.).

Накопление всех этих сведений осуществляется посредством сложнейших гносеологических и психофизиологических процессов, обусловленных высшими психологическими функциями любого разумного человека и во многом остающихся за пределами современного естественно-научного понимания. И, следовательно, формируемые в сознании любых «поставщиков» полезных для уголовного дела сведений мысленные образы уже изначально лишены объективности, а предполагают только некоторую не подлежащую точной оценке степень адекватности по отношению к отраженным в них обстоятельствам.

Нетрудно заметить, что последующая передача указных сведений субъектам уголовно-процессуального познания (следователю, судье и т.д.), наделенных точно такими же высшими

психологическими функциями, лишь усиливает изначально присущий им субъективизм и снижает степень их адекватности по отношению к подлежащим установлению обстоятельствам – возникает как бы «адекватность в квадрате», предполагающая явно производный характер и предопределяющая большую информационную ущербность этих сведений. На данное обстоятельство уже неоднократно обращали внимание ученые, занимающиеся проблемами допроса либо иных процессуальных действий, сопряженных с получением показаний по уголовному делу [9, с. 53; 11, с. 8–9 и др.].

Восприятие дознавателем, следователем, судом идеальных следов преступления предполагает еще одну особенность, состоящую в условно-знаковой форме их передачи. Ведь люди не наделены способностями чтения мыслей, в частности «сканирования» мысленных образов, существующих в сознании других людей. Человеческое общение, подразумевающее транзит информации от одного субъекта к другому, осуществляется посредством специально выработанных условно-знаковых (в том числе, «условно-звуковых», то есть аудио-знаковых) систем. Важнейшей из них является язык – устная и письменная речь, в первую очередь русский язык, а также государственные языки республик, входящих в состав РФ (ч. 1 ст. 18 УПК РФ). Конечно, в следственной и судебной практике нередко возникает потребность в восприятии информации, представленной в виде иных знаковых систем (специальных чертежных и технических символов, языка компьютерного программирования т.д.). Однако сути это не меняет – вне зависимости от характера условных знаков и способа транзита полезных сведений от одного субъекта к другому любые подобные информационные сигналы улавливаются не как наглядные образы, а как интеллектуальные символы. Указанную форму передачи сведений принято называть *вербальной* (от латинского слова «*verbalis*» – «словесный»).

Вместе с тем как в уголовно-процессуальной, так и в криминалистической литературе термин «вербальный» обычно толкуется в узком значении, подразумевающем лишь получение устной информации [10, с. 46]. Такое понимание вербальности явно не охватывает всех методов работы с идеальными следами, всех перцептивных механизмов восприятия мысленных образов, содержащихся в сознании подозреваемых, обвиняемых, потерпевших,

свидетелей, иных лиц, не учитывает всех возможных способов приема-передачи интеллектуальной информации. В этой связи более разумным представляется широкий подход к пониманию вербальности. В частности, А.В. Победкин предлагает подразумевать под вербальной информацией любые сведения, выраженные словами и существующие в любой форме (передаваемые устно, зафиксированные в виде устной речи на аудио- или видеоносителях, а также содержащиеся в форме письменной речи) [9, с. 41]. С указанной позицией солидаризируется еще один современный автор – Н.А. Финогенов [15, с. 5]. Но позиции уважаемых ученых все равно представляются несколько суженными, не охватывающими всех возможных идеальных следов как потенциальных объектов вербального познания, например, планов, графиков, чертежей и тому подобных документов, тоже имеющих как бы «словесную», условно-знаковую форму, но выраженных не посредством русского или иного литературного языка, а с помощью иных знаков и символов.

Таким образом, вербальный способ познания в уголовном судопроизводстве нуждается в наиболее широком толковании. Под ним надлежит понимать систему гносеологических и психофизиологических закономерностей зрительного или слухового восприятия следователем, судом, иными субъектами процессуального познания любых поступающих сведений, выраженных в условно-знаковой форме, содержащих ранее сформированные в сознании подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, иных лиц относительно адекватные мысленные образы различных обстоятельств объективной реальности и предопределяющих формирование ими (субъектами познания) посредством рационального мышления собственных производных мысленных образов, подлежащих дальнейшему использованию для обоснования правоприменительных решений.

Вербальный способ познания характеризуются соотношением зрительной или слуховой перцепции. Причем приоритет одного перед другим зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела, объектов процессуального познания, а также от стадии уголовного судопроизводства. Например, показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля в досудебном производстве, как правило, даются в устной форме и воспринимаются

следователем на слух. Однако любой допрашиваемый также вправе изложить сообщаемые сведения и собственноручно (в форме письменной речи), что предопределяет необходимость их восприятия следователем путем прочтения, соответствующих частей протокола допроса, то есть с использованием органов зрения. Письменная форма подачи полезных сведений присуща и другим видам доказательств: заключениям эксперта и специалиста (ч. 1, 3 ст. 80 УПК РФ), большинству иных документов (ст. 84 УПК РФ), а также протоколам следственных действий (ст. 83 УПК РФ), проведенных другими сотрудниками органов предварительного расследования.

Наиболее интересным представляется соотношение зрительной и слуховой перцепции при использовании вербального способа познания в судебном заседании. С одной стороны, согласно общему условию устности судебного разбирательства каждый исследуемый документ (протокол следственного действия, заключение эксперта или специалиста, письменный документ и т.д.) подлежит обязательному оглашению, что предопределяет их слуховое восприятие как судом, так и всеми присутствующими на заседании лицами. Но с другой стороны, сам судья располагает и еще одной, как бы «альтернативной» возможностью зрительного ознакомления с любым из лежащих у него на столе материалов уголовного дела (в реальной правоприменительной практике личное прочтение судьей уголовного дела, к великому сожалению, из «альтернативного» нередко превращается в основной способ судебного познания).

Независимо от зрительного или слухового восприятия информации, вербальному способу процессуального познания присуща еще одна достаточно важная деталь: результаты подобной перцепции (то есть сами перцепты) имеют весьма слабое сходство с мысленными образами (с идеальными следами), «зашифрованными» в доступную для приема-передачи условно-знаковую форму. Поэтому для создания собственного мысленного образа в сознании субъекта-воспринимателя (следователя, судьи и т.д.) исключительно чувственных приемов человеческого познания явно недостаточно; для «расшифровки» условно-знаковых информационных сигналов требуется более сложный механизм реализации высших психологических функций – рациональное (вербально-

логическое) мышление, предполагающее способность мыслить, опираясь не на сами предметы или их образы, а на замещающие их слова и символы [3, с. 32], и связанное с использованием формально-логических категорий, таких как понятие, суждение, умозаключение. К слову, потребностью в рациональном мышлении характеризуется не только вербальный способ восприятия сведений, закодированных в условно-знаковую форму. Вне всяких сомнений, работа дознавателя, следователя, судьи (присяжных заседателей) с материальными объектами уголовно-процессуального познания тоже предполагает формально-логические операции, связанные с использованием соответствующих понятий, суждений, умозаключений – обратное просто бы противоречило самой природе мыслящей личности. В частности, Р.С. Белкин и Е.М. Лившиц, рассматривая сущность осмотра места происшествия, справедливо обращали внимание на необходимость интерпретации результатов чувственного познания следователем объектов и явлений материального мира посредством последующего рационального мышления [1, с. 44]. Однако все подобные мыслительные механизмы вступают в действие не в момент восприятия полезных сведений, а чуть позднее – во время оперирования накопленной информацией в целях формулирования выводов и обоснования соответствующих правоприменительных решений. Поэтому Р.С. Белкин и Е.М. Лившиц, завершая свою мысль, справедливо указывали, об использовании логического мышления лишь для обработки результатов осмотра места происшествия, направленной на выявление их связей как с самим преступлением, так и с другими собранными по делу фактическими данными. Одновременно ученые писали о наглядно-образном мышлении как о единственном способе накопления информации, лежащем в основе рассматриваемого следственного действия.

Невзирая на некоторую информационную ущербность вербального способа процессуального познания, обусловленную явной производностью и «вторичным» субъективизмом мысленных образов, формируемых в сознании субъектов доказывания, его использование в досудебном производстве имеет одно неоспоримое преимущество. Оно связано с правилами составления протоколов соответствующих процессуальных действий (судебного заседания), как до-

кументов, фиксирующих результаты воспринятых дознавателем следователем, судом вербальных сведений в целях обеспечения возможности их дальнейшего восприятия на последующих этапах уголовно-процессуальной деятельности. Так, например, в протоколах допросов, очных ставок либо иных следственных действий, основанных на вербальном способе процессуального познания, фиксируется не словесная интерпретация производных и обладающих «вторичным» субъективизмом мысленных образов, сформированных в сознании следователя посредством рационального мышления, то есть некоей «расшифровки» сведений, содержащихся в условно-знаковых сигналах. В подобных протоколах отражаются сами вербальные сигналы (слова, технические символы и пр.), исходящие от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, автора письменного документа и т.д. Проще говоря, следователю не нужно вначале «переводить» воспринятые в условно-знаковой форме сведения в собственный мысленный образ, а затем заново «переводить» этот образ обратно в условно-знаковую (словесную) форму для фиксации в протоколе, как бы излагая показания «своими словами» – согласно ч. 2 ст. 190 УПК РФ протоколы должны характеризоваться максимальной степенью дословности соответствующих показаний.

В этой связи нельзя согласиться с учеными, указывающими на как бы многоступенчатый характер сведений, содержащихся в протоколах допросов. В частности, такую позицию еще в 1948 г. выражал В.Я. Лившиц, относивший протоколы допроса к доказательствам «третьей степени» [5, с. 118]. Позднее подобная точка зрения отстаивалась Х.А. Сабировым [13, с. 21]. Эта позиция представляется неверной! Сформированные посредством рационального мышления и обладающие «вторичным» субъективизмом собственные мысленные образы следователя (дознавателя) не находят письменного отражения в материалах уголовного дела. Предметом последующего судебного разбирательства являются не образы, а сами практически дословно зафиксированные показания допрошенных в ходе досудебного производства лиц; некоторые редакционные отступления от дословности показаний допустимы лишь в целях обеспечения приемлемой для юридического процесса языковой стилистики, исключения ненормативной лексики и т.п. Кстати, уголовно-процессуальный

закон содержит достаточно важную гарантию, состоящую в возможности внесения допрашиваемым лицом в текст протокола собственноручных исправлений, корректирующих не совсем точное отражение сообщенных им сведений (ч. 6, 7 ст. 190 УПК РФ). При четком соблюдении данных требований сформированные в сознании проводящего допрос следователя (дознателя) мысленные образы вряд ли могут стать объектом дальнейшего судебного разбирательства, равно как и любого другого дальнейшего исследования. Однако при более вольном изложении в протоколе полученных показаний, при описании воспринимаемых сведений «своими словами» риски искажения сообщаемой подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем информации действительно возрастают. И в этой связи представляется, что законодатель, назвав судебные действия, предусмотренные ст. 276 и 281 УПК РФ, не оглашением протоколов допросов, а оглашением показаний, не учел возможность неосознанного следственного «редактирования» сообщаемых допрашиваемыми лицами сведений в ходе их протоколирования.

Совершенно иным характером обладает восприятие материальных следов преступления или прочих фрагментов объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела. Этот способ накопления полезной информации зиждется на закономерностях чувственно-

го восприятия некоего места и (или) неких предметов, документов, иных элементов вещной обстановки, имеющих физические, химические и другие материальные свойства.

Работа с подобными объектами также предполагает сложнейшие гносеологические и психофизиологические процессы, обусловленные высшими психологическими функциями человека, но проистекающие в несколько ином русле. Посылаемые этими объектами информационные сигналы не детерминированы мысленными образами обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и других лиц; они возникают вследствие законов существования и развития материи, то есть либо создаются самой природой, либо обуславливаются действиями (бездействием) людей, животных, различных технических устройств и т.д. Материальным объектам процессуального познания присущи по крайней мере две важные особенности, выгодно отличающие их от следов, запечатленных в человеческой памяти.

1. Они предполагают изначально объективный характер – воспринимаются субъектами познания в «натуральном» виде, в первую очередь, зрительно, но иногда и посредством иных чувств: слуха (например, при восприятии громкого звука), обоняния (например, при восприятии резкого запахом горения на месте пожара) и т.д. Это значительно повышает сохранность познаваемых сведений, то есть

Рис. 1. Вербальный способ познания в уголовном судопроизводстве

существенно снижает уровень «шумов» и «помех», соответствующей информации.

2. Они усваиваются путем наглядно-образного мышления, то есть не требуют условно-знакового «шифрования» посылаемых информационных сигналов и их дальнейшего рационального «расшифрования» следователем (судом). При формировании мысленных образов не задействованы интеллектуальные функции приема-передачи информационных сигналов. Иными словами, данный способ познания зиждется не вербальных сообщениях, а на принципиально иных сигналах, предполагающих четкие физические, химические или иные материальные свойства.

Указанные особенности определяют более простые механизмы преобразования полезных сведений в мысленные образы, и гораздо более высокую степень адекватности этих мысленных образов по отношению к подлежащим установлению по уголовному делу обстоятельствам. По крайней мере, ввиду некоей «естественности», наглядности воспринимаемой информации процесс ее доведения до субъектов процессуального познания не предполагает изначальной производности, а соответствующие познавательные результаты не характеризуются «адекватностью в квадрате».

Кстати, из-за множества «белых пятен» в естественно-научном понимании высших психологических функций человека причины, обуславливающие различия вербального и наглядно-образного способов познания пока доподлинно неизвестны. Вместе с тем само существование этих различий на сегодняшний день, наверное, уже ни у кого не вызывает сомнений, подтверждается многолетними наблюдениями и находит отражение в знаменитой поговорке: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!». Так, известный французский философ XX в. М. Мерло-Понти писал, что слепой мальчик великолепно определяет параметры зрительного восприятия, прекрасно знает, что такое ветви, листья, руки, пальцы и т.д., однако после операции по восстановлению зрения он видит мир отличным от того, который ожидал увидеть [7, с. 288–289].

Чувственное восприятие полезных сведений нельзя расценивать как абсолютно приоритетный способ процессуального познания; ему присущи и некоторые недостатки. Например, он малоэффективен для установления «нематериальных» обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (наличия формы вины, мотивов совершения преступления и т.д.); его позна-

вательный потенциал весьма ограничен и в части познания многих обстоятельств прошлого, не оставивших после себя пригодных для изучения материальных следов (этот изъян особо заметен на общем фоне преимущественной ретроспективности уголовно-процессуального доказывания). К слову, тот же М. Мерло-Понти совершенно справедливо говорил, что звуковое кино, в отличие от него, не только добавляет зрелищу звуковой аккомпанемент, но и изменяет содержание самого зрелища [7, с. 301].

Существует и еще один недостаток чувственной перцепции фрагментов объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела – невозможность их протокольной фиксации в «натуральном» виде для последующего обозрения другими субъектами-познавателями. Протокол предполагает письменную форму изложения. Поэтому в нем могут быть отражены не сами материальные следы преступления и другие объекты, а всего лишь условно-знаковые описания их мысленных образов, сформированных в сознании автора.

В этой связи относительная адекватность протоколов осмотров, освидетельствований, обысков и тому подобных процессуальных действий заметно уступает адекватности протоколов допросов или очных ставок, предполагающих практически дословную фиксацию соответствующих показаний. Вряд ли можно согласиться с Х.А. Сабировым, полагающим, что подобные протоколы содержат меньшее по сравнению с показаниями число посредствующих звеньев между познаваемым фактом и судом. Автор явно ошибался, расценивая протоколирование осмотра места происшествия как фиксацию полезных сведений «в первоизданном виде», не требующую «второго акта» передачи информации [13, с. 21]. Ввиду всего вышеизложенного правильным видится именно двухэтапный процесс отражения материальных фрагментов объективной реальности, подлежащих чувственному восприятию: первый этап – их наглядно-образное отражение в сознании следователя, завершающееся формированием мысленных образов; второй этап – отражение данных образов в протоколе, «перевода» в условно-знаковую форму.

Конечно указанный изъян отчасти преодолевается путем активного использования дополнительных средств фиксации хода и результатов следственных действий (фотосъемки, видеозаписи и т.д.). Но потенциал таких средств не безграничен и далеко не всегда позволяет обеспечить подлинно объективную

передачу воспринятых сведений для будущих субъектов-познавателей.

Данный способ уголовно-процессуально-го познания разумно было бы назвать невербальным. Вместе с тем подобный термин не может претендовать на безусловную научную новизну или оригинальность. Более того, его употребление в контексте, придаваемом замыслом настоящей статьи, невольно упирается в проблему множественности его толкований – в настоящее время он достаточно часто встречается в публикациях по уголовному процессу и криминалистике, подразумевая весьма различные значения. Например, Н.С. Полевой называл невербальными любые сведения, передаваемые не посредством устной речи: буквенно-знаковые, цифровые, графические, иконические, магнитные записи и т.п. [10, с. 47]. В криминалистике и юридической психологии также распространена позиция, отождествляющая невербальность исключительно с восприятием неречевых познавательных сигналов, исходящих от допрашиваемых лиц, то есть их мимики, жестов и т.п. [2, с. 358; 8, с. 227]. В.В. Семенов толкует невербальную информацию как сведения личностного характера о социальных, психологических, физиологических и иных свойствах и состояниях лиц, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования преступлений, получаемые посредством исследования используемых ими биологически и социально обусловленных неязыковых средств общения [14, с. 27].

Тогда как в контексте настоящей статьи термину «невербальный» придается наиболее

широкое значение, увязывающее его содержание с любыми познавательными приемами, направленными на установление обстоятельств уголовного дела, сопряженными с формированием в сознании дознавателя, следователя, судьи (присяжных заседателей) мысленных образов материальных объектов, основанных на чувственном восприятии и подразумевающими оперирование зрительными и любыми другими сведениями, не выраженными в вербальной (условно-знаковой) форме. С учетом многообразия толкований термина «невербальный» в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе его использование в значении, predetermined содержанием настоящей статьи (как и других работ автора) предполагает некую условность. Поэтому автор преднамеренно берет данный термин в кавычки.

Итак, под «невербальным» способом познания в уголовном судопроизводстве должно понимать систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (зрительного или посредством иных органов чувств) восприятия следователем, судом (иными субъектами процессуального познания) материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся посредством наглядно-образного мышления в соответствующие мысленные образы, подлежащие условно-знаковой фиксации в соответствующем протоколе и дальнейшему использованию для обоснования правоприменительных решений.

Рис. 2. «Невербальный» способ познания в уголовном судопроизводстве

Механизмы вербального и «невербального» познания – это принципиально разные способы установления дознавателем, следователем, судом обстоятельств уголовного дела, отличающиеся друг от друга не только характером поступающей информации, но и особенностями ее восприятия и осмысления. И в этой связи все предусмотренных УПК РФ приемы (следственные, судебные и иные процессуальные действия), направленные на восприятие материальных и идеальных следов преступления, можно

разделить на три группы: а) *вербальные* (например, следственный либо судебный допрос, очная ставка и др.); б) *«невербальные»* (например, следованный либо судебный осмотр, освидетельствование, обыск и др.); в) *смешанные*, характеризующиеся сочетанием вербальных и «невербальных» механизмов восприятия идеальных следов и материальных фрагментов объективной реальности (предъявление для опознания и проверка показаний на месте).

Литература

1. Белкин Р.С., Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. М., 1997.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология. М., 1991.
3. Визель Т.Г. Основы нейропсихологии. М., 2013.
4. Восприятие и действие / Под ред. А.В. Запорожца. М., 1967.
5. Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М.-Л., 1949.
6. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2001.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
8. Насонов С.А., Образцов В.А., Рзаев Т.Ю. Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам // Труды Московской государственной юридической академии. М., 1997. № 2.
9. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
10. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика: учебное пособие. М., 1982.
11. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе. Минск, 1973.
12. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021.
13. Сабиров Х.А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
14. Семенов В.В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
15. Финогонов Н.А. Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

Bibliography

1. Belkin R.S., Livshits E.M. Tactics of investigative actions. Moscow, 1997.
2. Vasiliev V. L. Legal psychology. Moscow, 1991.
3. Wiesel T.G. Fundamentals of neuropsychology. Moscow, 2013.
4. Perception and action / Ed. by A.V. Zaporozhets. Moscow, 1967.
5. Livshits V. Ya. The principle of immediacy in the Soviet criminal process. Moscow-Leningrad, 1949.
6. Maklakov A.G. General psychology. Saint-Petersburg, 2001.
7. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception. Saint-Petersburg, 1999.
8. Nasonov S. A., Obratsov V. A., Rzaev T. Yu. Forensic observation as a method of collecting orienting information on corner cases. Proceedings of the Moscow State Law Academy. Moscow, 1997. № 2.
9. Pobedkin A.V. Theory and methodology of the use of verbal information in criminal procedure evidence: dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2005.
10. Polevoy N.S. Forensic cybernetics: a textbook. Moscow, 1982.
11. Porubov N. I. Interrogation in the Soviet criminal trial. Minsk, 1973.
12. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. Moscow, 2021.
13. Sabirov H.A. Protocols of investigative and judicial actions as a type of evidence in the Russian criminal process: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2000.
14. Semenov V.V. Procedural and criminalistic problems of using non-verbal information at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2003.
15. Finogenov N. A. Fixation of verbal information: procedural and criminalistic aspects: abstract of the dis. ... PhD in Law. Saratov, 2010.

Кобец Петр Николаевич
Kobets Peter Nikolaevich

главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России доктор юридических наук, профессор.
Chief Researcher, the Center for Organizational Support of Scientific Activities, All-Russian Scientific Research
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.
E-mail: pkobets37@rambler.ru

Билык Владимир Иванович
Bilyk Vladimir Ivanovich

заместитель начальника центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
Deputy Head, the Center for Organizational Support of Scientific Activities, All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ МВД РОССИИ – ВАЖНЕЙШАЯ
ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**Improvement of the state social policy in the ministry of Internal Affairs
of Russia is the most important component of the fight against crime**

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, являясь социальным государством, наша страна продолжает реализовывать политику, способствующую созданию условий по обеспечению достойной жизни и свободного развития своих граждан. Поэтому сегодня динамично развиваются процессы, связанные с формированием и совершенствованием российского гражданского общества. В том числе указанным процессам в немалой степени способствует активное участие МВД России в выполнении своих обязанностей по реализации защиты прав и интересов субъектов гражданских правоотношений. В то же время эффективная деятельность сотрудников органов внутренних дел находится в прямой зависимости от того, насколько защищены их гражданские права и гарантии по социальному обеспечению. Поэтому формирование эффективного ведомственного механизма соцзащиты сотрудников ОВД является обязательным условием по укреплению их морально-психологического состояния, что, в свою очередь, положительно сказывается на совершенствовании функционирования МВД России и борьбы с преступностью.

Ключевые слова: правовое государство, социальные льготы, социальные гарантии, социальная защита, меры поддержки, социальная защищенность, результативность деятельности, обеспечение, компенсации, стимулирование труда, борьба с преступностью.

In accordance with the Constitution of the Russian Federation as a social state our country continues to implement policies that contribute to the creation of conditions for ensuring a decent life and free development of its citizens. Therefore, the processes related to the formation and improvement of the Russian civil society are developing dynamically today. In particular, these processes are greatly facilitated by the active participation of the Internal Affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the performance of their duties to protect the rights and interests of subjects of civil legal relations. At the same time, the effective activity of employees of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation is directly dependent on the extent to which their citizenship rights and social security guarantees are protected. Therefore, the formation of an effective departmental mechanism of social protection of police officers is a prerequisite for strengthening their moral and psychological state, which in turn has a positive effect on improving the functioning of the Ministry of internal Affairs of Russia and the fight against crime.

Keywords: legal state, social benefits, social guarantees, social protection, support measures, social security, performance, provision, compensation, stimulation of labor, fight against crime.

Задачи по социальной защите граждан всегда оставались одними из приоритетных в нашей стране. Поскольку эффективная реализация социальной политики, направленной на повышение жизненного уровня населения страны, считается одним из оснований по признанию государства социальным. Сегодня важная роль в государстве отводится процессам, связанным с совершенствованием механизмов по реализации соцзащиты и защищенности населения, что становится объективной необходимостью, и сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД) не являются исключением.

Значение различных государственных служб, в том числе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России, Министерство) в укреплении российской государственности сложно переоценить, во многом этим объясняется научный интерес к исследованию проблематики социальной защиты сотрудников ОВД. Кроме того, он обусловлен наличием различных вопросов, которые связаны с социальной защищенностью сотрудников ОВД на фоне выполнения важнейших задач, среди которых не только борьба с преступностью, но совершенствование функционирования МВД России.

В современных условиях сотрудникам ОВД отводится особая роль в системе субъектов по социальной защите и поэтому государством определены специальные меры по их соцзащите и поддержке. Кроме того, высокая степень социальной защищенности сотрудников ОВД, как одного из составных элементов социальной и правовой защиты государственных служащих Российской Федерации является одним из показателей по совершенствованию всей системы социальной защиты населения нашей страны. Поэтому в настоящее время от улучшения социальной защищенности рассматриваемой категории лиц в большинстве своем напрямую зависит эффективность оперативно-служебной деятельности МВД России.

Проблемы повышения государственной социальной защиты населения, связанные с социальными гарантиями и стимулированием труда, имели приоритетное значение еще в самом начале становления советского социального обеспечения [1, с. 33–38], и в настоящее время остаются одними из важнейших элементов статуса личности [2, с. 9–13].

Анализ источников специальной литературы по рассматриваемой проблеме дает основание утверждать, что существуют различные исследования зарубежных специалистов обосновывающие выводы, что социальные гарантии и стимулирование труда существенно повышают результативность работы и эффективность профессиональной деятельности. Среди зарубежных концепций, связанных с мотивацией труда широкую известность получили содержательные теории мотивации А. Маслоу, Ф. Херцберга, Д. Макклелланда, К. Альдерфера и процессуальные В. Врума, С. Адамса, Л. Портера, Э. Лоулера, Д. Макгрегора.

В разные годы и в нашей стране так же, как и за рубежом, проводились научные исследования В.А. Ядовым, А.Г. Здравомысловым, В.П. Рожиным, А.Н. Леонтьевым, и др., которые были связаны с теорией мотивации и стимулированием труда, обосновывающие гипотезу относительного того, принадлежит ли решающая роль оплате труда и социальным гарантиям, предоставляемым сотрудникам различных организаций в повышении результативности их профессиональной деятельности [3]. В работах отечественных специалистов были исследованы, как потребности, так и процессы, связанные с формированием и функционированием мотивации, выделены смыслообразующие трудовые мотивы. В ходе этих исследований было доказано, что социальные гарантии и оплата труда влияют на повышение эффективности работы не только отдельных подразделений, но и целиком всего ведомства [4].

Невзирая на ряд отличительных моментов в подходах отечественных и зарубежных исследователей на рассматриваемую проблему, они во многом схожи, потому как направлены на исследование причин и условий, которые побуждают людей к более высокому результативному труду. Проблемы повышения государственной социальной защиты сотрудников ОВД также имеют первостепенное значение, поскольку от степени социальной защищенности сотрудников ОВД зависит очень многое.

Вопросам, специально исследующим проблематику регулирования социальной защиты сотрудников ОВД, было уделено не мало внимания отечественными правоведами, в том числе и из правоохранительной сферы [5]. Однако, проведенный анализ показывает, что

при наличии различных научных источников по рассматриваемой проблематике, предмет исследования, связанный с социальной защитой и защищенностью личного состава и персонала ОВД до конца не исчерпан.

Государственная социальная защита сотрудников ОВД неразрывно связана с правовой системой, нормами права и правоотношениями. Вопросы защиты прав сотрудников ОВД, которые связаны с прохождением службы, являются самостоятельным институтом права, включающим в себя различные нормы права – материальные и процессуальные, частные и публичные. Причем последние не только регулируют прохождение службы в МВД России, но и защищают права сотрудников ОВД.

Правовыми основами прохождения службы в МВД России являются частные и публичные нормы права, закрепленные в Гражданском кодексе Российской Федерации, Трудовом кодексе Российской Федерации, федеральных законах, указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации, приказах МВД России и нормативных правовых актах начальников территориальных органов.

Соцзащита сотрудников МВД России должна находиться в органическом единстве с социальной политикой страны, призванной обеспечивать решение важнейшего принципа социального государства – обеспечение социальной справедливости. Поэтому система государственной соцзащиты сотрудников МВД России состоит из трех основных частей: мер по правовой защите; мер безопасности; мер соцзащиты.

Основные элементы социальной политики и соцзащиты, реализуемые в МВД России, опираются на российское «социальное законодательство», а также на ряд законодательных и иных нормативных правовых актов, которые касаются исключительно сотрудников ОВД [6, с. 116]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что нормативно-правовая основа соцзащиты сотрудников ОВД представляет из себя объемный характер. Помимо общих социальных гарантий, которые содержатся в действующем законодательстве, в Федеральном законе «О полиции» определяются дополнительные гарантии соцзащиты сотрудников МВД России, которые призваны компенсировать

ряд ограничений и запретов, обусловленных режимами, установленными при прохождении службы.

Следует отметить, что вся служебная деятельность, как и выполнение конкретных поставленных перед сотрудниками ОВД задач, непосредственно связаны с присущим для этого вида работы повышенным риском для жизни и здоровья. Проходя службу в МВД России, сотрудники ОВД испытывают повышенные физические нагрузки, стрессы, травматизм. Не редко они несут службу в опасных условиях. Перечисленные обстоятельства в большинстве случаев серьезно воздействуют на здоровье и продолжительность жизни указанной категории лиц. В следствие чего, совершенно закономерно, что данная категория граждан обладает правом более раннего срока получения пенсионного обеспечения. В связи с этим, медицинскому обслуживанию, как проходящих службу сотрудников МВД России, так и вышедших на пенсию уделяется столь пристальное внимание.

Таким образом, исходя из важности и сложности деятельности, которая выполняется сотрудниками ОВД, необходима особая социальная защищенность и социальные гарантии [7, с. 141]. По этой причине компенсирование сложных условий служебной деятельности должно происходить за счет совершенствования правового регулирования по социальному обеспечению сотрудников МВД России. Оно же в том числе должно способствовать не допущению возможных коррупционных правонарушений [8, с. 11].

Необходимо упомянуть о том, что в настоящее время Министерство проводит целенаправленную ведомственную социальную политику, основанную на базовых социальных принципах. Закрепленные социальные гарантии сотрудников ОВД, постоянно совершенствуемые правовые, организационные и финансовые механизмы по их реализации, вносят существенный вклад в повышение законности в деятельность МВД России [9, с. 368].

Из проведенного научного анализа работ отечественных специалистов относительно влияния социальных гарантий на повышение эффективности деятельности работников следует, что осуществление эффективной государственной социальной политики в ОВД также положительно сказывается на результатах

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

правоохранительной службы и повышении ее результативности [10, с. 122]. И поэтому в дальнейшем необходимо развивать имеющуюся систему социальных гарантий сотрудников МВД России, повышать эффективность по воплощению в жизнь и практическую реализацию законодательных норм, регламентирующих исполнение и соблюдение соцзащиты сотрудников ОВД.

На первом месте в процессе формирования доходов сотрудников ОВД, поддержания необходимого уровня их жизни и обеспечения эффективной работы МВД России находится оплата труда. Ей также отводится важное место в регулировании трудовых отношений госслужащих и их социальной поддержке. Также большая роль отводится и другим социальным гарантиям: медицинскому, жилищному, пенсионному обеспечению, социальному страхованию, профессиональному образованию.

В целях дальнейшего эффективного осуществления деятельности МВД России по совершенствованию механизма социального гарантирования сотрудников ОВД необходимо продолжать научное обоснование этой работы. Теоретические исследования и научные разработки в рассматриваемой сфере деятельности обладают не только методической ценностью, но и могут способствовать решению различных практических задач. Поэтому в дальнейшем не лишними стали бы новые научные исследования, которые обосновывали бы разработку и реализацию в долгосрочной перспективе различных нормативно-правовых актов (концепций, стратегий, доктрин и др.) по развитию и совершенствованию государственной социальной политики в системе МВД России.

Указанные выше нормативные правовые акты должны быть подготовлены на основе методологического подхода, позволяющего разработать недостающие механизмы и инструменты по обеспечению эффективного функционирования государственной социальной политики. Кроме того, рассматриваемые нормативные правовые акты в своих главных положениях должны отражать ключевую цель и задачи по проведению эффективной государственной социальной политики в ОВД, а также ряд направлений и приоритетов по перспективному развитию. Важнейшими элементами этих документов должны быть положения по

развитию и совершенствованию оплаты труда, медицинского и жилищного обеспечения, соцстрахования, кадровой подготовки, пенсионного обеспечения.

Таким образом, краткое изучение проблематики социальной защиты сотрудников МВД России позволяет прийти к определенным выводам, на основе которых возможно сформулировать необходимые предложения, которые могут быть в перспективе направлены на дальнейшее совершенствование соцзащиты сотрудников ОВД.

Так, в частности, проведенный анализ свидетельствует о том, что одним из специфических направлений по реализации социальной политики в нашей стране является сфера ОВД, в качестве субъекта управления которой является МВД России. Подразделениями ОВД, занимающимися социальной работой, приобретен достаточный положительный опыт по работе в сфере осуществления социальной политики МВД России. Министерством активно проводится своя ведомственная социальная политика, касаемая как непосредственно сотрудников ОВД, так и членов их семей. Данное обстоятельство становится особенно важным, в том случае если сотрудники ОВД погибают, исполняя служебные обязанности, получают увечье, травмы или инвалидность, из-за чего зачастую происходит снижение либо утрата их способностей к прохождению службы в МВД России.

Также следует отметить, что социальная защита сотрудников ОВД разнообразна и находится на достаточно высоком уровне. В процессе исследования автором установлено, что социальная защищенность сотрудников ОВД непосредственно связана с престижем прохождения службы в МВД России, и в том числе эффективностью исполнения важнейших правоохранительных задач и функций. Рассматриваемые меры социальной защиты направлены на компенсацию различных сложностей и напряженностей, возникающих у сотрудников ОВД в процессе прохождения службы в МВД России, стимулирования их служебной деятельности и минимизации коррупционных правонарушений в правоохранительной деятельности.

В дальнейшем в целях совершенствования деятельности по укреплению кадрового потенциала МВД России, а также повышения

престижности прохождения службы в МВД России, следует развивать правовой механизм социальной защиты сотрудников ОВД. Также необходимо стремиться к закреплению новых и

упрочению сложившихся социальных гарантий, в обязательном порядке сформировать безупречный правовой, организационный и финансовый механизмы, связанные с их реализацией.

Литература

1. Агапцов С.А., Мордвинцев А.И., Фомин П.А., Шаховская Л.С. Мотивация труда как фактор повышения эффективности производственно-хозяйственной деятельности предприятия: монография. М., 2012.
2. Быковская Ю.В. Роль социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности и необходимость их совершенствования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 42 (327).
3. Быковская Ю.В. Создание эффективной системы социальной защиты сотрудников МВД России как приоритетное направление модернизации органов внутренних дел // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 4.
4. Ветлужских Е.Н. Мотивация и оплата труда: инструменты. Методики. Практика. М., 2007.
5. Капустина О.В. Проблемы становления системы советского социального обеспечения в начале 1920-х гг. // Социальное и пенсионное право. 2020. № 2.
6. Кобец П.Н., Севрюков А.П. Государственная защита сотрудников органов внутренних дел: проблемы и решения: монография. М., 2001.
7. Попова А.А. Пенсионное обеспечение сотрудников органов внутренних дел в системе социальной защиты МВД России // Инновации и инвестиции. 2019. № 4.
8. Тарабан Н.А., Чупилин Д.А. Социальное обеспечение как элемент статуса личности: международно-правовой аспект // Социальное и пенсионное право. 2020. № 1.
9. Тенгизова Ж.А. Сотрудники ОВД как особые субъекты правовых отношений, наделенные особыми полномочиями // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18.
10. Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование персонала. М., 2005.

Bibliography

1. Agaptsov S.A., Mordvintsev A.I., Fomin P.A., Shakhovskaya L.S. Labor motivation as a factor of increasing the efficiency of production and economic activity of the enterprise: monograph. Moscow, 2012.
2. Bykovskaya Yu.V. The role of social guarantees to employees of internal affairs bodies in ensuring economic security and the need for their improvement // National interests: priorities and security. 2015. Vol. 11. № 42 (327).
3. Bykovskaya Yu.V. Creation of an effective system of social protection of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a priority direction of modernization of internal affairs bodies // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 4.
4. Vetluzhskikh E.N. Motivation and remuneration of labor: tools. Methods. Practice. Moscow, 2007.
5. Kapustina O.V. Problems of the formation of the Soviet social security system in the early 1920s // Social security and pension law. 2020. № 2.
6. Kobets P.N., Sevryukov A.P. State protection of employees of internal affairs bodies: problems and solutions: monograph. Moscow, 2001.
7. Popova A.A. Pension provision of employees of internal affairs bodies in the system of social protection of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Innovation and investment. 2019. № 4.
8. Taraban N.A., Chupilin D.A. Social security as an element of the personality status: an international legal aspect // Social security and pension law. 2020. № 1.
9. Tengizova Zh.A. Employees of the Department of Internal Affairs as special subjects of legal relations, endowed with special powers // Theory and practice of social development. 2015. № 18.
10. Shapiro S.A. Motivation and stimulation of personnel. Moscow, 2005.

**Виноградов Андрей Сергеевич
Vinogradov Andrey Sergeevich**

доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

**Диденко Николай Сергеевич
Didenko Nikolay Sergeevich**

начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Head of the Department of Criminal Procedure, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

**СООТНОШЕНИЕ КОНТРОЛЬНЫХ И НАДЗОРНЫХ ФУНКЦИЙ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**The ratio of control and supervisory functions in the conduct of an inquiry
by the Internal Affairs Bodies**

В статье анализируются такие уголовно-процессуальные категории, как «ведомственный контроль» и «прокурорский надзор». На примере контроля и надзора, осуществляемых за производством дознания, авторы демонстрируют, что данные понятия устарели, в связи с чем их механизмы требуют совершенствования как на уровне понятийного аппарата, так и на практическом уровне. Ведомственный контроль, осуществляемый начальником органа дознания и начальником подразделения дознания, а также прокурорский надзор настолько пересекаются друг с другом, что разграничить их в настоящее время практически не представляется возможным. С учетом этого авторы предлагают заменить их посредством введения в официальный оборот нового единого понятия – процессуальное руководство, которое может осуществляться как на ведомственном, так и на надведомственном уровнях.

Ключевые слова: процессуальное руководство, контроль, надзор, дознание, органы внутренних дел, уголовный процесс, уголовное судопроизводство.

The article analyzes such criminal procedure categories as «departmental control» and «prosecutor's supervision». Using the example of control and supervision carried out over the production of an inquiry, the authors demonstrate that these concepts are outdated, and therefore their mechanisms require improvement both at the level of the conceptual apparatus and at the practical level. The departmental control exercised by the head of the body of inquiry and the head of the unit of inquiry, as well as the prosecutor's supervision, overlap so much with each other that it is practically impossible to distinguish them at present. With this in mind, the authors propose to replace them by introducing a new single concept into official circulation – procedural guidance which can be implemented both at the departmental and supra-departmental levels.

Keywords: procedural management, control, supervision, inquiry, internal affairs bodies, criminal procedure, criminal proceedings.

Дознание в органах внутренних дел выступает в качестве одной из важнейших функций осуществляемых органами внутренних дел, которая заключается в проверке сообщений о преступлениях, принятии по полученным результатам соответствующих процессуальных решений, производстве неотложных следственных действий до передачи уголовного дела следственному органу, а также в проведении

по возбужденным уголовным делам предварительного расследования в форме дознания. Вся эта деятельность облечена в процессуальную форму и требует руководства со стороны уполномоченных на то должностных лиц. В качестве таковых в настоящее время выступают начальники органов и подразделений дознания, обладающие полномочиями как административного, так и процессуального характе-

ра, а также прокурор, который осуществляет надзор за законностью действий и решений органов дознания в целом.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в последние годы подвергался множественным изменениям и дополнениям, в результате чего в настоящее время сложилась особая модель процессуального руководства дознанием, аналогов которой нет в других государствах. Такая эволюция стала возможной в связи с реализацией определенных научных представлений о процессуальной самостоятельности ведущего расследование уголовного дела должностного лица, концептуальных подходов о контроле, надзоре и руководстве его деятельностью. В этом отношении определенной вехой явились изменения и дополнения, внесенные в УПК РФ в 2007 г. Именно тогда была внедрена функциональная дифференциация указанных направлений и созданы две различные модели их осуществления.

Основные идеи той реформы состояли в том, чтобы обеспечить процессуальную самостоятельность следователя и наряду с прокурорским надзором создать эффективную систему ведомственного контроля. Однако изменения 2007 г. коснулись и дознания, отразившись на процессуальной самостоятельности дознавателя, а также полномочиях его руководителей – начальников органов и подразделений дознания. При этом прокурор сохранил свой статус как важнейшего субъекта процессуального руководства дознанием, одновременно с выполнением функции надзора за законностью его производства. В уголовно-процессуальной науке нет единой точки зрения относительно целесообразности параллельного существования достаточно жестких по содержанию контроля и надзора за производством дознания. Так, О.В. Химичева обращала внимание на то, что такое сочетание является неэффективным [1, с. 3].

В любом случае можно констатировать, что в настоящее время вопросы процессуального руководства дознанием продолжают оставаться недостаточно исследованными. Как в теории, так и в практике отсутствует понимание его юридической сущности и соотношения с функциями контроля и надзора. Это свидетельствует о том, что дальнейшие научные разработки этих категорий являются востребованным с точки зрения совершенствования деятельности подразделений дознания как в целом, так и входящих в состав органов внут-

ренних дел, в частности.

Упорядочивая элементы понятийного аппарата, прежде всего, необходимо разобраться с соотношением таких терминов, как «контроль», «надзор» и «руководство».

Стоит отметить, что среди процессуалистов нет единства в понимании этих категорий. Некоторые авторы проводят различие между процессуальными контролем, надзором и руководством, однако определения термину «процессуальное руководство» при этом не дают [2]. Речь о процессуальном руководстве ведет и А.В. Образцов, который видит его сущность в применении такого средства, как дача указаний о производстве следственных действий. Как указывает автор, нередко процессуальное руководство подменяется процессуальным контролем [3, с. 33–34].

Что следует понимать под процессуальными контролем, надзором и руководством, и как соотносятся эти понятия между собой?

В справочном словаре Н.Г. Филимонова контроль определен как «наблюдение или проверка действий (деятельности) каких-либо лиц или учреждений; контроль может иметь своей целью проверку:

- а) достоверности (напр. проверка отчетности со стороны правильности произведенных записей и проч.);
- б) закономерности (соответствия закону, уставу, правилам внутреннего распорядка и т. д.);
- в) целесообразности действий данного лица или учреждения» [4].

Что касается надзора, то Т.Ф. Ефремова дает ему такое определение: «наблюдение, присмотр за кем-л., чем-л. с целью контроля, охраны и т.п.» [5]. Очевидно, что такая дефиниция, в которой при определении одного понятия используется другое, делает контроль и надзор трудно отделимыми друг от друга.

В.П. Беляев, разграничивая рассматриваемые понятия, выделяет их характерные признаки.

Контроль:

- представляет из себя непрерывный процесс;
- охватывает все подконтрольные субъекты за одинаковый интервал времени;
- имеет целью обеспечение законности и безопасности, достижение целевых показателей, корректировку управляющего воздействия на контролируруемую сферу.

Надзор:

- является правоохранительной деятельностью;

– осуществляется в отношении неопределенного круга лиц;

– осуществляется выборочно с доведенной до общего сведения частотой надзорных мероприятий;

– имеет целью обеспечение законности и безопасности [6, с. 37].

Из этого можно сделать вывод, что надзор и контроль – это не синонимичные понятия, и у каждого из них имеется свое лексическое значение. Но в то же время применительно к практической деятельности правоохранительных органов эти понятия настолько переплелись, что, скорее, превратились в юридические штампы, между которыми крайне сложно провести четкое разграничение. Это и свидетельствует о том, что в отношении контрольной и надзорной деятельности в рамках уголовного судопроизводства в целом и осуществления дознания, в частности, назрела необходимость выработки нового понятия, которое имело бы четкое определение и характерные признаки.

Руководство в энциклопедической литературе определяется как «деятельность по определению целей и путей их достижения; стратегия развития и управления» [7]. Руководством также называется «процесс чье-либо определения задания кому-либо и контроль за его выполнением» [8]. С учетом этого, мы видим, что, по сути, понятие руководства, являясь более широким, охватывает собой понятия и контроля, и надзора.

В органах внутренних дел соответствующими должностными лицами руководство осуществляется по всем направлениям их деятельности, в том числе и за производством дознания. Безусловно, такое руководство во многом носит организационный и управленческий характер. Оно регламентируется нормативно-правовыми актами об органах внутренних дел и не относится к предмету нашей работы. Однако как часть общего руководства можно выделить руководство процессуальное, которое урегулировано нормами уголовно-процессуального права. На практике процессуальное и непроцессуальное руководство тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Такой вывод, в частности, можно сделать из анализа приказа МВД России от 15 июня 2020 г. № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» [9], где сказано, что на начальников органов внутренних дел возлагаются полно-

мочия по обеспечению законности и эффективности функционирования подчиненных подразделений и должностных лиц при производстве дознания, а также соблюдения ими установленных законом сроков. Очевидно, что, эти задачи решаются посредством реализации как непроцессуальных, так и процессуальных средств. Процессуальную часть руководства производством дознания не без оснований именуют ведомственным контролем.

Ведомственный контроль за деятельностью дознавателей и производством ими расследования предварительного расследования в форме дознания, как известно, осуществляют два участника уголовного судопроизводства – начальник подразделения дознания и начальник органа дознания. Ведомственный контроль за производством дознания направлен на соблюдение законности, прав участников досудебного производства, а также установленных законом сроков.

Необходимо понимать соотношение понятий «орган дознания» и «подразделение дознания». Если органом дознания в уголовно-процессуальном смысле выступает орган внутренних дел (или иной орган, указанный в ст. 40 УПК РФ), то подразделением дознания – специально организованное структурное подразделение данного органа, занимающееся производством расследования в форме дознания. Другими словами, орган дознания и подразделение дознания соотносятся как целое и часть.

Статус начальника подразделения дознания впервые появился в уголовно-процессуальном законодательстве России в июне 2007 г. – в результате уже упомянутой нами реформы в сфере ведомственного контроля и прокурорского надзора за досудебным производством. В ходе реформы начальник следственного отдела был заменен новым участником – руководителем следственного органа, – который «оттянул» на себя ряд надзорных полномочий прокурора. При этом за дознанием прокурорский надзор сохранился практически в полном объеме. В результате реформы для более качественного ведомственного контроля за деятельностью дознавателей впервые и был «учрежден» процессуальный статус промежуточного начальника – начальника подразделения дознания.

В настоящее время начальник подразделения дознания отнесен законом к группе участников со стороны обвинения, хотя изначально законодатель проявил некоторую «забывчивость» и не указал данного участника в п. 47 ст. 5 УПК РФ. Не вызывает сомнения, что на-

чальник подразделения дознания, который уполномочен не только давать дознавателю указания о направлении расследования, но и сам наделен правом осуществлять расследование в полном объеме, является носителем обвинительной функции. Анализ полномочий начальника подразделения дознания, предусмотренных ст. 40.1 УПК РФ, показывает, что этот участник действительно занимает руководящее положение и осуществляет контроль за деятельностью подчиненных ему дознавателей. Об этом прямо свидетельствует используемая инфинитивная форма глаголов, указывающих на их императивно-властный характер полномочий: «поручать», «изымать», «отменять», «проверять» и т.д.

Вторым субъектом осуществления ведомственного контроля за производством дознания – а по значимости своего статуса, можно сказать, и первым – является начальник органа дознания. Как самостоятельный участник уголовного процесса он существовал с момента принятия первоначальной редакции УПК РФ в 2001 году, однако отдельная статья, посвященная его полномочиям – ст. 40.2 – появилась в УПК РФ только в 2015 году.

В целях упрощения восприятия рассматриваемого вопроса выборочно перечислим тех лиц, которые являются начальниками органа дознания. Для наглядности приведем весь перечень лиц из состава ОВД, которые могут быть начальниками органа дознания в таком территориальном органе, как, например УМВД России по г. Ростов-на-Дону: начальник УМВД России по г. Ростов-на-Дону; заместитель начальника УМВД России по г. Ростов-на-Дону – начальник полиции; заместитель начальника полиции по оперативной работе; заместитель начальника полиции по охране общественного порядка; начальники отделов полиции УМВД России по г. Ростов-на-Дону № 1–8. На территории рассматриваемого УМВД только лица, занимающие эти должности, являются начальниками органа дознания в системе органов внутренних дел РФ и могут выполнять полномочия начальника органа дознания, предусмотренные ст. 40.2 УПК РФ.

Начальник органа дознания как вышестоящее должностное лицо относительно начальника подразделения дознания включает в свой статус полномочия последнего и, кроме того, имеет свои собственные эксклюзивные полномочия. Так, например, одним из важнейших таких полномочий является утверждение итогового процессуального документа – обвинительного акта или постановления.

Иными словами, полномочия и начальника подразделения дознания, и начальника органа дознания позволяют говорить о том, что они осуществляют процессуальное руководство производством расследования в форме дознания. Перефразируя приведенные выше определения руководства, можно в полной мере сказать, что эти субъекты определяют подчиненным дознавателям цели и пути их достижения, дают им задания и контролируют их выполнение.

Что касается деятельности прокурора, то она носит «надведомственный» характер, что обычно и дает возможность говорить о том, что данный вид деятельности необходимо именовать надзором (в слове используется та же самая приставка «над» в значении «вне», «сверху»). Действующий уголовно-процессуальный закон позволяет прокурору руководить процессуальной деятельностью как дознавателей органов внутренних дел, так и других ведомств. Прокурор обладает полномочиями, которыми, во-первых, наделены начальники подразделения и органа дознания, а во-вторых – и рядом полномочий, которые для этих участников законом не предусмотрены. Так, например, все указанные участники наделены правом давать дознавателю указания, обязательные для исполнения. Однако только прокурор обладает полномочием по продлению сроков дознания.

В целом специфика положения прокурора в уголовном процессе заключается в том, что оно носит двойственный характер. С одной стороны, прокурор сам является субъектом осуществления уголовного преследования, а с другой – он же одновременно представляет и независимый государственный орган, надзирающий за соблюдением законности. Однако двойственность положения прокурора позволяет говорить и о неоднозначности его положения. Что же все-таки осуществляет прокурор – надзор или контроль? Или и то, и другое вместе? Ответ на этот вопрос, учитывая, что понятия контроля и надзора применительно к уголовному процессу приобрели взаимопересекающийся характер, дать непросто.

Несмотря на то, что вопрос о том, почему прокурор имеет разные полномочия относительно двух параллельных форм предварительного расследования, продолжает оставаться неоднозначным, само по себе наличие прокурорских полномочий вполне обоснованно. Руководящая деятельность начальника подразделения дознания и начальника органа дознания, представляющих ту же структуру, что и дозна-

ватель, носит характер заинтересованности в высоких ведомственных показателях, что не исключает вероятности снижения эффективности осуществляемого ими контроля за соблюдением законности при производстве по делу. Прокурор же, представляя иной орган государственной власти, не имеет прямого интереса к ведомственным показателям полиции. Поэтому можно сказать, что реализация прокурором его полномочий относительно производства дознания (впрочем, как и следствия) – это важная гарантия соблюдения законности и прав личности. Эти полномочия обеспечивают и качество расследования, так как прокурор по этим же делам будет поддерживать в дальнейшем государственное обвинение.

Таким образом, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания и прокурор наделены руководящими полномочиями относительно осуществляющего дознание дознавателя. Во многом эти полномочия пересекаются и дублируются, однако в одном случае именуется контролем, а в другом –

надзором. В результате мы имеем многоуровневый механизм руководящего характера, который требует совершенствования, так как понятия контроля и надзора уже практически невозможно отграничить друг от друга.

С учетом сказанного, на наш взгляд, есть все основания отойти от устоявшихся, но устаревших понятий «ведомственный контроль» и «прокурорский надзор», заменив их единым термином «процессуальное руководство». Представляется целесообразным выделить два вида такого руководства:

- ведомственное руководство, осуществляемое начальником подразделения дознания и начальником органа дознания (а в случае со следствием – руководителем следственного органа);
- процессуальное руководство прокурора.

Понятие же «прокурорский надзор» должно сохраниться исключительно применительно к тем полномочиям прокурора, которые регламентированы законодательством о прокуратуре и находятся за рамками уголовно-процессуального закона.

Литература

1. Химичева Г. П. Рассмотрение милицией заявлений и сообщений о преступлениях. М., 1997.
2. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) (учебник) / Под редакцией Э.К. Кутуева 2-е изд., перераб. и доп. СПб, 2020.
3. Образцов А.В. Сущность процессуального руководства предварительным расследованием // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41).
4. Справочный коммерческий словарь / Под редакцией проф. Н.Г. Филимонова. М., 1926.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
6. Беляев В.П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006.
7. Энциклопедия социологии. URL: http://endic.ru/enc_sociology.
8. Толковый словарь Д.В. Дмитриева. URL: <http://endic.ru/dmytriev>.
9. Приказ МВД России от 15 июня 2020 г. № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/499058855>.

Bibliography

1. Himicheva G.P. Consideration by the police of statements and reports on crimes. Moscow, 1997.
2. Criminal procedure law (Criminal process) (textbook) // Edited by E. K. Kutuev, 2nd ed., reprint. and add. Saint Petersburg, 2020.
3. Obratstov A.V. The essence of the procedural management of the preliminary investigation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (41).
4. Reference Commercial Dictionary / Edited by Prof. N.G. Filimonov. Moscow, 1926.
5. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation. Moscow, 2000.
6. Belyaev V.P. Control and supervision as forms of legal activity: questions of theory and practice: dis. ... Doc. of Law. Saratov, 2006.
7. Encyclopedia of Sociology. URL: http://endic.ru/enc_sociology.
8. Explanatory dictionary of D.V. Dmitriev. URL: <http://endic.ru/dmytriev>.
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 430 of June 15, 2020 «Questions of the organization of activity of divisions of the organization of inquiry (divisions of inquiry) of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». URL: <http://docs.cntd.ru/document/499058855>.

Зиновьева Нина Сергеевна
Zinovieva Nina Sergeevna

преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России.

Lecturer, the Department of Criminal Procedure, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: 3286176@mail.ru

Пахомов Сергей Валерьевич
Pakhomov Sergey Valerievich

заместитель начальника Ростовского юридического института МВД России (по научной работе)
кандидат юридических наук, доцент.

Deputy Head (for scientific work), Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law,
Associate Professor.
E-mail: svpakhomov@inbox.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБНАРУЖЕНИИ, ИЗЪЯТИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕОБРАЗОВАННОЙ МЕТОДАМИ КРИПТОГРАФИИ, В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

On the issue of detection, seizure and use of computer information transformed by cryptography methods in the course of crime detection and investigation: problem statement

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные со стремительным распространением способов преобразования компьютерной информации методами криптографии с целью сокрытия преступлений, типичными местами концентрации таких данных и механизма следообразования. Высказываются суждения относительно необходимости разработки криминалистических рекомендаций, направленных на организацию эффективного взаимодействия субъектов расследования, а также тактики производства отдельных следственных действий, направленных на получение и анализ компьютерной информации исследуемого вида.

Ключевые слова: компьютерная информация, методы криптографии, криминалистически значимая информация, раскрытие и расследование преступлений, взаимодействие, тактика следственных действий.

The article deals with the current problems associated with the rapid spread of methods of converting computer information by cryptographic methods in order to conceal crimes, typical places of concentration of such data and the mechanism of trace formation. Opinions are expressed on the need to develop forensic recommendations aimed at organizing effective interaction between the subjects of the investigation, as well as tactics for the production of individual investigative actions aimed at obtaining and analyzing computer information of the type under investigation.

Keywords: computer information, cryptography methods, criminally significant information, crime detection and investigation, interaction, investigative tactics.

Результаты проводимых научных исследований и правоприменительная практика свидетельствуют о стремительном росте преступлений, совершаемых с использованием методов криптографической защиты компьютерной информации, передаваемых по информационно-телекоммуникационным сетям либо хранящейся на электронных носителях и имеющих криминалистическое значение. Так,

в III квартале 2020 года в сравнении со II кварталом этого же года количество компьютерных атак, в которых применялись методы криптографической защиты данных, выросло на 2,7 %. При этом по сравнению с аналогичным периодом 2019 года рост преступных деяний составил 54 % [1].

Использование методов криптографической защиты информации осуществляется для

сокрытия сведений о подготавливаемых, совершаемых или уже совершенных преступлениях, таких как: незаконный оборот наркотических средств, оружия и боеприпасов, легализация преступных доходов, незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов и др.

Применение подобных методов становится возможным, в том числе, благодаря возможностям шифрования, которые предоставляют поставщиками услуг сотовой связи и интернета пользователям, а также разработчиками приложений, устанавливаемых в устройства сотовой связи и компьютеры. Кроме того, сами технические устройства имеют интегрированные в них функции защиты, ограничивающие доступ к ним.

Одной из объективных проблем, связанных с доступом правоохранительными органами к зашифрованным данным, имеющим криминалистическое значение, является отказ или уклонение отдельных поставщиков услуг связи и производителей устройств связи от доступа к ключам шифрования в целях восстановления зашифрованных данных.

В связи с этим, правоохранительным органам приходится прибегать к возможностям методов дешифрования, посредством применения аппаратно-программных комплексов, что влечет за собой временных затрат, столь важных для быстрого получения ориентирующей и криминалистически значимой информации. При этом, применение методов дешифрования не всегда приводит к положительному результату в силу постоянного совершенствования алгоритмов шифрования.

Указанная проблема наращивает степень актуальности и создает предпосылки для активного использования криптографических методов для сокрытия данных о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении. Сказанное подтверждается множеством преступных событий.

Так, например, в декабре 2019 года военнослужащий Королевских войск Саудовской Аравии совершил террористический акт на военно-морской авиабазе США, в результате чего три человека были убиты и восемь ранены. Подозреваемый, при изъятии у него смартфона «Apple», попытался его уничтожить, выстрелив в устройство из пистолета. Поскольку доступ к телефону был скрыт, а подозре-

ваемый отказался предоставить код шифрования, правоохранительные органы обратились в компанию «Apple», которая так же ответила прямым отказом и ключи шифрования не предоставила. Для расшифровывания данных силами правоохранительных органов понадобилось более четырех месяцев [2].

Однако все чаще использование криптографических методов становится не только способом сокрытия преступлений, но и средством их совершения, нацеленным на получение незаконного дохода путем неправомерного завладения конфиденциальной информацией, блокирования работы компьютерных сетей физических лиц, коммерческих организаций и государственных структур.

Использование алгоритмов шифрования активно используется в работе вредоносных программ, которые внедряются в массивы данных, хранящихся у объекта посягательства, искажают или блокируют их, и только при вводе ключей шифрования позволяют возобновить корректную работу.

Поэтому преступники целенаправленно совершают компьютерные атаки на серверы определенных компаний, которые в состоянии заплатить по требованию значительные суммы в качестве выкупа, или организации, для которых приостановка деятельности влечет утрату крупной прибыли. Так, например, в III квартале 2020 г. атакам программ-вымогателей были подвергнуты крупные предприятия промышленности и медицинские учреждения [1].

К примеру, в августе 2020 года операторы программы-вымогателя REvil атаковали сеть больниц в США, похитив, а затем зашифровав всю информацию во внутренней сети. Информация касалась персональных данных пациентов, листов назначения и записей осмотров. В случае невыплаты требуемых сумм, лечебные учреждения понесли бы репутационные риски и, следовательно, финансовые потери.

Также, в начале сентября 2020 года от атаки шифровальщика Netwalker пострадала компания Equinix, которая предоставляет услуги обработки данных. Была похищена финансовая информация, данные аудитов и отчеты центра обработки данных, сведения о заработной плате и бухгалтерских документах компании. Прежде чем зашифровать данные, преступники проводили около двух недель в скомпрометированной сети, стараясь предварительно

найти и удалить все доступные резервные копии, чтобы компания не могла восстановить зашифрованные файлы. Кроме того механизм преступления предполагал предварительное хищение критически важных данных – документов, отчетов, чтобы использовать их в качестве средства давления на потерпевшую компанию [2].

Преступления рассматриваемой категории характеризуются трансграничным характером. Для их эффективного расследования необходимо обобщение международного опыта борьбы с ними, изучение особенностей законодательного регулирования, выработки единых механизмов противодействия на государственном и межгосударственном уровнях. Указанные тенденции свидетельствуют об уязвимости основных секторов государственных органов и коммерческих организаций.

Вместе с тем существуют и примеры эффективного взаимодействия правоохранительных органов между государствами, в ходе которого были выявлены и привлечены к ответственности участники преступных групп, использующих методы криптографической защиты в целях получения преступного дохода.

Так, например, провайдер коммуникационных сетей и услуг, базировавшийся в Нидерландах и являвшийся разработчиком одноименного мессенджера для зашифровывания данных использовал протокол Signal. Данным сервисом на протяжении длительного времени успешно пользовались международные преступные организации. Поскольку разработчики сервиса не представляли ключи шифрования, межгосударственной следственной группой были использованы негласные средства для получения доступа к зашифрованной информации. На серверы EncroChat, находившиеся на территории Франции было внедрено техническое устройство негласного получения информации, что позволило осуществить доступ к большому массиву сообщений сервиса и начать автоматизированную идентификацию пользователей сервиса. Правоохранительным органам также удалось внедрить в устройства вредоносную программу, которая позволяла читать сообщения перед отправкой и записывать коды блокировки устройства. Операция совместной группы следователей под кодовым названием Емма 95 во Франции и Lemont в Нидерландах, позволила собрать в реальном времени несколько

миллионов сообщений между подозреваемыми; также был организован обмен информацией с правоохранительными органами нескольких стран, которые не участвовали в следственной группе, в частности Великобритания, Швеция и Норвегия [3].

Возможности использования методов криптографической защиты компьютерной информации создают предпосылки для профессионализации преступности и стремительного роста криминальной активности лиц, которые вовлекаются в преступные схемы, и на этом фоне создаются новые виды криминальных профессий. Так, например, в совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, вовлекаются лица, выполняющие конкретные функции и с этим учетом именуются как: координаторы, эскроу, граверы, закладчики (кладмены), трафаретчики, перевозчики и др.

Вышеописанные аспекты указывают на динамично развивающееся общественно опасное явление, требующее принятия безотлагательных мер противодействия преступным проявлениям, в том числе криминалистическими средствами и методами.

К числу основных проблем, связанных с получением и анализом компьютерной информации, преобразованной методами криптографии, следует отнести отсутствие научно обоснованных криминалистических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений, механизм совершения которых предполагает использование методов шифрования. Субъекты раскрытия и расследования преступлений не располагают теоретическими разработками и тактико-криминалистическими рекомендациями об особенностях отражения информации о данных, подвергшихся криптографической защите, средствах и методах, используемых для получения такой информации, особенностях взаимодействия субъектов криминалистической деятельности при получении и анализе криптографически защищенной компьютерной информации. В связи с этим следует признать наличие острой необходимости в разработке комплексной методики, которая будет содержать сведения об алгоритмах работы субъектов расследования по обнаружению, изъятию и использованию такой информации в ходе раскрытия и расследования преступлений.

По нашему мнению, указанная комплексная методика должна включать в себя совокупность тактических приемов и рекомендаций по обнаружению криминалистически значимой компьютерной информации, которая будет основываться на учете алгоритмов функционирования аппаратно-программных средств и принципах накопления, обработки и хранения такой информации.

Для формирования системных знаний субъектам раскрытия и расследования преступлений необходимо иметь представление о механизме возникновения и отражения компьютерной информации, преобразованной методами криптографии, в зависимости от того, какие средства хранения, обработки и учета информации применялись. По этой причине следует указать те компьютерные данные, которые выступают объектами сокрытия, посредством применения методов криптографии: данные в виде текстовых документов с любым видом форматирования, электронных таблиц, изображения, видео и аудиоданные, электронные сообщения, файлы, формирующие строение интернет-страницы; файлы, обеспечивающие аутентификацию и конфиденциальность пользователей (электронный сертификат, электронная ключевая информация, сетевые протоколы); приложения, установленные на устройство сотовой связи и компьютерную технику.

Важную роль играет знание о преступных целях преобразования компьютерной информации методами криптографии, к числу типичных из них следует отнести: ограничение доступа к данным, хранящимся непосредственно в компьютере или на внешнем накопителе информации; подмену данных об IP-адресе и MAC-адресе абонента при выходе в сеть Интернет и передаче сведений, содержащих признаки преступления; получение дохода от осуществления противоправной деятельности путем перевода на виртуальный счет криптовалюты.

Немаловажное значение имеет верное определение типичных мест концентрации криминалистически значимых данных, преобразованных методами криптографической защиты. Таковыми могут являться: а) текстовые, голосовые, фото- и видеосообщения, передаваемые через сервис мгновенного обмена данными; б) данные, передаваемые посредством электронных почтовых сервисов; в) данные,

хранящиеся на компьютерах (на локальных или удаленных серверах) в виде пользовательских или системных файлов. В них концентрируется криминалистически значимая информация (сообщения, координирующие преступную деятельность; изображения с детской порнографией; теневая бухгалтерская отчетность и т. п.) и др.

Реализация криминалистических задач по обнаружению и изъятию компьютерной информации, преобразованной методами криптографии, требует организации эффективного взаимодействия субъектов расследования со специалистами и должностными лицами правоохранительных органов. Такое взаимодействие осуществляется как на ведомственном, так и на межведомственном уровнях, на которых решаются определенные задачи с учетом компетенций субъектов рассматриваемой деятельности.

При этом особое внимание следует уделить вопросам взаимодействия с разработчиками аппаратно-программных средств, специализирующихся на криптографической защите информации. Сегодня такое взаимодействие носит локальный характер, общераспространенной практики использования в криминалистических целях потенциала данных компаний нет. Факты привлечения таких специалистов единичны. В связи с этим, закономерно говорить о необходимости выработки путей повышения роли компаний-разработчиков в установлении криминалистически значимых обстоятельств, разработке правовых механизмов их привлечения, в том числе и на возмездной основе, определения организационно-тактических особенностей привлечения к участию в следственных действиях представителей компаний-разработчиков, круга совместно решаемых задач и условий обмена криминалистически значимой информацией.

Комплексная методика предполагает рассмотрение тактических особенностей проведения отдельных следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие компьютерной информации, преобразованной методами криптографии.

Наиболее типичным и сложным с точки зрения поисково-познавательной сущности является следственный осмотр. Его объектами являются средства компьютерной техники и элементы сетевой структуры, служебные журналы программ,

используемых в рассматриваемых целях, средства хранения информации.

Эффективность обнаружения, изъятия и криминалистического анализа компьютерной информации исследуемого вида напрямую зависит от правильного применения технико-криминалистических средств. В данном случае, основная цель технико-криминалистического обеспечения выражается в непосредственном использовании субъектами расследования мобильных аппаратно-программных комплексов и специализированных компьютерных программ, позволяющих обходить блокировки в виде паролей и пин-кодов, восстанавливать удаленные данные, расшифровывать криптографические контейнеры, а также извлекать данные из облачных сервисов при отсутствии сведений об учетных данных пользователя. Результатом применения технико-

криминалистических средств является возможность дальнейшего преобразования компьютерной информации в доступную для восприятия форму, ее изъятия и анализа [4, с. 199].

Таким образом, одной из актуальных задач криминалистической науки является разработка комплексной методики обнаружения, фиксации, изъятия и использования субъектами раскрытия и расследования преступлений компьютерной информации, преобразованной методами криптографии. Данная методика с учетом типологических характеристик объектов хранения, учета и обработки, мест их концентрации и особенностей отображения позволит на основе налаженного взаимодействия реализовывать тактико-криминалистические средства и методы обнаружения, фиксации изъятия и анализа компьютерной информации, преобразованной методами криптографии.

Литература

1. Аналитический отчет «Актуальные киберугрозы III квартал 2020 года» компании Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020-q3>.

2. Грэм, Коттон, Блэкберн представляют комплексное решение для укрепления национальной безопасности, конечное использование надежного шифрования, защищающего от преступной деятельности. URL: <https://www.judiciary.senate.gov/press/rep/releases/graham-cotton-blackburn-introduce-balanced-solution-to-bolster-national-security-end-use-of-warrant-proof-encryption-that-shields-criminal-activity>.

3. Сверхзащищенный мессенджер Signal «тайно» сохраняет историю и ключи шифрования открытым текстом. URL: <https://habr.com/ru/post/427637>.

4. Зиновьева Н.С. Компьютерная информация, преобразованная методами криптографии, в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021.

Bibliography

1. Analytical report «Current cyber threats in the third quarter of 2020» by Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020-q3>.

2. Graham, Cotton, Blackburn present a comprehensive solution to strengthen national security, the end use of strong encryption that protects against criminal activity. URL: <https://www.judiciary.senate.gov/press/rep/releases/graham-cotton-blackburn-introduce-balanced-solution-to-bolster-national-security-end-use-of-warrant-proof-encryption-that-shields-criminal-activity>.

3. The ultra-secure Signal messenger «secretly» saves the history and encryption keys in clear text. URL: <https://habr.com/ru/post/427637>.

4. Zinovieva N.S. Computer information transformed by cryptographic methods in the disclosure and investigation of crimes: dis. ... PhD of Law. Krasnodar, 2021.

Кузьмин Михаил Николаевич
Kuzmin Mikhail Nikolaevich

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

E-mail: mihail_kuzmin@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Problem aspects of preliminary investigation by investigators when appointing forensic examinations and ways of their solution

В статье перечисляются проблемы, с которыми сталкиваются следователи на стадии предварительного расследования, когда возникает необходимость назначать судебно-криминалистические экспертизы. Выявляется проблематика ведения предварительного расследования, и определяются пути повышения эффективности работы сотрудников следственных органов с целью ускорить расследование и повысить раскрываемость. Поднимается вопрос взаимодействия следователя с другими участниками расследования на всех его этапах.

Ключевые слова: предварительное расследование, действия следователя, назначения судебно-криминалистической экспертизы, привлечение экспертов к предварительному расследованию, результаты криминалистической экспертизы, проблемные аспекты предварительного расследования.

The article lists the problems faced by investigators at the stage of preliminary investigation, when it becomes necessary to assign forensic examinations. The problems of conducting preliminary investigation are identified. The ways of increasing the efficiency of the work of investigative bodies in order to speed up the investigation and increase of detection rate are determined. The question of interaction of the investigator with other participants in the investigation at all stages is raised.

Key words: preliminary investigation, investigator actions, designation of a forensic examination, the involvement of experts in the preliminary investigation, the results of the forensic examination, problem aspects of the preliminary investigation.

Несмотря на то, что в настоящее время есть масса научных трудов, посвященных криминалистическим методикам, применяемым следователями в процессе расследования преступлений, существует ряд неразрешенных вопросов, которые требуют доработки. Тематике криминалистических методик посвящены труды таких ученых, как Л.В. Бертовский, А.Ф. Волынский, Ю.П. Гармаев, Г.Л. Грановский, Н.А. Данилова, А.В. Дулов, Н.Н. Егоров, Е.П. Ищенко, В.Я. Колдин, И.М. Комаров, А.В. Кудрявцева, В.К. Лисиченко, Н.П. Майлис, С.П. Митричев, Е.Р. Россинская, Н.А. Селиванов, В.А. Снетков, И.Н. Сорокотягин, А.Р. Шляхов, Н.Г. Шурухнов и др. При изучении изданий становится понятно, что единого мнения по поводу криминалистических методик, применяемых на практике, до сих пор не

выработано. Не определено их назначение, структура, содержание.

На сегодняшний день при расследовании преступлений, особо тяжких в том числе, следователь имеет возможность пользоваться специально разработанными рекомендациями. Практика же показывает, что эти рекомендации далеко не совершенны, а значит, должны дорабатываться и изменяться в соответствии с требованиями научно-технического прогресса. Кстати сказать, данная проблема касается не только сотрудников следственных органов (следователей, оперативных работников и дознавателей), но и судебной практики.

После вступления в силу Федерального закона № 23-ФЗ от 04.03.2013 г., который внес изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, появилась возможность

привлекать экспертов на стадии предварительного расследования с целью назначения и производства соответствующей судебной экспертизы. Однако законодатель не до конца проработал положения, регламентирующие данный аспект, что требует доработки действующих положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Данный факт стал причиной многочисленных споров, которые нашли отражение во множестве научных трудов [1–7]. И по сей день на практике следователи сталкиваются с трудностями при необходимости назначить судебно-криминалистическую экспертизу на стадии предварительного расследования.

Одновременно с этим ввиду вышеупомянутых недоработок в законодательстве и сами криминалисты стали заложниками обстоятельств. 20 ноября 2013 года Государственная Дума приняла Федеральный закон № 306504-6, регламентирующий деятельность судебно-криминалистических экспертов. Принятие ФЗ в первом чтении вызвал резонанс, и в проект закона пришлось вносить ряд изменений. Ввиду множества противоречий, и отсутствия согласованности представителей законодателя дальнейшее продвижение данного Федерального закона было приостановлено.

В.А. Семенцов приводил доводы о том, что законодательные органы не взяли в учет необходимость продумать формально-правовые основания для привлечения судебных экспертов в период досудебного расследования. Следователь наделяется полномочиями выносить постановление о производстве судебно-криминалистической экспертизы в рамках предварительного расследования, как прописано в п. 25 ст. 5 УПК РФ [8, с. 116].

Судебная экспертиза является ни чем иным как процессуальным действием, в рамках которого проводится специальные исследования, а их результаты фиксируются в форме заключения. Это необходимо в случае, если без специальных научных познаний невозможно установить факты и следы преступления. Цель экспертизы – обеспечить достаточную основу для принятия дальнейших решений в ходе расследования [9].

Под предметом судебно-криминалистической экспертизы следует понимать интегрированное воплощение решаемых экспертизой задач. Сама же экспертиза нацелена на отра-

жение конкретных аспектов предмета исследования (элементы, шаги, последовательности, этапы и т.д.) [7, с. 45].

А.В. Варданян и Г.М. Овсепян попытались определить роль специальных познаний и их значимость в процессе расследования следующим образом. Привлечение экспертов позволяет получить научно обоснованные результаты исследования с учетом независимости их мнения и суждений, которые также основываются исключительно на научной основе. Использование специализированных методов и методик дает возможность установить факты и обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к расследованию [10, с. 68].

С развитием науки и техники доступность специальных, в том числе научных знаний существенно расширилась, поэтому законодатель оценивает заключения эксперта по общим правилам оценки доказательств [11, с. 255].

Несмотря на то, что законодательство предоставляет право следователям назначать судебно-криминалистические экспертизы на стадии предварительного расследования, многие из них оказались к этому не готовы. Опрос среди сотрудников следственных подразделений, проходивших курсы повышения квалификации в Восточно-Сибирском институте МВД России в виде анкетирования, показал, что в регионах и отдельно взятых городах России данная практика применяется по-разному. По специально разработанной анкете было опрошено 154 сотрудника органов внутренних дел, находившихся на курсах повышения квалификации в Восточно-Сибирском институте МВД России за 2016–2017 учебный год.

В одних случаях экспертизы на стадии предварительного расследования назначаются часто, когда следователь самостоятельно преследует цель установить факты, выявить следы, определить обстоятельства и т.д. В других отделах полиции данная практика применяется по требованию прокуратуры. Хотя, А.В. Варданян указывал на то, что именно следователь наделяется прерогативой назначать судебные экспертизы [12, с. 170]. Несмотря на это эксперты на стадии предварительного расследования следственными органами некоторых отделов полиции привлекаются редко.

В случаях, когда прокуратура удовлетворяет законное требование участников следственного процесса на проведение повторной

экспертизы, ее целесообразность можно считать сомнительной. В данном случае можно говорить, что имеет место дублирование экспертных исследований, если ранее следователь уже выносил постановление о проведении экспертизы. Законодатель попытался уйти от этой проблемы, когда отменил справки, оформляемые на стадии предварительного расследования. Однако не удовлетворить требование провести повторное исследование прокуратура права не имеет.

На практике данный факт указывает на успешность применения данной возможности в рамках противостояния обжалованию ранее полученных заключений при попытке запутать следователя и направить расследование по ложному пути. В данном случае лица, требующие проведение повторной экспертизы на стадии предварительного расследования, стараются превратить доказательства в недопустимые, то есть полученные с нарушениями норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Подобное происходит на всех стадиях, включая апелляционное обжалование приговора, когда защитник подсудимого пытается довести до суда, что ранее полученное заключение экспертов, приобщенное следователем к делу, является недопустимым, а значит, не может быть отнесено к разряду объективных доказательств причастности подзащитного к преступлению. При этом защитник указывает на то, что назначение и проведение экспертного исследования, хотя и являлось неотложным следственным мероприятием, может быть признанным недопустимым, так как экспертиза должна быть назначена уже после возбуждения уголовного дела, чего следователь не сделал, так как приобщил к делу заключение, полученное на стадии предварительного расследования [13].

Проблем на самом деле две. С одной стороны суды зачастую становятся на сторону защиты и удовлетворяют их требования. С другой, имеет место противодействие экспертов, которые убеждены, что экспертиза на стадии предварительного расследования нецелесообразна, и в большинстве случаев является не более чем «работой на корзину». В данном случае эксперты ссылаются на большие временные затраты и загруженность, так как необходимо проводить экспертное исследование с применением

специализированного оборудования, специальных научных методов и методик. Результаты фиксируются в заключении, где все это должно быть описано. При этом необходимо вести фото- или видеофиксацию, а записи и снимки приобщать к оформляемому заключению. Предварительное же исследование, назначаемое следователем в рамках предварительного расследования, менее затратное по времени, и менее трудоемкое.

Более того, часто случается, что именно на основании заключения экспертов следователь отказывается в возбуждении уголовного дела, и получается, что экспертиза была нецелесообразна, так как она не способствовала формированию доказательной базы. Работники экспертных подразделений в данных случаях указывают на большой объем ненужной работы.

Следователи же сталкиваются с другой сложностью, возникающей на стадии предварительного расследования. Заключение экспертов приходится долго ждать. Справка о результатах исследования в упрощенном порядке решила бы эту проблему, но данный порядок уже не действует. Проволочка в следствии, связанная с ожиданием результатов экспертизы, не позволяет раскрыть уголовное преступление «по горячим следам», так как уголовное дело еще не заведено, и без заключения экспертов розыскные мероприятия не могут быть продолжены.

Можно предположить, что при правильном подходе данную проблему можно решить, если следователь четко определит задачу, поставленную перед экспертами. На стадии предварительного расследования задача экспертизы – определить аспекты, указывающие на необходимость возбудить уголовное дело или отказать в его возбуждении. Если же факт преступления установлен, и на то указывают результаты предварительной экспертизы, следователь уже в рамках следственных мероприятий должен назначить повторную экспертизу, чтобы получить более полное заключение об исследовании рассматриваемого объекта. С другой стороны, это не всегда возможно ввиду того, что сам объект со временем может стать непригодным для исследования, что также необходимо учитывать следователю, который назначает проведение судебно-криминалистической экспертизы на стадии предварительного расследования. В случае положительных

результатов, указывающих на наличие состава преступления, возбуждается уголовное дело, в обратном случае – оформляется отказной материал [14, с. 65; 15, с. 205].

На основании вышесказанного делаем вывод, что законодатель недостаточно четко регламентировал порядок действий следователя на стадии предварительного расследования в аспекте привлечения судебных экспертов. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нуждается в доработке и редактировании. Причем речь идет о комплексном подходе к решению данного вопроса. Это связано с тем, что вносимые ранее изменения в законодательстве были разрозненными и фрагментарными, что в свою очередь стало поводом для споров, и со временем возникает все большее число противоречий, которые снижают эффективность деятельности следователей.

Необходимо также заметить, что в законодательстве нет прямого упоминания об ответственности, наступающей в случае выдачи за-

ведомо ложных результатов предварительного исследования до стадии возбуждения уголовного дела экспертом, выступающим в роли специалиста, когда в силу неких причин эксперт указывает неправильные результаты, скрывая истинные итоги исследования. Таким образом, если заведомо ложное суждение выдается на стадии предварительного расследования, данная проблема не возникает. Соответственно, стадия проверки сообщения о совершении преступления, как и заведомо неверное суждение специалиста, ускользнули из поля зрения законодателя.

В уголовно-процессуальном законодательстве также отсутствуют упоминания о разглашении результатов проведенной экспертизы, что также требует доработки с внесением соответствующих изменений в УПК РФ. Решение перечисленных в настоящей статье проблем позволит повысить эффективность расследований и работы следственных органов на всех стадиях, включая стадию предварительного расследования.

Литература

1. Ашуров В.К. Практика назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Судебная экспертиза. 2013. № 3 (35).
2. Баев М.О. Заметки об очередных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2.
3. Зайцева Е.А. Новая практика назначения и производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2.
4. Кравцова С.В. Производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-1.
5. Синенко С.А. О новых правах потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела в связи с назначением и производством экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7.
6. Тарасов А.А. Судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона «О государственной судебно-

Bibliography

1. Ashurov V.K. The practice of appointing a forensic examination at the stage of initiating a criminal case // Forensic examination. 2013. № 3 (35).
2. Baev M.O. Notes on the next changes in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (on the novelties of the Federal Law № 23-FZ of March 4, 2013) // Judicial Power and Criminal Procedure. 2013. № 2.
3. Zaitseva E.A. New practice of appointment and production of forensic examinations at the stage of initiation of a criminal case // Izvestia of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. № 4-2.
4. Kravtsova S.V. Production of forensic examinations at the stage of initiation of a criminal case // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2013. № 11-1.
5. Sinenko S.A. On the new rights of the victim at the stage of initiating a criminal case in connection with the appointment and production of an examination // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 7.
6. Tarasov A.A. Forensic examination before initiating a criminal case in the context of the

экспертной деятельности» // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1 (68).

7. Варданян А.В., Мирзоян С.С. Общие положения судебной строительно-технической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2014. № 4 (65).

8. Семенцов В.А. Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве: некоторые современные проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31).

9. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05. 2001 № 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013 № 317-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291; Ст. 9.

10. Варданян А.В., Овсепян Г.М. Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением требований пожарной безопасности: тактико-криминалистический потенциал, проблемы назначения и производства // Философия права. 2015. № 1 (68).

11. Данилова И.А. Процессуальные и тактические особенности использования специальных знаний (производство экспертизы и допрос эксперта) / И.А. Данилова, С.П. Кушниренко, Т.Г. Николаева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30).

12. Варданян А.В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2.

13. Апелляционное определение № 22-440/2016 от 19 января 2016 г. по делу № 22-440/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/EHT6Efeffl16x>.

14. Никонович С.Л. Особенности применения специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник криминалистики. 2011. № 4 (40).

16. Никонович С.Л. Незаконный оборот драгоценных металлов и камней: теория и практика расследования: монография. М., 2011.

Federal Law «On State Forensic Expert Activity» // Eurasian Law Journal. 2014. № 1 (68).

7. Vardanyan A.V., Mirzoyan S.S. General provisions of judicial construction and technical expertise in criminal proceedings // Philosophy of law. 2014. № 4 (65).

8. Sementsov V.A. Forensic examination in criminal proceedings: some modern problems // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 4 (31).

9. On the state forensic expertise in the Russian Federation: Feder. law of 31.05. 2001 № 73-FZ (as amended on November 25, 2013 № 317-FZ) // SZ RF. 2001. № 23. Art. 2291; Art. 9.

10. Vardanyan A.V., Hovsepyan G.M. Forensic examinations in criminal cases on crimes related to violation of fire safety requirements: tactical and forensic potential, problems of appointment and production // Philosophy of Law. 2015. № 1 (68).

11. Danilova I.A. Procedural and tactical features of the use of special knowledge (production of expertise and interrogation of an expert) / I.A. Danilova, S.P. Kushnirenko, T.G. Nikolaeva // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. № 2 (30).

12. Vardanyan A.V. Some problems of appointing a psychological and psychiatric examination in the investigation of violent encroachments on the life and health of a person committed by subjects with mental disorders that do not exclude sanity // Izvestia of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2014. № 2-2.

13. Appellate ruling № 22-440 / 2016 dated January 19, 2016 in case № 22-440/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/EHT6Efeffl16x>.

14. Nikonovich S.L. Features of the use of special knowledge in the investigation of crimes committed in the sphere of illegal circulation of precious metals and precious stones // Bulletin of criminalistics. 2011. № 4 (40).

15. Nikonovich S.L. Illegal circulation of precious metals and stones: theory and practice of investigation: monograph. Moscow, 2011.

Осяк Валентина Владимировна
Osyak Valentina Vladimirovna

заведующий кафедрой криминалистики Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Forensic Science, the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: osyak.v@mail.ru

Алескеров Вагиф Исмаилович
Aleskerov Vagif Ismailovich

профессор кафедры оперативно-технических мероприятий ОВД Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Professor, the Department of Operational and Technical Measures of Internal Affairs of the All-Russian, the Advanced Training Institute of Officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: vagif-aleskerov@mail.ru

Колокольчикова Ольга Николаевна
Kolokolchikova Olga Nikolaevna

старший преподаватель кафедры оперативно-технических мероприятий ОВД Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России.

Senior Lecturer, the Department of Operational and Technical Measures of Internal Affairs of the All-Russian, the Advanced Training Institute of Officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: o.n.kolokolchikova@yandex.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**
**Modern aspects of countering crimes of terrorist and extremist directions made
with the use of information and telecommunication technologies**

В статье подвергнуто анализу современное состояние противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности, совершаемым с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации. Авторами рассмотрены основные мероприятия в области профилактики экстремизма и терроризма с использованием сети интернет в том числе и в молодежной среде.

Ключевые слова: противодействие, компьютерная информация, сфера телекоммуникаций, профилактика, терроризм, экстремизм, кибератаки, киберугроза, молодежный экстремизм.

The article analyzes the current state of counteraction to crimes of a terrorist nature and extremist orientation, committed using the sphere of telecommunications and computer information. The authors considered the main measures in the field of prevention of extremism and terrorism using the Internet among the youth.

Key words: counteraction, computer information, telecommunications, prevention, terrorism, extremism, cyber attacks, cyber threat, youth extremism.

В настоящее время современное общество находится на стадии значительных преобразований в области экономики, финансов, промышленных технологий, научных достижений, медицины и других направлений дея-

тельности. Одним из ключевых моментов в этой цепи является быстро развивающаяся сфера телекоммуникаций и компьютерной информации, прогресс которой, весьма, очевиден. Возможности данной сферы широко используются всеми

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

социальными и возрастными слоями мирового общества. Однако, наряду с этим, технологическими возможностями новейших достижений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, к сожалению, пользуются лица, склонные к совершению тяжких и особо тяжких видов преступлений, в том числе террористической и экстремистской направленности.

Анализ состояния преступности в России в отношении зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности за период с 2016 по 2020 годы позволяет сделать вывод о том, что криминогенная обстановка далеко не однозначна и колеблется как в сторону повышения, так и в сторону понижения (см. рисунок 1).

Прогноз развития ситуации за последнее десятилетие показывает, что после непрерывного роста количества зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности с 2010 по 2015 годы, в период с 2016 по 2019 гг. наблюдается их сокращение. Однако в период с 2019 по 2020 гг. количество рассматриваемых видов преступлений возросло на 32,7 % (см. рисунок 2).

На территории Ростовской области также отмечается рост количества преступлений

рассматриваемой категории. Так, за 12 месяцев 2020 года зарегистрировано 66 преступлений экстремистской и террористической направленности (в 2020 году – 47), из них 50 террористического характера (в 2020 году – 24).

При этом, как показывают статистические данные, в последние годы на первый план выступают преступления, совершаемые с использованием сети Интернет. Важно отметить, что преступления террористического характера и экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации, несут глобальные угрозы. Ущерб, наносимый этими видами преступлений, представляет высокую степень опасности. Преступления данного вида обретают новые формы, а их пространственные масштабы расширяются [1, с. 111–113].

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что Интернет по-прежнему остается основным средством радикализации молодежи. При этом наибольшей популярностью у экстремистов пользуются такие социальные сервисы, как «Одноклассники» и «ВКонтакте», позволяющие быстро распространять радикальные идеи среди многомиллионной аудитории пользователей. Так, по экспертным оценкам в настоящее время действует

Рис. 1. Сведения о количестве зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности с 2016 по 2020 годы

Рис. 2. Динамика зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности с 2010 по 2020 годы

более 2 000 интернет-ресурсов экстремисткой и террористической направленности. Вместе с тем блокировка доступа к запрещенному ресурсу сегодня малоэффективна, так как закрытие операторами связи доступа к контенту по сетевому адресу либо в доменной зоне позволяет радикалам без особых усилий обходить ограничения путем регулярной смены IP-адреса или администрирования из-за рубежа. Важно учитывать то, что блокировка страниц экстремистов в социальных сетях поспособствовала тому, что последние перешли к «подпольному» образу существования – в виде закрытых чатов и сообществ либо использования VPN-приложений и подменных сим-карт для невозможности своей онлайн-идентификации.

Безусловно, преступления террористического характера и экстремистской направленности содержат в своей основе огромную подготовительную работу. Зная о том, что в настоящее время существует немалая зависимость подрастающего поколения от интернета, злоумышленники через различные сайты социальных сетей активно подбирают среди молодежи и несовершеннолетних кандидатов на последующее вовлечение этих лиц в преступную деятельность. Для осуществления своего преступного замысла террористы или экстремисты активно используют сферу телекоммуникаций и компьютерной информации, демонстрируя материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а также материалы, относящиеся к

преступлениям против здоровья населения [2, с. 308–309], общественной безопасности и нравственности, против основ конституционного строя и безопасности государства. Молодые лица, которые откликаются на демонстрацию перечисленных материалов, попадают в список будущих кандидатов. С этого момента начинается следующий этап вербовочной работы над кандидатами для проведения с ними психологического и агитационного воздействия, конечной целью которого является их реальная вербовка к совершению будущих тяжких и особо тяжких преступлений.

В этой связи следует отметить, что Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определены основные направления противодействия, к которым относятся: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, а также выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Безусловно, решение этой задачи требует от государства использования разнообразных форм и методов прежде всего правового воздействия, причем, исходя из смысла ст. 5 указанного Закона основная часть всей профилактической деятельности представлена

правовыми средствами, применяемыми в различных аспектах федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Следует отметить, что теоретические основы профилактики экстремизма в достаточной степени освещены в научной литературе [3, с. 74–76; 4, с. 26–27], так, например, В.Т. Азизова указывает, что среди методов воздействия при профилактике экстремизма приоритетным является метод убеждения [4, с. 27], который, в свою очередь, эффективен через использование таких средств профилактики экстремистским проявлениям, как обучение, пропаганда, разъяснительная работа, критика и др. Если же говорить о противодействии распространения идеологии терроризма и экстремизма в сети интернет, то, безусловно, одним из действенных методов является предотвращение достижения экстремистской информацией целевой аудитории, т.е. борьба с распространением подобной информации [5, с. 58–64]. Обеспечивается это только путем постоянного мониторинга интернет-среды.

В этой связи хотелось отметить, что в настоящее время профилактическая работа, а также работа по выявлению и раскрытию рассматриваемых видов преступлений осуществляется путем тесного взаимодействия следственных подразделений с сотрудниками подразделений специальных технических мероприятий, центра по противодействию экстремизму и Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, что положительно сказывается на результате раскрываемости подготавливаемых или уже совершенных преступлений [6, с. 113–116; 7, с. 67–69]. Результатом такого взаимодействия является проводимый на постоянной основе мониторинг Интернет-среды, позволяющий своевременно отслеживать материалы определенной тематики и оперативно удалять или блокировать к ним доступ, а также выявлять в информационном пространстве лиц, разжигающих межнациональную ненависть и вражду и оправдывающих террористическую деятельность [8, с. 103–104; 9, с. 46].

В Ростовской области данный мониторинг помимо Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций осуществляет созданная в структуре Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Ростовской области группа, основными задачами которой являются анализ и прогнозирование экстреми-

стских и террористических угроз на территории региона, а также реализация акций по информационному противодействию выявленным угрозам. В целях исключения фактов вовлечения молодежи в различные движения радикального толка, в рамках мониторинга особое внимание уделяется ранней профилактике экстремистских проявлений со стороны лиц, размещающих комментарии и производящих репосты запрещенного контента. Это, безусловно, является важным инструментом противодействия экстремистской и террористической пропаганды.

Учитывая то, что интернет сегодня является мощным технологичным средством организации многотысячных митингов, направленных на совершение государственных переворотов, особое внимание правоохранителями уделяется поиску в сети общедоступной информации с призывами к участию в несогласованных акциях. Так, эффективно организованное взаимодействие с провайдерами «ВКонтакте» и «Одноклассники» позволило в течение 2019 и 2020 года своевременно выявить и пресечь противоправную деятельность сторонников леворадикальных движений лиц, призывавших в сети интернет к массовым беспорядкам на территории г. Ростова-на-Дону.

Одновременно в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации и Следственного Комитета Российской Федерации активизирована работа по подготовке сотрудников, которые по своим функциональным обязанностям призваны выявлять, раскрывать и расследовать преступления террористического характера и экстремистской направленности. Данный путь целевой профессиональной подготовки специалистов, в том числе и в рамках дополнительного профессионального образования, безусловно, дает свои положительные результаты.

Тем не менее, имеющийся потенциал правового противодействия различным формам проявления экстремизма в сфере информационного-телекоммуникационных технологий не всегда используется в полной мере. Более того, по мнению ряда специалистов в данной области, одним из недостатков нынешних мер по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма является отсутствие согласованности в действиях различных структур, так как весь комплекс мер со стороны государственных и иных органов осуществляется в хаотическом порядке. Следовательно, первостепенной задачей правоприменителей на современном этапе является реализация

системного подхода к этой работе. Кроме того, необходимо тщательно анализировать складывающуюся криминогенную обстановку, расширять источники информации, способствующие своевременному предупреждению рассматриваемой категории преступлений.

Учитывая изложенное, успех в работе по повышению эффективности противодействия преступлениям экстремистской и террористической направленности, совершаемым с использованием средств телекоммуникаций и компьютерной информации, на наш взгляд, может быть достигнут только путем комплек-

са правовых, социально-экономических, оперативно-аналитических и профилактических мероприятий, в том числе направленных на поиск в русскоязычном сегменте сети интернет ресурсов, распространяющих идеологию терроризма, вовлекающих граждан в террористическую деятельность, содержащих материалы экстремистского характера, а также поиск организаций и лиц, использующих информационное пространство для пропаганды своих идей и координации совместных противоправных действий.

Литература

1. Алескеров В.И., Баранов В.В. Телекоммуникация и киберпространство как средство преступлений экстремистской и террористической направленности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1(53).

2. Зырянов И.В., Осяк В.В. Понятие и характерные черты насилия в сфере семейно-бытовых отношений // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148).

3. Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

4. Азизова В.Т. Теоретико-правовые основы профилактики экстремистской деятельности как направления противодействия экстремизму в РФ // Вестник Дагестанского университета РФ. 2016. Т. 31. Вып. 4.

5. Ермаков П.Н., Абакумова И.В., Штейнбух А.Г. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы: методическое пособие. М., 2018.

6. Бутенко А.С., Осяк В.В. Зарубежный опыт взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества по противодействию экстремизму в сети интернет // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2020. № 1 (45).

7. Батюкова В.Е. Актуальные проблемы противодействия экстремизму в молодежной среде // Государственная служба и кадры. 2020. № 1.

8. Жиров Р.М. Информационные ресурсы в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде // Закон и право. 2020. № 1.

Шхагапсоев З.Л., Голяндин Н.П. Молодежный экстремизм и его профилактика в современных условиях // Философия права. 2014. № 5 (66).

Bibliography

1. Aleskerov V. I., Baranov V. V. Telecommunications and cyberspace as a means of crimes of extremist and terrorist orientation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (53).

2. Zyryanov I.V., Osyak V. V. The concept and characteristic features of violence in the sphere of family and household relations. 2020. № 9 (148).

3. Petryanin A.V. Countering extremist crimes: criminal-legal and criminological aspects: abstract of the dis. ... Doc. of Law. Moscow, 2014.

4. Azizova V.T. Theoretical and legal foundations of the prevention of extremist activity as a direction of countering extremism in the Russian Federation // Bulletin of the Dagestan University of the Russian Federation. 2016. Vol. 31. Issue 4.

5. Ermakov P.N., Abakumova I.V., Shteynbukh A.G. Prevention of extremism and terrorist behavior of young people in the Internet space: traditional and innovative forms: methodological guide. Moscow, 2018.

6. Butenko A.S., Osyak V.V. Foreign experience of interaction of law enforcement agencies with civil society institutions on countering extremism on the Internet // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2020. № 1 (45).

7. Batyukova V.E. Actual problems of countering extremism in the youth environment // State Service and Personnel 2020. № 1.

8. Zhirov R.M. Information resources in the field of countering extremism in the youth environment // Justice and law. 2020. № 1.

9. Shkhagapsoev Z. L., Golyandin N.P. Youth extremism and its prevention in modern conditions // Philosophy of Law. 2014. № 5 (66).

**Солонникова Нина Валерьевна
Solonnikova Nina Valeryevna**

доцент кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Forensic Science, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: nina5846526@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**
Peculiarities of criminalistic characteristics of crimes committed by minors

В статье рассмотрены особенности криминалистической характеристики преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Проанализированы следующие элементы: личность несовершеннолетнего преступника, личность жертвы, предмет посягательства, способ совершения, особенности следовой картины.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступник, подросток, потерпевший, след, способ совершения преступления, криминалистическая характеристика.

The article examines the features of the forensic characteristics of crimes committed by minors. The identity of the juvenile offender, the identity of the victim, the object of the assault, the method of committing crime, the features of the trail are analyzed.

Key words: minor, criminal, teenager, victim, trail, method of committing a crime, forensic characteristics.

С начала 70-х годов прошлого столетия в юридическую литературу прочно вошло понятие «криминалистическая характеристика преступлений». Л.А. Сергеева считают первым ученым, предложившим определение криминалистической характеристики, и определил он ее как «особенности преступлений отдельных видов, имеющие значение для следственной практики и для разработки научных рекомендаций» [1, с. 425].

Уголовно-процессуальный закон содержит положения, касающиеся предмета доказывания независимо от состава преступления (ст. 73, 421 УПК РФ), в свою очередь, криминалистическая характеристика является базой для разработки частных криминалистических методик. Она развивается, дополняется с учетом современной практической деятельности правоохранительных органов за счет достижений криминалистики, криминологии, оперативно-розыскной деятельности и ряда других наук.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что несовершеннолетние граждане, являясь личностью еще недостаточно сформированной, могут быть «исправлены» благодаря деятельности правоохранительных органов.

Своевременное пресечение и раскрытие преступлений, совершенных несовершеннолетними, реализуют принципы законности, справедливости и неотвратимости наказания, что, безусловно, положительно влияет на подростков, как на будущих взрослых граждан нашей страны.

Учитывая содержание криминалистической характеристики, рассмотрим особенности основных ее элементов, применимо к преступлениям, совершаемым на территории России несовершеннолетними, являющимися субъектами преступлений.

В январе-декабре 2020 года на территории России зарегистрировано 2 044 221 преступлений, из них 37 771 совершено несовершеннолетними [2].

Несовершеннолетний – это лицо, не достигшее восемнадцати лет, но субъектом преступления может быть лицо от четырнадцати лет, в зависимости от состава преступления (ст. 20 УК РФ).

Рассмотрим личность несовершеннолетнего преступника как основополагающий элемент криминалистической характеристики, обуславливающий иные.

За основу изучения личности несовершеннолетнего преступника приводим данные на лиц, осужденных за период времени с 2008 по 2020 год [3].

В 2008 году осуждено 73 333 подростка, в 2014 – 23 586, то в 2020 – 14 703.

Из них мужчин в 2008 году – 67 440 (91 %), женщин – 5 895 (8 %); в 2014 – 22 034 (93 %) мужчин, 1 552 (7 %) женщин; в 2020 году мужчин – 13 564 (92,25 %), женщин – 1 139 (7,75 %). Сохраняется тенденция совершения преступлений подростками мужского пола.

По возрастному критерию преобладают лица в возрасте 16–17 лет по сравнению с 14–15-летними, например, в 2008 году осуждено несовершеннолетних в возрасте 14–15 лет – 21 657 человек, 16–17 лет – 51 676; в 2020 осуждено подростков в возрасте 16–17 лет – 10 076, в возрасте 14–15 лет – 4 627.

Из числа осужденных несовершеннолетних преобладают лица учащиеся, их порядка 60 % от общего числа осужденных несовершеннолетних. Наблюдается тенденция снижения числа работающих несовершеннолетних, если их в 2008 году было порядка 6 %, в 2014 году около 3 %, в 2020 около 2 %.

Практически неизменна ситуация по количеству подростков, которые на момент привлечения к уголовной ответственности не учились и не работали, в 2008 году их – 31 %, в 2014 и 2020 годах – 26 %. Тенденция прямо скажем не самая благоприятная для нашего общества и будущего нашей страны.

Несовершеннолетних, имеющих неснятые и непогашенные судимости на момент совершения преступления – 22 %, 18 %, 20 % соответственно.

Воспитывались в полной семье в 2008 году – 30 517 (41 %), в 2014 – 10 446 (44 %), в 2020 – 7 975 (54 %). Порядка 33–35 % несовершеннолетних воспитывались одним родителем. Воспитывались вне семьи 9–12 %. 15 % несовершеннолетних состоят на учете в специализированном органе.

Особенности психики подростков, желание подражать, идти за «лидером», проводить время в компании, самоутвердиться, подтверждены данными и том, что каждое второе преступление совершено группой лиц, каждое пятое в соучастии с взрослым.

Каждое десятое преступление подростком совершено в состоянии алкогольного опьянения,

каждое тридцатое в наркотическом или ином опьянении.

Учитывая особенности характеристики личности подростка-преступника, необходимо обратить внимание на предмет посягательства.

Лидируют преступления против собственности за них в 2020 году осуждено – 11 557 несовершеннолетних; против здоровья населения и общественной нравственности – 1 353; за преступления против жизни и здоровья осуждено 889 человек; за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности – 225, преступления против порядка управления – 192, за преступления против общественной безопасности – 143, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта – 123.

По составам преступлений преобладают – кражи, грабежи, разбои, угоны, преступления, связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Как правило, похищают несовершеннолетние деньги, материальные ценности, легко сбываемые, пользующиеся спросом в молодежной среде, не имеющие большой материальной ценности, например, продукты питания и напитки, одежду, обувь, аксессуары, средства передвижения, сотовые телефоны, компьютерную технику и др.

«...Примерно в 23 часов 30 минут несовершеннолетний О. с целью совершения кражи чужого имущества, через проем в потолочном перекрытии незаконно проник в помещение магазина “Сабру”, откуда тайно похитил шоколадные батончики, шоколадные конфеты, две пачки чипсов, пачку сигарет, три пачки сухариков, пачку лапши “Ролтон”, две пачки жевательной резинки, пачку семечек и зажигалку, причинив последнему материальный ущерб на общую сумму 495 рублей» [4].

Учитывая тот факт, что несовершеннолетние не достаточно сформированы физически, психологически, проявляют агрессию, жестокость, находясь в компании, употребляют алкоголь и наркотики, и как следствие совершают преступления против жизни и здоровья граждан.

Руководствуются подростки, как правило, корыстными побуждениями, одни в силу нужды, когда их первичные потребности не удовлетворяют законные представители либо лица

их заменяющие, другие в силу безнаказанности и вседозволенности, а также хулиганскими побуждениями, что обусловлено такими особенностями поведения, как эмоциональная нестабильность, желание самоутвердиться, завоевать авторитет, различными зависимостями.

Подростки совершают противоправные деяния в общественных местах, таких как, улицы, парки, скверы, территории около учебных заведений, дворы недалеко от мест проживания, увеселительных заведениях, местах общественного питания, магазинах, участках местности, пляжах, так и в квартирах, частных домовладениях, дачах. Возрастает количество преступлений во время каникул, после занятий или работы, предпраздничные и праздничные дни. Преступность несовершеннолетних имеет также сезонный характер.

Исходя из особенностей личности несовершеннолетнего, рассмотрим особенности способа совершения противоправного деяния. Разделяя способ на этапы, такие как подготовка, непосредственно совершение преступления и его сокрытие, необходимо отметить, что подросток в большей степени, чем взрослый, действует под влиянием эмоций, «толпы», отсутствие жизненного опыта и уровня знаний, приводит к тому, что подготовка к совершению преступления либо отсутствует, либо сведена к минимуму.

«...01.10.2019 в период с 15 часов 03 минуты по 16 часов 20 минут несовершеннолетний А., увидел сумку на велосипеде, принадлежащую малолетнему В., оставленную последним без присмотра и надлежащей охраны, подошел, к указанной сумке, путем свободного доступа, тайно похитил, положив в карман куртки мобильный телефон, после чего ушел» [5].

Способы совершения преступления, с одной стороны, примитивны, иррациональны, с другой, в случае подражания взрослым либо в силу особенностей психики, жестокости, не соответствуют преступному результату, показывают явное пренебрежение к нормам морали, нравственности, общепринятым правилам поведения. Например, «...в период с 23 час. по 23 час. 55 мин. 19.05.2020г. несовершеннолетний М., находясь возле первого подъезда нанес потерпевшему С. удар рукой в живот, а затем ногой в голову, убедившись, что С. напуган, открыто, умышленно, из корыстных побуждений похитил сотовый телефон, далее пошел домой, где и оставил похищенное» [6].

Среди орудий преступления преобладают предметы бытового назначения, подручные средства. Сокрытию преступления подростки уделяют незначительное внимание. Похищенным имуществом распоряжаются в личных целях, хранят у себя в жилище, либо вблизи от него. Еще одной особенностью, является групповой способ совершения преступления. Он присущ подросткам, как желание показать себя, добиться внимания, авторитета, подчинить себе.

«...Несовершеннолетний А. в вечернее время он пришел в гости к А.Ш., гуляя по улице, обратили внимание на дом, в котором длительное время никто не проживал. Они договорились проникнуть в дом и совершить кражу. 30.12.2019, примерно 01 час 40 минут, А. пришел домой к А.Ш. и разбудил его. После чего они пошли на совершение кражи. Проникли в дом через входную дверь, подобрав через 20–30 минут комбинацию к замку. Похитили нетбук и ноутбук, видеокамеру, золотые и серебряные ювелирные украшения, сотовые телефоны. Имущество поделили на его заброшенной даче. Ювелирные изделия сдали в ломбард, где им заплатили 10 000 рублей» [7].

Особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя, способа совершения преступления отражаются на следовой картине, она, как правило, разнообразна. Помимо традиционных материальных следов, таких как следы ног, обуви, рук, несовершеннолетние, учитывая, предмет посягательства, оставляют следы зубов, например, на продуктах питания, губ, следы хулиганской направленности – нецензурные надписи, испражнения, излишние разрушения материальных объектов.

Показания потерпевших, свидетелей или подозреваемых содержат идеальные следы, которые в процессе расследования помогут установить преступника. При получении информации необходимо обращать внимание на описание внешности преступника, его голоса, одежды, окружения, особенности поведения. Если совершению преступления предшествовало знакомство и совместное времяпрепровождение, необходимо выяснить где, когда и при каких обстоятельствах оно произошло, кто присутствовал, роли каждого, характер взаимоотношений и их продолжительность.

Учитывая личностные характеристики, присущие несовершеннолетним преступникам, потерпевшими могут быть несовершеннолетние,

в том числе малолетние, одноклассники, сослуживцы, а также лица старше по возрасту, к ним можно отнести, знакомых и незнакомых, в том числе, родственников. Одной из особенностей характеристики потерпевших является их беспомощное состояние по причине возраста, состояния здоровья либо опьянения. Учитывая превосходство в физической силе взрослого лица, для несовершеннолетних характерен группой способ совершения преступления.

Литература

1. Сергеев Л.А. Криминалистика. М., 1971.
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 г. URL: https://crimestat.ru/offenses_map.
3. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2020 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
4. Постановление № 1-23/2019 от 22 апреля 2019 г. по делу № 1-23/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1xYPIEBflt1X>.
5. Приговор № 1-83/2020 от 16 июля 2020 г. по делу № 1-83/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wH4yF5QILAWP>.
6. Приговор № 1-195/2020 от 24 июля 2020 г. по делу № 1195/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PpVFFE6c89NT>.
7. Приговор № 1-336/2019 от 16 сентября 2019 г. по делу № 1-336/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yFkcTrKJtlIL>.

Криминалистическая характеристика носит информационный характер, выступает первоосновой формирования любой частной методики расследования.

Значение криминалистической характеристики преступления состоит в предоставлении практическим сотрудникам органов внутренних дел возможности эффективно действовать и принимать решения в условиях острого дефицита информации уже на самых ранних стадиях расследования.

Bibliography

1. Sergeev L.A. Criminalistics. Moscow, 1971.
2. The state of crime in Russia in January–December 2020. URL: https://crimestat.ru/offenses_map.
3. Basic statistical indicators of the state of convictions in Russia for 2008–2020. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
4. Resolution № 1-23/2019 from 22 April 2019 year in a criminal case № 1-23/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1xYPIEBflt1X>.
5. Verdict №1-83/2020 from 16 July 2020 year in a criminal case № 1-83/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Amr9Es4dxQVj>.
6. Verdict № 1-195/2020 from 24 July 2020 year in a criminal case № 1195/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PpVFFE6c89NT>.
7. Verdict № 1-336/2019 from 16 September 2019 year in a criminal case № 1-336/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yFkcTrKJtlIL>.

**Шараева Яна Анатольевна
Sharaeva Yana Anatolyevna**

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: yana-sharaeva@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ**

Some problematic aspects of the inquiry production in an abbreviated form

В настоящей статье на основании анализа действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации рассматриваются основные проблемы, возникающие при реализации норм, регламентирующих производство дознания в сокращенной форме. Автором дается характеристика полномочий дознавателя при расследовании преступлений в сокращенной форме дознания и раскрывается обеспечение прав и законных интересов участников процесса при реализации данной формы расследования.

Ключевые слова: дознание, сокращенная форма, ходатайство, постановление, уведомление потерпевшего, доказательства, обвинительное постановление.

In this article, based on the analysis of the current criminal procedure legislation of the Russian Federation, the main problems arising in the implementation of the norms governing the production of an inquiry in an abbreviated form are considered. The author gives a characteristic of the powers of an investigator in the crime investigation in an abbreviated form of inquiry and discloses the provision of the rights and legitimate interests of the participants in the process of the implementation of this form of investigation.

Key words: inquiry, abbreviated form, petition, decision, notification of the victim, evidence, indictment.

В целях дифференциации уголовного судопроизводства в 2013 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации введена сокращенная форма дознания. С каждым годом увеличивается количество уголовных дел, производство по которым ведется в сокращенной форме дознания, однако часто возникают ситуации, при которых на этапе утверждения уголовного дела у прокурора дознаватель вынужден перейти на общий порядок.

В настоящее время правоохранительные органы нуждаются в разработке обоснованных теоретических концепций и практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности производства дознания в сокращенной форме. Рассмотрение ряда возникших в законодательстве и правоприменительной практике проблем, связанных с деятельностью подразделений дознания, представляется, безусловно, актуальным.

Поиск путей повышения эффективности производства дознания в сокращенной форме,

анализ проблем совершенствования данной формы предварительного расследования должны быть направлены, в первую очередь, на соблюдение прав и законных интересов граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Рассмотрим в данной статье основные проблемы, возникающие у сотрудников подразделений дознания при расследовании преступлений в данной форме дознания.

Напомним, что решение о производстве дознания в сокращенной форме оформляется постановлением, которому предшествует определенная процедура. Данная процедура связана с двумя основными положениями:

1) разъяснением подозреваемому права ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме;

2) подача ходатайства и принятие по нему решения.

При рассмотрении заявленного ходатайства, дознавателю необходимо проверить отсутствие обстоятельств, исключающих производ-

ство дознания в сокращенной форме, перечисленных в ст. 226² УК РФ.

Одним из таких обстоятельств является отсутствие возражений со стороны потерпевшего по заявленному подозреваемым ходатайству. Именно с установлением данного обстоятельства, на практике возникли проблемы связанные с тем, в какой момент дознавателю необходимо получить согласие потерпевшего.

О производстве дознания в сокращенной форме дознаватель обязан уведомить потерпевшего в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления, в котором разъяснить право потерпевшего возражать против расследования дела в сокращенной форме. Другой нормы, которая предусматривала бы получения согласия потерпевшего до вынесения постановления законом не предусмотрено. Таким образом, только после уведомления потерпевшего, последний вправе выразить своё отношение по заявленному ходатайству. На наш взгляд, первоначально необходимо получить согласие потерпевшего, а затем принимать решение, исключив, таким образом, перечень тех обстоятельств, при которых невозможно рассмотреть уголовное дело в сокращенной форме.

Решение данной проблемы некоторые авторы видят в необходимости отражения согласия потерпевшего в постановлении о признании его потерпевшим [1, с. 11]. Однако это не совсем верно, поскольку фигура потерпевшего в уголовном деле появляется раньше, чем лицо, совершившее преступление. Вместе с тем, необходимо отметить, что не по всем уголовным делам, подследственным дознавателю, имеется потерпевший. По нашему мнению, при рассмотрении возможности рассмотрения уголовного дела в сокращенной форме при отсутствии потерпевшего по уголовным делам, которые носят публичный характер, затрагивают интересы общества и государства, необходимо получения согласия прокурора. Закрепить данное положение, на мой взгляд, необходимо в нормах уголовно-процессуального закона. Дополнительного научного осмысления требует вопрос о необходимости закрепления перечня составов преступлений, по которым согласие прокурора является обязательным.

Некоторые ученые не видят необходимости в получении согласия потерпевшего в момент вынесения решения дознавателем, ссылаясь на то, что ходатайство подозреваемого

должно быть рассмотрено в течение 24 часов, а за этот срок не всегда возможно получить мнение потерпевшего [2, с. 9].

Таким образом, в целях соблюдения условий, при которых уголовное дело может быть расследовано в сокращенной форме, статью 226⁴ УПК РФ требует значительных уточнений, предусматривающих четкий перечень действий дознавателя для принятия законного и обоснованного решения, с обязательным получением согласия потерпевшего до вынесения постановления о сокращенной форме дознания.

Следующей важной проблемой, возникающей в деятельности подразделений дознания, являются ситуации, при которых прокурором принимается решение о возвращении уголовного дела. Вопрос объема собранных по делу доказательств ставится в зависимость от субъективной оценки дознавателя и прокурора. Так, прокурор Советского района г. Ростова-Дону возвратил уголовное дело в отношении П., совершившего кражу из магазина, со ссылкой на нарушение требований ст. 74, 226⁵ УПК РФ для «...устранения недостатков и соблюдения полноты, всесторонности и объективности расследования» с указанием на то, что в деле кроме показаний подозреваемого, не имеется иных доказательств, указывающих на совершение П. преступления.

Сокращенная форма предусматривает, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, дознавателю нет необходимости устанавливать весь перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, закрепленный в ст. 73 УПК РФ. Однако, на наш взгляд, невозможно принять решение о производстве дознания в сокращенной форме, если не собрать доказательства, например, характеризующие личность лица, подозреваемого в совершении преступления. Ведь, если лицо является несовершеннолетним, или есть основания для применения особого порядка уголовного судопроизводства, производство дознания в сокращенной форме невозможно. Вследствие чего можно не согласиться с мнением некоторых процессуалистов, которые считают необязательным устанавливать все обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ [3, с. 22–30].

Вместе с тем дознаватель вправе применить к подозреваемому любую из мер пресечения, а для ее избрания дознавателю необходимо установить сведения о личности подозреваемого, а также иные обстоятельства ст. 99 УПК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме вряд ли могут гарантировать вынесение судом законного и обоснованного решения. В свою очередь суд, постановляя приговор, должен быть убежден в совершении преступления подсудимым и эта убежденность должна основываться на фактических данных, содержащихся в материалах уголовного дела. Таким образом, признание вины подсудимым, в том числе и при рассмотрении дела в суде, не должно стать «царицей доказательств».

Определенные проблемы возникли с использованием объяснений, полученных до возбуждения дела, в качестве доказательств по делу. С учетом законодательного закрепления права дознавателя не допрашивать данных лиц при расследовании дела в сокращенной форме, представляется возможным говорить о том, что ранее данные показания могут быть использованы в качестве доказательств. Свою позицию в данном вопросе высказал и Конституционный Суд Российской Федерации, который в своем определении указал, что объяснения, данные в ходе проверки сообщения о преступлении, являются иными документами и могут быть использованы в качестве доказательств по делу [4].

Таким образом, доказательственной базой при расследовании дела в сокращенной форме могут быть основаны на материалах проверки, собранных в порядке ст. 144 УПК РФ. Определенные проблемы возникли в части истребования предметов и документов. Свою позицию по данному вопросу мы излагали ранее [5].

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос об ознакомлении участников уголовного дела с его материалами. При сокращенной форме дознания законодатель устанавливает трехсуточный срок для ознакомления с материалами дела. Продление срока законом не предусмотрено. Напротив, закон ограничивает такую возможность и обязывает дознавателя перейти на общий порядок рассмотрения, чем, на наш взгляд, нарушает не только право

лица на ознакомление с материалами дела, но и права на защиту.

Вместе с тем до окончания ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый, его защитник, потерпевший вправе заявить одно из ходатайств, предусмотренных ст. 226.7 УПК РФ. Предложенный перечень затрагивает в основном ходатайства о предоставлении дополнительных доказательств либо об их исключении. Аналогичное ходатайство подлежит рассмотрению на предварительном слушании. Возникает закономерный вопрос: может ли обвиняемый или потерпевший после направления материалов дела в суд направить одно из указанных выше ходатайств?

Законодателем в ст. 229 УПК РФ предусмотрено, что ходатайство о проведении предварительного слушания может быть заявлено непосредственно в момент ознакомления участников с материалами дела или после направления уголовного дела в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом. Как видно, указанные выше предписания не распространяются на сокращенную форму дознания, чем, на наш взгляд, нарушают права и свободы лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, если производство по уголовному делу велось в сокращенной форме, стороны воспользоваться правом исключения доказательств могут лишь при ознакомлении с материалами дела. Для устранения данного пробела и реализации прав участников процесса необходимо внести изменения в статью 229 УПК РФ, закрепив возможность подачи ходатайства участниками уголовного судопроизводства и после направления уголовного дела в суд с обвинительным постановлением.

К сожалению, в главе, посвященной сокращенной форме дознания, остались не урегулированы ситуации, когда в уголовном деле дознавателем собраны доказательства, которые являются основаниями для переквалификации деяния, относящегося также к посредственности органов дознания.

В данном случае следует поддержать мнение Т.Г. Николаевой и Е.В. Ларкиной, которые считают, что в обвинительном постановлении достаточно указать изменившиеся размер вреда или квалификация деяния [6, с. 45]. Вместе с тем необходимо соблюдать следующие условия:

1) отразить позицию обвиняемого в связи с изменением обвинения, которую необходимо отразить в протоколе ознакомления с обвинительным постановлением или при его допросе в качестве обвиняемого;

2) отразить позицию потерпевшего в протоколе ознакомления с материалами дела.

При соблюдении выше указанных условий возможно вынести законное и обоснованное решение.

В продолжении анализа проблем, возникающих в ходе производства дознания в сокращенной форме, необходимо отметить, что закон не регламентирует вопрос о производстве дознания в сокращенной форме в отношении нескольких подозреваемых, но имеется норма ст. 154 УПК РФ, предусматривающая право дознавателя выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении отдельных подозреваемых, в отношении которых предварительное расследование производится в сокращенной форме дознания, если в отношении иных подозреваемых или обвиняемых предвари-

тельное расследование производится в общем порядке.

Таким образом, если несколько подозреваемых желают, чтобы производство по делу велось в сокращенной форме, дознавателю необходимо от каждого подозреваемого получить ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, а также получить согласие потерпевшего. Данное положение необходимо закрепить в отдельной статье посвященной составлению постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Внесенные дополнения позволят устранить проблемы, возникающие в практической деятельности органов предварительного расследования.

На основании вышеизложенного мы пришли к выводу о том, что хотя данная форма расследования преступлений и обеспечивает быстрый доступ граждан к правосудию, сокращает сроки расследования преступлений, экономит силы и средства правоохранительных органов, но все это не должно стать приоритетнее установления истины по делу, а также соблюдения прав и законных интересов граждан.

Литература

1. Осипов Д.В. Особенности производства дознания в сокращенной форме: научно-практическое пособие. М., 2015.

2. Николаева Т.Г. Производство дознания в сокращенной форме: конспект лекции. СПб., 2015.

3. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс».

5. Шараева Я.А., Мандрыка Ю.В. К вопросу об изъятии предметов и документов при проверке сообщений и заявлений о преступлениях // Юрист-Правоведь. 2019. № 1 (88).

6. Николаева Т.Г., Ларкина Е.В. Методические рекомендации по применению Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ сотрудниками органов дознания. СПб., 2013.

Bibliography

1. Osipov D.V. Features of the production of an inquiry in an abbreviated form: a scientific and practical manual. Moscow, 2015.

2. Nikolaeva T.G. Production of inquiry in an abbreviated form: lecture summary. Saint-Petersburg, 2015.

3. Smirnov A.V. Inquiry in an abbreviated form: once again about the spirit of laws // Criminal process. 2013. № 6.

4. The Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 723-O of 28.05.2013 «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Zhudin Sergey Semyonovich on the violation of his constitutional rights by paragraph 6 of Part two of Article 74, paragraph 1 of Part Three of Article 413 and the provisions of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». LRS «ConsultantPlus».

5. Sharaeva Ya.A., Mandryka Yu.V. On the issue of the seizure of objects and documents when checking messages and statements about crimes // Yurist-Pravoved. 2019. № 1 (88).

6. Nikolaeva T.G., Larkina E.V. Methodological recommendations on the application of the Federal Law of March 4, 2013 № 23-FZ by employees of the bodies of inquiry. Saint-Petersburg, 2013.

Чернышов Александр Геннадьевич
Chernyshov Alexander Gennadyevich

адъюнкт Краснодарского университета МВД России.

Adjunct, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: agchernyshov18@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ ИНДИКАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ОЦЕНКЕ ФАКТОРОВ БЕЗОПАСНОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

The value of indicative rates in assessing the security factors of investigative activities

Исследуются вопросы разработки индикативных показателей, отражающих результаты следственной деятельности, достигнутые в прошлом периоде, учет которых позволит выстроить модель планирования указанной деятельности для устранения негативных рисков в будущем периоде. Разработка индикативных показателей затрагивает два уровня следственной деятельности с учетом негативных факторов внутренней и внешней структуры.

Ключевые слова: следственная деятельность, безопасность, противодействие расследованию, индикативный показатель, субъекты расследования, уголовное судопроизводство.

The issues of developing indicative rates reflecting the results of investigative activities achieved in the past period are considered. Integration of rates will allow to build a model for planning these activities to eliminate negative risks in the future period. The development of indicative rates affects two levels of investigative activity, taking into account the negative factors of the internal and external structure.

Key words: investigative activity, security, counteraction to investigation, indicative indicator, subjects of investigation, criminal proceedings.

Уровень безопасности следственной деятельности определяется способностью оказывать негативное влияние со стороны внешних и внутренних субъектов на принятие процессуальных и непроцессуальных решений следователем (дознавателем) при осуществлении указанной деятельности, а также потенциальной возможностью преодоления им вышеуказанного негативного воздействия, влекущего за собой достижения целей уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому одной из важных задач организации следственной деятельности является оценка факторов, влияющих на безопасность такой деятельности. Данная задача носит прикладной характер. Вместе с тем на оценочный процесс прямое влияние оказывает наличие научно обоснованных данных об индикативных показателях, содержащих характеристики признаков, указывающих на определенные риски, учет которых позволит преодолеть неправомерное вторжение в сферу уголовно-процессуальных отношений.

На сегодняшний момент каких-либо комплексных научных исследований, связанных с определением соответствующих показателей

(индикаторов) безопасности не проводилось. Отдельные аспекты процессуальных гарантий безопасности исследовались учеными в области уголовного процесса, например, А.В. Бабиным, А.М. Багметом, С.Б. Поляковым, И.А. Антоновым и др. Вопросы преодоления противодействия расследованию выступали предметом исследования представителей криминалистической науки: Е.В. Замылина, А.Ф. Волынского, Е.П. Ищенко и др. Однако данная проблема носит межпредметный характер, требует комплексного подхода к выработке взаимосвязанных правовых, процессуальных и тактико-криминалистических механизмов. По нашему мнению, индикаторы факторов безопасности следственной деятельности должны стать неотъемлемым компонентом уголовной политики, средством ее реализации.

В науках уголовно-правового характера содержание индикативных показателей не раскрывается, что для проводимого исследования с методологической точки зрения является пробелом. В связи с этим попытаемся сформировать представление о том, что же такое индикативный показатель, почему он важен

для определения факторов безопасности следственной деятельности и какова сущность данной категории. Чаще всего индикативные показатели выступают основой для разработки организационно-планирующих документов (прогнозных, плановых, программных) – это показатели, предлагающие возможность всесторонне описать экономические, социальные явления и процессы, сформировать, продемонстрировать и обосновать задания на какой-либо период [1]. Иными словами, такие показатели отнесены к сфере социально-экономических отношений и ориентированы на достижение результатов соответствующей деятельности с учетом их эффективности. То есть, индикативные показатели на основе анализа достигнутых результатов в прошлом периоде позволяют выстроить такую модель планирования, которая позволит преодолеть отрицательные риски с наименьшими временными, материальными и моральными затратами в будущем. И, несмотря на то, что такие результаты являются предполагаемыми, разработка стратегии профессиональной деятельности имеет прикладное значение, следовательно, в основе индикативных показателей заложены критерии, определяющие такие значения, при соблюдении (достижении) которых возможно получить ожидаемый практический результат в позитивной динамике.

Группирование индикативных показателей осуществляется от общего к частному, где общим выступает эффективность функционирования конкретной сферы или отрасли профессиональной деятельности. Частными же критериями выступают ожидаемые результаты достижения задач в рамках функционирования отраслевого сегмента. Все вышеописанное достаточно просто рассмотреть на примере функционирования производственной отрасли, однако не совсем понятно, как приложить подобную систему к деятельности правоохранительных органов, в частности, в рамках осуществления ими следственной деятельности. Попытаемся применить принцип экстраполяции и перенести выборочные данные на другую часть исследуемой совокупности, не подвергнутую ранее наблюдению.

Разработка индикативных показателей, касающихся осуществления следственной деятельности, связана с двумя уровнями. На первом уровне разрабатываются показатели эффективности функционирования системы ор-

ганов расследования в целом. На втором – разрабатываются показатели эффективности реализации промежуточных задач расследования непосредственно в рамках осуществления следственной деятельности. Особую актуальность для целей исследования приобретает второй уровень и, в частности, совокупность индикаторов эффективной безопасности следственной деятельности.

Разработка индикативных показателей для оценки факторов безопасности следственной деятельности должна исходить из понимания того, что следует включать в содержание понятия безопасности указанной деятельности. В рамках нашего исследования мы сталкивались с разными подходами к определению безопасности следственной деятельности, но в конечном итоге, рассматриваем ее как наличие возможности реализации процессуальных функций в условиях отсутствия отрицательных последствий для субъектов уголовно-процессуальной деятельности, а также определения допустимости реализации уголовно-процессуальных мер, в том числе и мер уголовно-процессуального принуждения, при осуществлении следственной деятельности, при том, что физическому и психическому состоянию участника судопроизводства не будет причинен вред, а законные права и интересы будут соблюдены. Таким образом, безопасность следственной деятельности создает условия для эффективного выполнения задач уголовного судопроизводства в условиях обеспечения охраняемых законом интересов его участников, а достижение соответствующей степени эффективности безопасности как раз и призваны решать разрабатываемые индикативные показатели. Однако рассмотрение вопросов безопасности следственной деятельности только с позиции создания условий эффективной реализации уголовно-процессуальных функций ведет к не объективному формированию представлений о путях выработки стратегии обеспечения безопасности указанной деятельности.

Сказанное относится к внутренней структуре следственной деятельности, в частности, к негативным факторам, оказывающим непосредственное влияние на психическое восприятие субъектом расследования условий, побуждающих к формальным подходам в установлении процессуальной истины. Речь идет об относительно новом институте досудебного

соглашения и особом порядке рассмотрения судом уголовного дела.

Помещение в уголовно-процессуальное законодательство соответствующих норм, связанных с процессуальным порядком заключения досудебного соглашения о сотрудничестве создало предпосылки для злоупотреблений со стороны органов предварительного расследования. Суть этого сводится к заинтересованности следователей в скорейшем окончании предварительного следствия и направления уголовного дела в суд. Данный тезис основан на изучении мнений следователей, отметивших в результате обезличенного анкетирования*, что провоцирующим обстоятельством такой линии поведения является негласно устанавливаемая руководителями подразделений «перспектива направления уголовных дел в суд». Таким образом, применение досудебного соглашения является вполне законной мерой, позволяющей реализовывать «перспективу». Таким образом, несмотря на то, что на основании п. 61 ст. 5 УПК России инициировать вопрос о соглашении должен сам подозреваемый, при этом следователь лишь обязан разъяснить процессуальные права и последствия, тем не менее, в правоприменительной практике распространены ситуации, когда именно следователь (лично либо через защитника) нацеливает подозреваемого на заключение досудебного соглашения.

Интересны результаты исследований относительно заинтересованности следователей в перспективах рассмотрения уголовных дел в особом порядке. Результаты опроса следователей, проводимых Е.И. Поповой, показали, что практически 90 % респондентов указали на то, что перспектива рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке является для них привлекательной, поскольку позволяет скрыть недостатки процессуальной деятельности, которые могли быть ими допущены в рамках досудебного производства [2, с. 47]. Причина кроется в том, что при «особом порядке» судебное следствие не проводится, а доказательства фактически не исследуются, что исключает возможность заявлять ходатайства защитником об исключении отдельных недопустимых доказательств. Таким образом, следователь избегает наступления негативных для него последствий в виде определения суда. Автор исследования

относит данную правоприменительную практику к негативным факторам уголовно-процессуальной деятельности [2, с. 48–49].

Таким образом, безопасность следственной деятельности базируется на соотношении внутренней структуры под которой мы понимаем совокупность морально-этических норм субъекта расследования, оказывающих воздействие на принимаемые им процессуальные решения, целеполагание, негласные директивные установки, уровень профессиональных компетенций и когнитивизма; и внешней структуры, характеризующейся взаимосвязью правовых и процессуальных условий для выполнения следственной деятельности, воздействия на ход расследования как со стороны внутренних, так и внешних субъектов, фактической возможности преодоления негативно-го воздействия за счет организационных, правовых, тактических средств.

Как видно, ключевым негативным фактором, влияющим на безопасность следственной деятельности является воздействие на него субъектов внутреннего и внешнего противодействия, что в равной степени требует выработки соответствующих механизмов его преодоления.

Как пишет О.Г. Карнаухова «реальная обстановка в следственных органах показывает, что противодействие характерно не только для участников судопроизводства со стороны защиты, но и со стороны обвинения и иных участников» [3, с. 48]. Проводимое ей исследование позволило прийти к выводу о том, что возникающее противодействие со стороны потерпевшего осуществляется по причине столкновения его интересов и интересов следователя. Неверное восприятие потерпевшим предпринимаемых действий (или бездействий) следователя, которые могли бы быть оправданы с процессуальной и тактической точек зрения, создает ощущение того, что законные права и интересы потерпевшего не защищаются, и приводит к негативному восприятию самого следователя как личности, так и всего процесса расследования. Таким образом, на основе эмоционально ошибочного восприятия, потерпевший начинает оказывать противодействие: уклоняется от явки, искажает показания, заявляет ходатайства и жалобы и др.

Противодействие со стороны свидетелей основывается чаще всего на их внутреннем

* Всего было опрошено 64 следователя ОВД, 47,3 % из которых указали на приводимый факт; 23,2 % опрошенных отметили, что досудебное соглашение позволяет нивелировать отдельные нарушения в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

убеждении, вплоть до неприязненного отношения к правоохранительной системе, методов раскрытия и расследования преступлений, либо психического отношения к подозреваемым (или потерпевшему) с позиции жалости, или же по причине сокрытия личных неблагоприятных поступков [3, с. 48].

По мнению А.М. Кустова «применение преступниками и другими лицами различных способов противодействия расследованию подчиняется определенным закономерностям, от вида преступления, личности виновных, обстановки, сложившейся после совершения преступления, и множества других факторов» [4, с. 20]. Таким образом исследователь приходит к выводу о наличии определенных закономерностей в механизме противодействия. С точки зрения этимологии закономерность – объективно существующая, повторяющаяся, значимая связь явлений. Соответственно существенные признаки, отражаемые в результатах оказываемого противодействия, должны быть учтены при разработке мер обеспечения безопасности следственной деятельности. Данные признаки подлежат статистическому учету, а на их основе должны быть проведены корреляции. Для этих целей нами предложена система учета основных индикативных показателей, совокупность которых позволит выявить закономерности, отражаемые в результатах следственной деятельности, а их обобщения в дальнейшем позволят выработать пути оптимизации нормотворческой, организационной, уголовно-процессуальной, надзорной и иной деятельности.

Литература

1. Цели, задачи и индикативные показатели деятельности. URL: <https://fb.ru/article/431414>.
2. Попова Е.И. Негативные факторы заинтересованности следователя в рассмотрении уголовного дела судом в особом порядке (гл. 40 УПК РФ): постановка и пути решения проблемы // Вестник криминалистики. 2015. № 3 (55).
3. Карнаухова О.Г. Типичные способы противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших // Вестник криминалистики. 2014. № 3 (51).
4. Кустов А.М. Модельные информационные основы механизма противодействия расследованию // Вестник криминалистики. 2014. № 3 (51).

Структура индикативных показателей «эффективности следственной деятельности» представляет собой блочно-модульную систему, в которой блок «показатели безопасности следственной деятельности» включает в себя несколько модулей: «индикативные показатели, отражающие уровень внешнего противодействия процессу расследования», «индикативные показатели, отражающие уровень внутреннего противодействия процессу расследования», «индикативные показатели, характеризующие уровень профессиональной подготовленности субъекта расследования», «индикативные показатели, отражающие эффективность применения подзаконных нормативных правовых актов, связанных с организацией следственной деятельности», «показатели соотношения норм УПК и подзаконных нормативных правовых актов», «количественные показатели применения мер уголовно-процессуального принуждения», «количественные показатели контрольно-надзорных мероприятия за осуществлением следственной деятельности».

Предлагаемая система показателей имеет отношение к конкретному виду преступлений и может охватывать соответствующие отчетные периоды: квартал, полугодие, год.

Приведенные критерии требуют дальнейшей научной оценки и выступает теоретической концепцией, развитие которой, на наш взгляд, послужит одним из средств выработки путей обеспечения безопасности следственной деятельности и в целом эффективности предварительного расследования.

Bibliography

1. Goals, objectives and indicative performance indicators. URL: <https://fb.ru/article/431414>.
2. Popova E.I. Negative factors of the investigator's interest in the consideration of a criminal case by a court in a special order (ch. 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): setting and ways to solve the problem // Bulletin of Criminalistics. 2015. № 3 (55).
3. Karnaukhova O.G. Typical ways of counteracting the investigation by witnesses and victims // Bulletin of Criminalistics. 2014. №3 (51).
4. Kustov A.M. Model information bases of the mechanism of counteraction to investigation // Bulletin of Criminalistics. 2014. № 3 (51).

Бавсун Максим Викторович
Bavsun Maxim Viktorovich

заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе)
доктор юридических наук, профессор.

Deputy Head for Research work, the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor.

Бавсун Ирина Геннадьевна
Bavsun Irina Gennadyevna

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного университета
правосудия кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of State and Legal Disciplines, the Russian State University of Justice,
PhD in Law, Associate Professor.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА
В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА**

Implementation of the ideas of constitutionalism in postmodern society

Современное общество переживает период трансформации, которая происходит в том числе и на уровне базовых ценностей, лежащих в основе конституционализма. Исследуемое явление при сохранении внешнего статуса все больше приобретает формальный характер, оказываясь в роли священного идола, лишённого прежнего содержания в обществе постмодерна. Происходящие процессы сопровождаются фундаментальными изменениями в общественной психологии, обусловленными столкновением мировоззренческих представлений разных поколений людей, сформировавшихся в параллельных системах координат.

Ключевые слова: конституционализм, постмодерн, общественные отношения, справедливость, равенство, законность, апатия.

Modern society is undergoing a period of transformation, which is also taking place at the level of the basic values that underlie constitutionalism. The phenomenon under study, while maintaining its external status, becomes more and more formal, becoming a sacred idol, deprived of its former content in postmodern society. The ongoing processes are accompanied by fundamental changes in social psychology caused by the clash of worldview ideas of different generations of people formed in parallel coordinate systems.

Key words: constitutionalism, postmodernism, social relations, justice, equality, legality, apathy.

В основу любой конституции закладывается ряд идей, позволяющих судить о ней как о высшем законе государства, базовый характер которого не должен вызывать никаких сомнений. Это в равной степени характеризует то восприятие конституции, которое сформировалось как в российском, так и в абсолютном большинстве зарубежных обществ. Более того, убеждение не только в верховенстве основного закона, но и в «чистоте его помыслов» длительное время лежало у истоков формирования всего гражданского общества, независимо от территориальной, ментальной, культурной или иных его составляющих. Конституция и принципы, которые в ней закладывались, выступали (а в ряде случаев и про-

должают это делать) в качестве гаранта тех ценностей, которые лежат в основе происходящих в обществе процессов. Отсюда и конституционализм большинством воспринимается как явление сугубо положительное, выражающее начала законности, справедливости, равенства, верховенства закона, демократичности и, в целом, свободы человека и гражданина. Несмотря на то, что их реализация возможна лишь до определенных пределов, тем не менее, как таковые в той или иной мере они существуют, позволяя формировать общественное сознание в направлении приоритета так называемых традиционных ценностей. И даже несмотря на возможные отступления от некоторых из перечисленных начал, они

воспринимаются массами априори как догма, а выход за пределы допустимого лишь как некие исключения, подлежащие негативной оценке и лишь подтверждающее общее правило.

Такое положение вещей до определенного момента не вызывало каких-либо сомнений, а нарастающее при этом давление на собственно идею конституционализма оценивалось не более чем некая нестабильная тенденция, не способная перерасти в норму. Между тем сегодня сложно отрицать тот факт, что традиционный подход к восприятию базовых ценностей становится все больше исключением, чем правилом, к которому постепенно формируется неоднозначное отношение со стороны доминирующего большинства. Возникает неоднозначная ситуация, когда что-либо (неважно что) происходит, согласно исторически обусловленному и устоявшемуся правилу илиработанной практике. И здесь важно отметить, что такой подход не миновал и конституционные начала, трансформация содержания которых сегодня также очевидна. При сохранении внешней формы выражения конституционных идей многие из них утратили свой первоначальный смысл, а интерпретации части из них стали носить откровенно циничный и незауалированный характер. Это общая тенденция, характеризующаяся тем, что «...право, на которое мы все уже так привыкли рассчитывать, теряет свой регулятивный потенциал, а правовые конструкции утрачивают былую прочность и надежность. Это значит, что нарастает опасность беззакония...» [1, с. 6].

Такова природа постмодерна, стремящегося к полному отрицанию накопленного ранее опыта и желанию бесконечного и безостановочного продуцирования новых правил (которые далеко не всегда можно отнести к идеям), среди которых нет места стабильному, исторически обусловленному началу и, особенно представлению о нем. В этом плане постмодернистские веяния, каким бы к ним не было отношение, желая иметь «успех», в первую очередь должны оказывать деструктивное влияние на конституционные основы. Выступая в роли своего рода деконструкции старого порядка, согласно логике Ж. Деррида, общество должно преодолеть болезни своего роста, совершив при этом скачок в развитии, «...это не схоластическая материя, но условие исторического прогресса в области политического» [2]. Таким образом, это средство преодоления, а не разрушения как это может вы-

глядеть внешне, то есть вполне позитивное явление, направленное не просто на улучшение, а на форсирование развития. Более того, «деконструкция и есть справедливость» [2].

Безусловно, даже при внешней приверженности идеям конституционализма в их традиционном виде в условиях столь мощной трансформации их содержательной составляющей сложно говорить, не то что о сохранении вектора движения, но даже и о мягком переходе от одной парадигмы к другой. Впрочем, в этом и неотъемлемая составляющая постмодерна, не характеризующегося стабильностью и последовательностью. Деконструкция в максимально циничной форме – скорее данная крайность, чем переход от одной модели к другой, которая ближе при определении ее роли в современной трансформации конституционализма.

К сожалению, жесткость приведенного выше тезиса подтверждается не просто многочисленными примерами, уже давно имеющими системный характер, а фактическим восприятием большинством общества происходящего в мировом масштабе как нормы. И именно это, а не частные (пусть и вопиющие) случаи составляет суть проблемы. Неспособность адекватно оценить основные конституционные принципы в их максимально традиционном виде позволяет сформулировать вывод об уже свершившемся факте разрушительного воздействия идей отрицания на основу государственного устройства и гражданского общества. Ситуация с ограничениями по поводу коронавирусной инфекции выглядит как апофеоз трансформации самой идеи конституционализма, которая в современных условиях начинает носить все больше формальный, а где-то и откровенно привычный характер. Конституционализм пока что есть только потому, что он был всегда («всегда» при этом следует воспринимать с позиции нескольких жизненных циклов человека, а не всегда в буквальном смысле этого слова). Его восприятие таковым автоматически продлевает сам факт его существования, но при этом никак не влияет на его содержательную составляющую, выхолащивание которой происходит по факту. Это уже следующая за отрицанием стадия, когда на низвергнутые ценности приходят новые идеи при сохранении формального статуса предыдущих. Дело в том, что сам конституционализм априори воспринимается как: «...ценности демократии, гуманизма и справедливости, достигаемые посредством ограниченности правления,

связанности власти конституционными институтами» [3, с. 7]. Между тем, сейчас складывается парадоксальная ситуация, когда при сохранении внешнего статуса конституционализма, с его содержательными характеристиками в виде перечисленных идей, сам конституционализм уже совсем не тот в силу трансформации, которая произошла в понимании справедливости, законности, равенства и т.д.

Впрочем, подобного рода метаморфозы хорошо известны мировой истории, и говорить, что отступление от конституционных начал есть лишь вяение современного периода, совершенно несправедливо. Человечество знает немало случаев, когда право оказывалось на обочине происходящих процессов, в последующем лишь нормативно закрепляя уже свершившийся факт, который произошел только потому, что так было надо, зачастую не имея под собой не только правовой основы, но и даже попыток таковую сформировать в качестве обоснования будущих решений. В какой бы высокий ранг мы не возводили право, постоянно обращая внимание на незыблемость его верховенства, продолжая наделять его ролью основного регулятора, мы каждый раз сталкиваемся с крайними проявлениями политической воли, которые можно осуждать или поддерживать, но изменить вряд ли возможно. Форма ее выражения, конкретная личность, национальность, ментальность, регион и другие особенности значения не имеют. Что характерно, ни время, ни пространство не властны над их продуцированием. Сколько бы мы до недавнего времени не рассуждали о демократических основах современного общества, его толерантности, доминировании либеральной, неолиберальной либо любой другой идеи, власть и право всегда (рано или поздно) оказываются в тех самых крайних ситуациях, когда здесь и сейчас необходимо принимать решения, объяснения которым в праве на момент его принятия найти невозможно. Ситуация с карантином в связи с коронавирусной инфекцией, когда регулирование абсолютно всех процессов ушло на уровень чрезвычайного законодательства (в его самом что ни на есть фатальном представлении) данный тезис подтверждает в полной мере. Но на самом деле это лишь один, хотя и очень яркий пример из множества происходящих в рамках всей мировой истории процессов. В то же время данная ситуация интересна именно с позиции современности, когда право вновь оказалось не

в авангарде. Оно, как это бывало и раньше, в полном замешательстве, рефлексивно реагирует появлением в нем лишь отдельных норм как реакции на происходящее, политическая составляющая которой явно преобладает. При этом ни о какой кардинальной смене в правовом регулировании пока нет и речи. Да это и невозможно. Все законодательные акты были заточены под иную модель общественного развития, и в процессе ее смены, в состоянии амбивалентности самой системы, правовое регулирование существенно отстает от политической составляющей. Идет процесс неуправляемой пролиферации нормативной базы, которая в определенный момент может приобрести качественный характер.

В итоге все общество оказалось в состоянии глобальной неопределенности, традиционно ассоциирующейся с кризисом. И ключевым здесь является вопрос, относящийся именно к конституционализму. А может ли он быть в условиях неопределенности общественных отношений, когда старая модель уже не существует, а новая находится в стадии становления? Когда все общество, вне зависимости от региона или национальности, расколото не на две или три части, а разделено по определению, и точек соприкосновения остается не так много. Возможна ли реализация идей конституционализма в условиях полной неопределенности, обусловленной стремительной трансформацией происходящих процессов, а сам конституционализм при этом достаточно статичен? Постановка этих вопросов обусловлена фактическими изменениями статуса конституции, ее места и роли в правовом регулировании в связи с происходящими процессами и все возрастающей значимостью чрезвычайного законодательства. Посредством последнего происходит не просто подавление конституциональных идей, а в целом их нивелирование, придание им номинального статуса, не находящего соответствующего подтверждения во всем объеме нормативной базы. Это общая тенденция, которая характерна не для отдельно взятой территории, национальности, ментальности или других особенностей той или иной общности. Массовость и глобальность трансформации становится единым трендом современности, а уход от продуцирования новых идей за счет изоляции или игнорирования (пример Швеции или Республики Беларусь с отказом от карантина в связи с COVID-19) малопоказателен. Исключений

слишком мало, чтобы можно было бы поднимать вопрос о наличии альтернативы, которой сегодня нет. В современной литературе высказывается позиция, согласно которой общество сегодня находится в постоянном состоянии осцилляции в точке Канетти. Однако последние события показывают, что колебаний уже нет, как нет и самой точки, которая, судя по всему, безвозвратно пройдена [4, с. 62].

В уже сложившихся условиях сама идея конституционализма оказывается под сомнением, причем последнее усиливается подрывом ее авторитета в обществе, которое не желает воспринимать справедливость, гуманизм, свободу или демократию просто потому, что они закреплены нормативно, без соответствующей реализации в конкретных общественных отношениях. Примером протестных настроений и действий против вводимых в связи с коронавирусной инфекцией ограничений, является создание в Санкт-Петербурге «Карты сопротивления» баров и кафе. На карте размещены более 100 кафе, баров и ресторанов, не признающих постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (изм. от 04.12.2020) и продолжающих работать в обычном режиме. «Если они будут соблюдать постановление, то не выживут и все закроются», – сообщается в описании карты [6]. Все это усложняется оценочным характером самих категорий, перечисленных выше. Подменой традиционного подхода к их содержанию и, более того, демонстрацией отрицательного отношения к их трактовке и видению десяти и более лет давности. Трансформация этого видения, которая произошла в последний период, настолько масштабна, а немодность трансляции прежних идей с их традиционным содержанием настолько очевидна, что возникший диссонанс между теми, кто помнит, как было изначально (и, по их мнению, должно быть), и кто этого откровенно не понимает, при полном сохранении единой терминологии становится взрывоопасным. Именно в этом сегодня видится проблема конституционализма, который оказался под давлением идей постмодерна (и производных от него с учетом того, что и сам постмодерн субстанция мало осязаемая), направленных на смену парадигмы развития, которая не может происходить на базе прежних начал. Отсюда и непонимание, и взрывоопасность, и неопределенность того, что

происходит и, что самое главное, того, что будет в ближайшем, не говоря уже о среднесрочном будущем.

Последнее самое сложное. Когда рушатся идеалы, на которых воспитывались поколения, при этом взамен не предлагается ничего конкретного, происходит, во-первых, утрата понимания дальнейших ориентиров (со всеми вытекающими из этого последствиями), во-вторых, разочарование в том, что происходит, или в том, что будет происходить, или в том, что было раньше. В-третьих, расслоение, неоднородность общества, причем неоднородность во всем: классовости, образованности, миропонимании и т.д., когда общество становится уже не способным двигаться в едином направлении, быть единой движущей силой. Разрозненный социум никогда не добивался решения поставленных перед ним задач, особенно когда эти задачи находились на высоком, а порой запредельном уровнях сложности. Возрастающее в нем и уже ставшее нормой непонимание людей, находящихся на разных уровнях развития, образованности, экономического благополучия и т.д., выступает в качестве непреодолимого барьера в решении таких задач, параллельно запуская процесс деградации, прежде всего, в сфере общественной психологии. В-четвертых, апатия общества, апатия, которая приобретает именно массовый, а не частный характер. Данное состояние способно нивелировать любые усилия по созданию новых идеалов, рождению новой парадигмы развития и прочее, если только эта новая модель сама не сопряжена с безучастным отношением индивидуума ко всему, что происходит, в качестве обязательного условия ее успешной реализации.

Современные исследователи отмечают, что массы (общество) уже не ориентированы на высшие цели. «Разумнее всего признать данный факт и согласиться с тем, что любая революционная надежда, любое упование на социальное и на социальные изменения так и остаются надеждой и упованием исключительно по одной причине: массы уходят, самыми непостижимыми способами уклоняются от идеалов» [5, с. 20]. Долгое время казалось, что апатия масс должна приветствоваться властью. У последней сложилось убеждение: чем пассивнее общество, тем эффективнее можно им управлять. «Исходя из него, она и действовала в период, когда властные механизмы были централизованы и бюрократизированы. Однако

сегодня последствия этой стратегии оборачиваются против самой власти: безразличие масс, которое она активно поддерживала, предвещает ее крах. Отсюда радикальная трансформация ее стратегических установок: вместо поощрения пассивности – подталкивание к участию в управлении, вместо одобрения молчания – призывы высказываться. Но время уже ушло. “Масса” стала “критической”, эволюция социального сменилась его инволюцией в поле инертности» [5, с. 21].

Задача постмодерна выполнена в полной мере. Отрицание идеалов, помноженное на неопределенность будущего, – это максимальный результат того, что входит в его цели. При формальном сохранении идей справедливости, демократизма, равенства и прочих (что, следует признать, не факт) в скором времени все меньше будет тех, кто сможет наполнить их истинным содержанием. Или все меньше будет тех, кто это захочет сделать. Апатия способна разрушить все то, что создавалось и совершенствовалось столетиями, причем разрушить на самом высоком уровне – конституционных начал, являющихся фундаментом для всего остального. Безучастное общество не способно бороться за высшие идеалы, оно не способно даже их распознавать в системе координат, выполняя роль стороннего наблюдателя.

Этому процессу сложно давать какую-либо оценку. К сожалению, он объективен. В зависимости от возрастной категории и прочих составляющих для кого-то он заведомо разрушителен, а для кого-то единственно возмож-

ный и неизбежный вариант развития событий. Вместе с тем и для тех, и для других это процесс, который от них абсолютно независим, малопонятен и совершенно недоступен с позиции участия в нем, кроме как простого исполнителя строго отведенной роли. Разница лишь в восприятии происходящего, которое всегда будет легче даваться второй категории, что также объективно в силу ухода из жизни людей более старшего поколения, а рожденные в уже новых условиях воспринимают происходящее как данность, искренне не понимая, что может быть по-другому. Все остальное при этом воспринимается уже как история, повторению которой нет места в современной действительности.

Именно это выступает в качестве одной из основных причин серьезных разногласий относительно восприятия категорий, не так давно казавшихся объективными и едиными в понимании для всех – справедливости, равенства, законности, свободы и пр. Их каждодневная оценка на всевозможных уровнях все больше сталкивается с разночтениями, а зачастую и с откровенными спекуляциями, порождая противоречия, казалось бы, в типичных ситуациях. В итоге, конституционализм никто не отменял. Однако его содержательная сторона в новых условиях трансформировалась сообразно этим условиям, позволяя вести речь о формализации данного явления, его мумифицировании как священного идола, не способного выполнять реальные функции в обществе постмодерна.

Литература

1. Зорькин В.Д. Суть права // Правоведение. 2017. № 3.
2. Честнов И.П. Постклассическая теория права. URL: <https://fil.wikireading.ru/52573>.
3. Астафичев П.А. Конституционное право России. М., 2018.
4. Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
6. В Петербурге создали «Карту сопротивления» баров и кафе. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4604264>.

Bibliography

1. Zorkin V.D. The essence of law // Jurisprudence. 2017. № 3.
2. Chestnov I.P. Postclassical theory of law. URL: <https://fil.wikireading.ru/52573>.
3. Astafichev P.A. Constitutional law of Russia. Moscow, 2018.
4. Bavsun M.V., Popov D.V. Metamodern in law: oscillation at the Canetti point. Article I. Proliferation of norms and reason // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4.
5. Baudrillard J. In the shadow of the silent majority, or the end of the social. Yekaterinburg, 2000.
6. In St. Petersburg, a «Resistance Map» of bars and cafes was created. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4604264>.

Москаленко Сергей Григорьевич
Moskalenko Sergey Grigoryevich

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in History, Associate Professor.

E-mail: moskalenko1963@mail.ru

**СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
КОРРЕЛЯЦИИ ТИПОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ФУНКЦИИ
КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ЭВОЛЮЦИИ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

**The specifics of the conceptual and functional correlation of provision types
of the police function as the dominant feature of the evaluation
of the Russian statehood**

В статье анализируется комплекс особенностей концептуального и функционального обеспечения полицейской функции, характерных для истории становления российской государственности. Устанавливается внутренняя связь обеспечения государством полицейской функции с процессами формирования государственной территории, общей профессионализацией государственного аппарата, а также с основаниями важнейших политико-правовых концепций.

Ключевые слова: полицейская функция государства, политико-правовая инфраструктура, государственное управление, эволюция государственности.

The article analyzes a set of features of the conceptual and functional support of the police function, typical for history of the Russian statehood formation. The internal connection of the state's provision of the police function with the processes of formation of the state territory, the general professionalization of the state apparatus, as well as with the foundations of the most important political and legal concepts is established.

Key words: the police function of the state, political and legal infrastructure, public administration, the evolution of statehood.

Адекватное детализированное понимание условий становления и закономерностей эволюции полиции помогает выработать корректные критерии оценки эффективности кастинга государством и обществом как организационно-правовых принципов и методов охраны правопорядка и борьбы с преступностью, так и оптимальную модель организации полиции и органов внутренних дел в целом.

Исследование проблемы корреляции типов обеспечения полицейской функции создает неисчислимы возможные для достижения все более корректных концептуальных представлений об эволюции социума, государственности в целом, специализированных подразделений государственного аппарата. в конечном счете, поиск ответов на вопросы, органично связанные с генезисом формирования, особенностями функционирования полиции

или подразделений, выполнявших полицейские функции в дорегулярную эпоху эволюции государственности.

В советскую эпоху сложилась, по сути, целая система лженауки, проецировавшая на прошлое российского государства, уничтоженного революциями и гражданской войной, политико-идеологические клише текущих моментов.

Определенный вклад в формирование фальсифицированной картины внесли и некоторые авторитетные дореволюционные либеральные ученые, научнообразно выразившие ставшие массовыми мифологемами. В частности, например, уже дореволюционные государственоведы поставили себя в абсолютно подчиненное положение по отношению к идеологическим предрассудкам того времени, нередко почерпнутыми из злонамеренной практики

враждебных Российской империи государств, предвзято относились к самой идее и практическому функционированию монархического государства, предпочитая ему на уровне ценностных предпочтений аристократические (олигархические) или демократические (охлакратические) типы верховного государственного властвования.

В советскую эпоху основные либеральные клише с максимальным усилением негативно-го акцента были взяты на вооружение официальной пропагандой. Российское монархическое государство изображалось как «самодержавное», «полицейское», «бюрократическое», «отсталое», «феодалное» и т.п. При этом сколько-нибудь научно обоснованных представлений об устройстве, генезисе, сущности, общих чертах с европейскими государствами того времени в текстах критиков было очень и очень мало. Создавались очень редуцированные схемы, под которые подгонялась историческая фактография. К числу таких схем можно отнести, например, так называемую «теорию» закрепощения основной массы крестьянского населения с упоминанием Судебников 1497 и 1550 гг., «Юрьего дня», сроков сыска беглых. Эта «теория» заполнила не только академические монографии, но и массовую периодическую печать, она воспроизводится до сих пор, внося путаницу в картину реального генезиса российских государственности и социума.

Сложный, сочетающий государственный расчет и спонтанную инициативу процесс организации огромных территорий с помощью привлечения частных усилий представителей военно-служилого сословия как кураторов и протекторов по отношению к крестьянскому населению поместий, изображался и изображается до сих пор как деформирующая нормальный социум практика лишения государством неких изначальных прав и свобод вольных крестьян-общинников [7, с. 141–144]. С таким же успехом в современных условиях запрет на вождение транспортного средства без получения водительских прав можно провозглашать ущемлением естественной для человека свободы передвижения, лишением права на свободное перемещение в пространстве.

Исследование реального, а не выдуманного процесса генезиса полиции в Российской империи проливает свет не только на узко-исторические аспекты истории полиции, но и

на весь диапазон проблематики формирования и реального функционирования всего государственного аппарата, регулярных и сублимировано иррегулярных моментов в его развитии.

Поместная система позволила очень слабому тогда государству с минимальными затратами и минимальной инфраструктурой создать работающую модель полицейского контроля над 40 % сельского населения задолго до того, как что-то аналогичное удалось разработать и внедрить в среду оставшихся 60 % государственных или черносошных крестьян, до 40-х годов 19 века обходившимися обеспечением полицейской функции в своих общинах собственными силами по «десятичной системе».

Поместная система, комплексная полицейско-фискальная роль дворянства, крепостное право в совокупности обеспечили политическое, социальное и культурное развитие суверенной страны на протяжении двух веков.

Современный, нередко хорошо образованный читатель исторических текстов часто оказывается во власти инерции предрассудков, связанных с крепостным правом. Он не в состоянии понять, что крепостное право – это не произвол варваров-помещиков, а прежде всего право, то есть юридический институт, регулирующий взаимодействия трех субъектов: государства, дворян-помещиков и крепостных крестьян.

Помещик не владел крестьянами как рабами на основании норм вещного права, он исполнял политическую обязанность государства быть на территории своего поместья государством в миниатюре, позволяя последнему экономить на содержании казенного налогового, полицейского, военно-учетного, медицинского аппаратов.

Крестьянин нес политическую обязанность вести хозяйственную деятельность на своем наделе общинной земли, имея правовой статус, не служа в армии, получая от помещика паспорт и иные правоустанавливающие документы для различных социальных нужд, перемещение с которыми по территории формирующегося государства было более надежным и безопасным, чем аналогичная поездка черносошного крестьянина или казака, которым получить соответствующие документы было просто негде из-за невозможности для государства до середины 19 века содержать мини-

мальный профессиональный провинциальный низовой государственный аппарат.

С точки зрения возможностей обеспечения общественного порядка жизнь крепостных была гораздо спокойнее именно в границах поместий, а не черносошных общин, потому что «дворовые люди» помещика – это не только камердинеры, кучера, лакеи и егеря, но и, выражаясь современным языком, отряды быстрого реагирования, по условиям того времени эффективно противостоящими тяжелым проявлениям криминальной активности неблагополучной части сельского и «гулящего» населения: разбоям, конокрадству, поджигательству.

Поместная система и крепостное право стали основой первого типа обеспечения полицейской функции государства, а именно иррегулярного типа в иррегулярном государстве. В литературе этот феномен известен как «вотчинная полиция». Эмбриональное, немощное, только еще формирующееся, то есть иррегулярное государство могло обеспечивать свои важнейшие задачи-функции только делегированием государственных полномочий, включая военные и полицейские, частным лицам и их слоям-сословиям, например, помещикам – чаще всего отставным военным – полицейские функции в пределах их поместий («вотчин» с эпохи Петра III Екатерины II, превратившими казенную помещную земельную собственность в наследуемую)

Ополченческая армия, сословное провинциальное самоуправление, поместно-крепостная система обеспечения полицейской функции, пережившая иррегулярную эпоху система откупов – вот исторические компенсаторы неразвитости государственного управления, отсутствия профессионального аппарата и инфраструктуры.

Аксиоматически очевидно, что государство с первоначального момента своего генезиса, утверждая свою исключительную монополию на верховную власть и правосудие, лишь постепенно институционально инкорпорирует в состав государственных институтов охрану правопорядка и уголовное преследование преступников.

Процесс элиминирования правоохранительной функции во всех ее разновидностях из сферы функциональной реализации индивидуальных либо коллективных сил сельских общин и городских корпораций занял несколько столетий.

Интерес представляет весь комплекс исторической фактографической конкретики, связанной с поисками оптимальных форм охраны правопорядка, обеспечения частной и публичной безопасности, противодействия преступности в условиях сословно-представительной монархии (эвфемизм иррегулярного государства), укрепления централизации (то есть профессионализованного государства с отчетливой иерархически организованной и контролируемой государственной территорией), с инкорпорированием в государственный аппарат на различных стадиях эволюции государственно-правовой организации функционирования полиции.

«Полиция» по смыслу термина является обозначением инфраструктуры полисной, «политической» (городской) жизни как таковой, во всех ее аспектах. Не случайно документированная история полиции как института полисной жизни, обеспечивающего слаженное, правильное функционирование всех ее элементов в диапазоне от благоустройства города до санитарии и преследования преступников имеет верифицируемый исток в западноевропейских городах-полисах в эпоху полисной сингулярности, то есть фактически предгосударственности.

Как важнейшая инфраструктурная служба в самодостаточной изолированной городской коммуне, полиция могла быть в полисе только повинностной-волонтерской. По аналогии с полисным ополчением, большинство граждан полиса в обязательном порядке проходило через функционирование на полицейских магистратах.

Статус полицейской функции государства без выраженного институционального подкрепления в иррегулярную эпоху, охватывающую в России примерно восемь столетий, отличается от статуса в регулярный период государственности также как статус зрителей естественных, «пейзажных» английских парков отличался от статуса «регулярных» французских парков 18 столетия.

Иррегулярному государству соответствовал спонтанный тип обеспечения его во многом только формирующихся функций и территориальной конфигурации

К спонтанному типу обеспечения или, выражаясь точнее, самообеспечения, можно отнести волонтерство и повинностность («тягло»).

Как уже отмечалось выше, отсутствие профессионализации и специализации государственного управления отчасти компенсировалось в условиях российской истории государственной (с 1649 г.) системой крепостного права с поместной структурой как ее ядром и подключением ресурсов сословно-корпоративной (дворянской, крестьянской, казачьей) демократии. Это позволяло при эмбриональности государственного аппарата, размытости социальной иерархии, подвижности территориальных границ, особенно в восточном направлении, привлекать частную корпоративную инициативу для организации территорий с редким и подвижным населением.

В обеспечении сословная демократия на иррегулярной фазе государства доминировала над профессионально-аппаратным назначением как принципом кастинга и комплектования органов власти и управления, и являлась принципом функционирования местного аппарата самоуправления.

На иррегулярной фазе, к которой можно без натяжки отнести и государственность Киевской Руси (IX–XII вв.), и Московское государство (XIV–XVII вв.) не существовало надежно верифицируемых специальных учреждений либо уполномоченных лиц, выполняющих полицейские функции, а в административно-правленческой деятельности не было выраженной функциональной дифференциации: либо одни и те же учреждения контролировали отношения в различных областях общественной жизни, либо различные учреждения курировали одни и те же области управления, администрация не отделялась от суда, военное управление от гражданского, центральный аппарат управления был еще эмбрионален с точки зрения профессионализации и специализации, а местный отсутствовал вообще.

Налоговые и полицейские функции местного уровня государственного аппарата выполняли в качестве первичных территориальных единиц государства «суррогаты» – поместья и вотчины, черносошные крестьянские общины, казачьи сообщества.

К XVII веку иррегулярное государство функционировало на максимальных для себя оборотах, в нем было 3 тыс. столичных и 20 тыс. провинциальных дворян, обеспечение которых требовало соотношения 1 дворянин на 300 тягловцев. Большое количество служилого слоя

иррегулярное государство было не в силах обеспечить.

К началу 18 века стало ясно, что выживание государства на основе симбиотических связей земледельцев и кочевников, при мизерном элитарном слое, самообеспечивающимся в поместьях и вотчинах, практически невозможно.

Сохранение суверенитета над территориями заставляло верховную власть страны стремиться к приобретению портов, к форсированному развитию городской цивилизации и адекватному ей и вырастающему из нее регулярному, то есть профессионализированному и специализированному государству с адекватным ему профессиональным типом обеспечения полицейской функции.

Наиболее необходимыми институтами государства были армия и фиск, с них и началось формирование регулярного государства в России. Государствообразующее влияние армии в России было столь велико, что при Петре I статьи «Артикула воинского» часто использовались в то время и как гражданские законы, что, по сравнению, например, с применением норм Соборного Уложения 1649 г. документально верифицируется с большей степенью основательности.

1718 год – это год рождения регулярной полиции Российской империи. До 1782 г. это был исключительно городской феномен, окруженный иррегулярным вотчинным полицейским надзором на сельских территориях и чистым волонтерско-разверсточным обеспечением общинами элементарного правопорядка и фискальной дисциплины.

Область влияния иррегулярных средств обеспечения правопорядка сужалась до 1862 года практически полностью, хотя и не до абсолютного конца, исчезнув только в 1903 году. Эволюцию иррегулярного обеспечения полицейской функции в полностью регулярное прервала и деформировала серия государственных переворотов (революций 1905–1907, 1917 гг.) и гражданской войны, отбросивших государство фактически в эпоху преобладания иррегулярности и спонтанно-компенсационного обеспечения полицейской функции государства, безусловно доминировавшего до 1718 г.

Смешанная модель (с основой на корреляции регулярной и иррегулярной «линий») обеспечения охраны правопорядка действовала до

1903 г., когда с введением должностей конных полицейских стражников достигли логического завершения профессионализационные тенденции великой полицейской реформы Александра II. Иррегулярные выборные должности десятских и сотских превратились в рудименты, которые можно было обнаружить только в самой глухой провинции.

Выделять типы моделей полицейской функции государства можно по преобладанию, а не по наличию или отсутствию первого или второго элемента: при Петре I все еще преобладало иррегулярное обеспечение, императорских сил хватило только на армию, флот и столичный государственный аппарат, регуляризация местного управления империей и обеспечение полицейской функции государства на провинциальном уровне оставались задачами на будущее.

К первой мировой войне Российская империя вышла без достаточно профессионализированного уездного провинциального государственного аппарата, процесс профессионализации, при всей его последовательности и интенсивности, удалось довести тогда лишь до уровня губерний.

Необратимо катастрофическое значение имела февральская революция 1917 г. Разрушительные акции провозгласивших себя «временной государственной властью» политических группировок коснулись, в первую очередь, армии, высшего государственного управления и полиции на всех уровнях. Естествен-

но-исторически и очень планомерно регуляризовавшаяся полиция была уничтожена и в столице, и в провинциальных центрах.

Поспешное формирование «милиции», то есть первоначально волонтерских отрядов защиты завоеваний революции, привело к грандиозному регрессу в деле полицейского строительства, полицейская функция государства, как двести лет тому назад, начинала обеспечиваться на иррегулярной основе. За несколько недель начала весны 1917 года исчезла в великом деградационном «мейнстриме» революции не только регулярная полиция, но и минимальная степень корреляции регулярного и иррегулярного типов обеспечения полицейской функции в стремительно разрушавшемся государстве.

Советская эпоха 1917–1993 гг. – это очень трудный путь организации регулярной службы обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью от хаоса гражданской войны и преимущественно иррегулярной направленности НЭПа, через репрессивный тоталитаризм 30–40-х годов, волонтаризм 50-х к профессиональной специализированной милиции 60–80-х гг.

Постсоветская эпоха 1993–2021 гг. характеризуется самым серьезным вниманием к дальнейшей профессионализации полиции России, превращению ее в респектабельный, эффективный, высоко профессиональный институт охраны правопорядка и борьбы с преступностью.

Литература

1. Борисов А. Три века российской полиции. М., 2016.
2. Минер В. Л. История полиции России. Полиция Российской империи: в 3 т. М., 2016.
3. История органов внутренних дел: учебное наглядное пособие / сост.: И. В. Яблонский, Г. А. Городенцев. Краснодар, 2016.
4. Лобанов А.В., Широков Г.Г. История полиции России: учебное пособие. М., 2015.
5. Москаленко С.Г. Генезис кадровой полиции в Российской империи (1718–1782 гг.): учебное пособие. Ростов н/Д, 2018.
6. Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории. М., 2015.
7. Градовский А.Д. История местного управления в России. М., 2011.

Bibliography

1. Borisov A. Three centuries of the Russian police. Moscow, 2016.
2. Miner V.L. History of the Russian Police. The Police of the Russian Empire: in 3 vol. Moscow, 2016.
3. The history of internal affairs bodies / Compiled by I.V. Yablonsky, G.A. Gorodentsev. Krasnodar, 2016.
4. Lobanov A.V., Shirokov G.G. History of the Russian police: textbook. Moscow, 2015.
5. Moskalenko S.G. The genesis of the cadre police in the Russian Empire (1718–1782): a textbook. Rostov-on-Don, 2018.
6. Kavelin K.D. Thoughts and notes on Russian history. Moscow, 2015.
7. Gradovsky A.D. The history of local government in Russia. Moscow, 2011.

Рыбалка Елена Александровна
Rybalka Elena Alexandrovna

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России
доктор философских наук, профессор.

Professor, the Department of Civil and Legal Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor.

Казанцева Екатерина Валентиновна
Kazantseva Ekaterina Valentinovna

старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, the Department of State and Legal Disciplines, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
«СЕМЕЙНОЕ ПРАВО» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
МВД РОССИИ**

**To the issue of necessity of studying the discipline «Family Law» in the educational
organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia**

В статье анализируется роль и значения основных институтов семейного права в оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Делаются выводы о необходимости изучения дисциплины «Семейное право» в образовательных организациях МВД России

The article analyzes the role and significance of the main institutions of family law in the operational and official activities of employees of the internal affairs bodies. Conclusions about the necessity of studying the discipline «Family Law» in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia are drawn.

Ключевые слова: семейное право, институты семейного законодательства, акты гражданского состояния, сотрудники ОВД.

Key words: family law, institutions of family law, acts of civil status, employees of the Department of Internal Affairs.

Профессиональная компетентность сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД) – это знания, умения, навыки, которые он [сотрудник] реализовывает при выполнении возложенных на него оперативно-служебных задач. Несомненно, что процесс формирования компетенции продолжается на протяжении всей деятельности сотрудника ОВД, ведь общественные отношения находятся в постоянной динамике, что, в свою очередь, влияет на формы и методы предупреждения, пресечения и раскрытия правонарушений, а потому сотрудникам ОВД необходимо повышать и совершенствовать уровень своей профессиональной компетенции [1, с. 68]. Однако, сотруднику ОВД, как и любому специалисту, необходимо, прежде всего, сформировать первичный общекультурный уровень специалиста в юриспруденции (правоохранительной деятельности),

а также заложить основы этих знаний, умений или навыков, с целью их применения в практической деятельности. Одним из таких направлений в обучении и повышении профессиональной компетенции, на наш взгляд, является дисциплина «Семейное право».

«Семейное право» – это дисциплина, которая изучается в учебных учреждениях, осуществляющих подготовку специалистов в области юриспруденции. В большинстве вузов она входит в перечень базовых дисциплин, а вот в вузах МВД России данная дисциплина является факультативной дисциплиной.

Сегодня семейное право является самостоятельной отраслью права, несмотря на то, что дискуссии по вопросу ее самостоятельности не утихают. Нормы семейного права, которые закреплены в Семейном кодексе Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ

(далее – СК РФ) [6], регулируют четко определенные институты правоотношений, которые входят в предмет семейного права и характеризуются взаимосвязью данных институтов. Сегодня семья и семейные ценности закреплены не только в Основном законе России, но также во многих международно-правовых актах. Семья – это неотъемлемая ячейка общества. Неоспорим тот факт, что каждый из нас как личность формируется прежде всего в семье, а заложенные семьей ценности влияют на реализацию и выполнение прав и обязанностей человека в обществе, что в свою очередь влияет на развитие государства в целом.

Общеизвестно, что система семейного права России является пандектной, то есть состоит из общей и особенной части. К общей части отрасли отнесены: задачи и принципы права, вопросы правоотношения в семейном праве (субъекты и объекты правоотношений), источники права, а также аналогии закона и/или права.

Проанализировав институты семейного права, закрепленные в общей части, следует отметить, что ее изучение и, соответственно, полученные знания позволят сотрудникам ОВД: во-первых, сформировать их общекультурный уровень; во-вторых, верно применять в оперативно-служебной деятельности нормы права, к тому же не только семейного права, но и связанные с ним нормы иных отраслей права, к примеру, гражданского, жилищного, трудового, договорного; в-третьих, избежать неверного толкования положений семейного права при выполнении оперативно-служебной деятельности.

Особенная или специальная часть семейного права включает множество как самостоятельных, так и взаимосвязанных институтов, которые регулируют определенную разновидность семейных отношений, к ним относят:

- 1) брачные отношения;
- 2) права и обязанности супругов;
- 3) права и обязанности родителей и детей;
- 4) алиментные обязательства членов семьи (агнатского родства, основано на законе, к примеру, усыновление, и когнатского родства, основанного на «крови», к примеру, мама и рожденный ее сын, родные братья и сестры, и так далее);
- 5) акты гражданского состояния;

6) формы воспитания (устройства) несовершеннолетних, которые остались без попечения законных представителей;

7) правовое регулирование семейных правоотношений с участием иностранных лиц.

Остановимся более подробно на роли и значении изучения указанных институтов специальной части в деятельности органов внутренних дел.

Семейное законодательство Российской Федерации закрепляет, что на территории России признается только моногамный брак, который зарегистрирован в органах записи актов гражданского состояния, и только между мужчиной и женщиной. Для регистрации брака необходимо выполнить ряд закрепленных законодателем условий. Знания закрепленного порядка заключения брака будут полезны сотрудникам ОВД в противодействии незаконной миграции, так как одним из способов получения гражданства являются фиктивные браки между гражданами России и иностранными гражданами, заключаемые с целью получения гражданства России. Несомненно, что отсутствие знаний в области семейного законодательства, а также отсутствие «непосредственной» ответственности в действующем законодательстве (административной или уголовной ответственности) за фиктивный брак приводит к тому, что сотрудники ОВД не владеют достаточными знаниями о том, что такое фиктивный брак и как его отличить от законного брака.

Также многие сотрудники ОВД не знают, что правовое регулирование отношений в конкубинате (в сожительстве) в законодательстве России отсутствует. Поэтому, к примеру, при рассмотрении материалов проверки по заявлениям или сообщениям граждан, или при расследовании уголовных дел, в порядке уголовно-процессуального законодательства, знания данного института позволят верно реализовать закрепленные права и обязанности близких родственников, в частности, супругов в уголовно-процессуальном производстве.

Необходимо отметить, что регистрация брака между сотрудниками ОВД (и его последствия) вносит свои коррективы в ограничения, связанные непосредственно со службой в ОВД. Так, к примеру, согласно ст. 14 ФЗ № 342 от 30.11.2011 г., на сотрудников налагаются ограничения по нахождению на службе в ОВД,

связанные непосредственной подчиненностью одного супруга над другим [8].

Анализируя следующий институт: права и обязанности супругов, следует отметить, что основные личные их права и обязанности, а также законный режим имущества супругов, законодателем закреплено в разделе 3 СК РФ. Пренебрегая закрепленными правами и обязанностями, один супруг позволяют себе различные формы семейного насилия в отношении другого супруга. По нашему мнению, к формам семейного насилия следует отнести: бытовое дебоширство, физическое, сексуальное, психологическое, экономическое насилие. Большинство преступлений и особенно с тяжкими последствиями начинаются непосредственно из взаимоотношений супругов в быту. Следовательно, знания правового регулирования прав и обязанностей супругов позволят сотрудникам ОВД вовремя выявлять первые признаки правонарушений и проводить в отношении лиц (допускающий любую форму насилия) профилактическую деятельность, в том числе и индивидуальную профилактику [4]. Как известно, одной из задач ОВД по предупреждению правонарушений является выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению правонарушений и, соответственно, принятие мер по их устранению. На наш взгляд, невозможно анализировать причины и условия совершения правонарушений в сфере семейных правоотношений и принимать меры по их устранению без знаний норм семейного законодательства.

Законодательное регулирование прав и обязанностей родителей и детей направлено, прежде всего, на защиту прав и интересов несовершеннолетних от неправомерного негативного воздействия законных представителей. Считаем, что знания прав и обязанностей родителей и детей позволит сотрудникам ОВД, во-первых, разграничить права и обязанности законных представителей несовершеннолетнего от прав и обязанностей лиц, которые проживают в одном помещении с несовершеннолетним (к примеру, отношения отчима или мачехи с пасынком), в том числе при совершении ими правонарушений. А, во-вторых, правильно применять нормы административного или уголовного законодательства к лицам, виновным в нарушении указанных прав и обязанностей. Так, к примеру, за ненадлежащее

воспитание несовершеннолетних к административной ответственности по ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) можно привлечь к ответственности только законных представителей [2]. Отметим, что в действующем законодательстве отсутствует понятие «законные представители», его понятие необходимо рассматривать через призму норм семейного законодательства, согласно которому законными представителями являются родители, усыновитель (усыновители), опекуны или попечители (в зависимости от возраста несовершеннолетнего). Также в случае служебной необходимости допроса несовершеннолетнего в качестве свидетеля, он [ребенок] может быть вызван сотрудниками ОВД только через законных представителей несовершеннолетнего.

Одним из основных направлений правового регулирования прав и обязанностей родителей и детей в семейном законодательстве является порядок ограничения или лишения родительских прав, в случае непосредственной угрозы их жизни или здоровью. Несомненно, что ст. 77 СК РФ закрепляет право отобрания несовершеннолетнего при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка только за органами опеки и попечительства. Однако рассматривая вопрос правового регулирования изъятия несовершеннолетнего из семьи сотрудниками ОВД, нами установлено, что такое право возникает у сотрудников ОВД только при наличии реальной, непосредственной угрозы жизни и(или) здоровью ребенка, и предоставлено сотрудникам ПДН. Иные сотрудники ОВД также имеют такое право, но только в случае применения таких институтов, как «необходимая оборона» и «крайняя необходимость» [5, с. 21–23]. Следует отметить, что реализация сотрудниками ОВД указанного права невозможна без знаний семейного и гражданского законодательства, а также законодательства, регулирующего деятельность ОВД.

Также следует отметить, что практически всегда орган опеки и попечительства в случае необходимости отобрания ребенка, при непосредственной угрозе его жизни или здоровья, производит процедуру отобрания или совместно с сотрудниками ОВД (ПДН или УУП, закрепленный за территориальным участком, на котором происходит отобрание ребенка) или

в их присутствии, потому знание положений семейного права позволят не допустить нарушений законодательства как самими сотрудниками ОВД, так и другими лицами при осуществлении отобрания ребенка.

Правоотношения, регулирующие алиментные обязательства членов семьи характеризуются тем, что сотрудники ОВД могут взаимодействовать с иными органами исполнительной власти для розыска лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов.

Семейное законодательство (СК РФ и ФЗ № 143 от 15.11.1997 г. [9]) закрепляет семь основных актов гражданского состояния: рождение, смерть, заключение или расторжение брака, перемена имени, усыновление (удочерение), установление отцовства. Каждый из указанных актов имеет свое существенное значение в реализации правоспособности и дееспособности человека. Что же касается значения указанных актов в реализации оперативно-служебных задач ОВД, то каждый из них также имеет значения, однако в большей или меньшей степени. Рассмотрим некоторые акты гражданского состояния в деятельности ОВД.

«Регистрация смерти человека» – анализируя данный акт, следует отметить, что, во-первых, где-бы не был выявлен факт смерти лица (с признаками насильственной смерти или без них, дома или в иных зданиях или сооружениях, или же в общественных местах) на место происшествия, в обязательном порядке, прибывают представители медицинской организации, имеющие право зафиксировать смерть лица и сотрудники ОВД.

Во-вторых, согласно п. 1 ст. 66 ФЗ № 143 от 15.11.1997 г., ОВД является субъектом, который имеет право заявить о смерти лиц, но только: 1) когда личность лица не установлена; 2) когда смерть наступила в местах лишения свободы; 3) вследствие приведения в исполнение смертной казни (несмотря на то, что данный вид наказания в законодательстве России отсутствует, законодательство содержит данную норму (абз. 5 п. 1 ст. 66 ФЗ № 143 от 15.11.1997 г.)) [9]. Таким образом, знания порядка регистрации смерти человека будут способствовать выполнению сотрудником ОВД возложенных на него служебных обязанностей по заявлению о факте смерти лица, а также ввиду выполнения установленных действий на месте, где выявлен факт смерти человека.

Еще одним аргументом в пользу необходимости знаний анализируемого порядка являются постоянные обращения граждан в ОВД с вопросами: «куда им следует общаться, в связи со смертью близких людей», и(или) «какие необходимо подготовить документы» и так далее. Согласно требованиям законодательства, в том числе и ФЗ № 324 от 21.11.2011 г., сотрудник ОВД должен объяснить порядок действий родственников умершего по регистрации факта смерти (при условии, что он его знает), то есть оказать юридическую помощь (бесплатную) [7].

Следующий акт гражданского состояния – изменение имени и(или) отчества и(или) фамилии человека. Законодатель закрепляет, что каждый совершеннолетний, дееспособный человек имеет возможность реализовать свое право на изменение имени и(или) отчества и(или) фамилии, при этом мотивы изменения (к примеру, вступление в брак или это фамилия прапрабабушки-дворянки, которой человек восхищается) значения не имеют. Однако отсутствие в законодательстве перечня оснований, закрепляющих реализацию права человека на изменение имени и(или) отчества и(или) фамилии, как и оснований для отказа в принятии такого заявления об изменении имени и(или) отчества и(или) фамилии, приводит к тому, что лица (правонарушители), скрывающиеся от правоохранительных органов, используют это право в преступных намерениях неоднократно, что в свою очередь приводит к длительным поискам разыскиваемых лиц. Считаем, что знание порядка изменения имени, отчества и(или) фамилии может помочь сотрудникам ОВД в организации розыска скрывающихся лиц.

Пункт 1 части 2 статьи 28.3 КоАП РФ закрепляет перечень норм, предусматривающих ответственность за административные правонарушения, по которым право административного производства (в том числе по составлению административного протокола) предоставлено сотрудникам ОВД [2]. В указанном перечне закреплены нормы, которые предусматривают ответственность за нарушения в сфере семейных правоотношений. Среди них отметим ст. 5.37 КоАП РФ – ответственность за правонарушения, выразившиеся в незаконных действиях лиц по усыновлению или удочерению [2]. Усыновление (удочерение) – это

одни из актов гражданского состояния. Осуществляя административное производство по указанной категории дел, и, соответственно, привлекая к административной ответственности виновных лиц, сотрудник ОВД должен знать не только административное право, но и семейное право, которое закрепляет порядок усыновления (удочерения).

Таким образом, акты гражданского состояния имеют определенное значение при выполнении сотрудниками ОВД оперативно-служебных задач.

Воспитание (устройство) детей оставшихся без попечения родителей и его формы как самостоятельный институт семейного права является реализацией такой конституционной ценности, как «право жить и воспитываться в семье», которое находится под защитой государства. Действующее семейное законодательство выделяет шесть форм устройства детей: усыновление (удочерение), опека, попечительство, приемная семья, патронатная семья, передача в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов.

Следует отметить, что устройство детей возникает в отношении только тех несовершеннолетних, у которых родители ограничены или лишены родительских прав или в случае смерти законных представителей. Устройство детей возникает также и в случае, если контроль за несовершеннолетним со стороны законных представителей отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и(или) содержанию. Отметим, что законодатель таких детей называет «безнадзорный» или «беспризорный». Одной из основных задач ОВД по предупреждению правонарушений является предупреждение безнадзорности несовершеннолетних [3], к тому же, согласно ФЗ № 120 от 24.06.1999, органы внутренних дел являются одним из субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Следует отметить, что основой ФЗ № 120 от 24.06.1999 является семейное законодательство, данный закон закрепляет существенную компетенцию, а также права и обязанности сотрудников ОВД в сфере профилактики безнадзорности несовершеннолетних, что в свою очередь требует необходимых знаний законодательства в указанной сфере [10].

Анализируя преступления в отношении детей в семьях, в том числе приемных, патронатных или находящихся под опекой или попечительством, следует отметить, что статистические данные преступлений против детей в открытом доступе отсутствуют. Однако анализируя различную информацию, озвученную в СМИ представителями различных органов исполнительной власти и должностных лиц государственных органов (к примеру, ОВД, следственным комитетом, прокуратурой, уполномоченными по правам ребенка и так далее), можем отметить, что таких преступлений и правонарушений множество, а большинство из них [правонарушений] совершаются в приемных семьях. Поэтому считаем, что с целью эффективной профилактики безнадзорности несовершеннолетних и совершения в отношении них правонарушений со стороны усыновителей, опекунов или попечителей, сотрудники ОВД должны знать порядок воспитания (устройства) детей.

Правовое регулирование семейных правоотношений с участием иностранных лиц как самостоятельный институт семейного права характеризуется наличием значительного количества международно-правовых актов, которые являются составной частью данных семейных правоотношений. О фиктивных браках, которые совершаются иностранцами с целью получения гражданства России, мы говорили выше. Следующим вопросом, который на сегодняшний день становится все более актуальным и требующим внимания как со стороны ученых, так и со стороны правоохранительных органов, является суррогатное материнство.

Суррогатное материнство – это вынашивание и рождение женщиной ребенка от биологических родителей и для них (биологические родители станут родителями после его рождения и регистрации). Регулируется данный институт семейным и гражданским законодательством и разрешен в России с 1996 года. Сегодня услугами суррогатных матерей России все больше пользуются иностранные граждане, так как это не запрещено законодательством России. Несовершенство нашего законодательства в вопросе правового регулирования предоставления услуг по суррогатному материнству приводит к тому, что указанные услуги приобретают признаки преступления,

в том числе торговлей младенцами, так как с суррогатными матерями сотрудничают, в большинстве случаев, посредники (через юридических или физических лиц), и данная деятельность рассматривается как торговля несовершеннолетними [11].

Общественные организации указывают не только на несовершенство нашего законодательства, но и на отсутствие деятельности по предотвращению незаконного сотрудничества, связанного с суррогатным материнством, со стороны правоохранительных органов, в том числе и со стороны ОВД. Как нами уже было отмечено, любая профилактическая деятельность правонарушений предусматривает, прежде всего, выявление причин и условий его совершения, которые в свою очередь требуют знаний правового регулирования правоотношений, в данном случае семейного законодательства.

На основании изложенного выше можем сделать следующие выводы:

Литература

1. Казанцева Е.В. К вопросу о необходимости изучения дисциплины «Ювенальное право» в образовательных организациях МВД России // В сборнике: VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы Международной научно-практической конференции. Калининград, 2020.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021). СПС «КонсультантПлюс».

3. Приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (ред. от 28.11.2017) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»). СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции»). СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, знание и применения институтов семейного законодательства каждым человеком будет способствовать положительному развитию человека в обществе и в государстве в целом.

Во-вторых, знания основных институтов семейного законодательства имеет существенное значение в реализации оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, так как позволит на высоком уровне выполнять возложенные государством задачи по охране и защите прав и свобод человека, общества, государства.

В-третьих, дисциплина «Семейное право» должна быть включена в перечень дисциплин, необходимых при подготовке сотрудников ОВД в образовательных организациях системы МВД России, так как получить достаточные знания семейного законодательства возможно только при изучении данной дисциплины.

Bibliography

1. Kazantseva E. V. On the question of the need to study the discipline «Juvenile law» in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // In the collection: VIII Baltic Legal Forum «Law and Order in the third millennium». Materials of the International Scientific and Practical Conference. Kaliningrad, 2020.

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 04.02.2021). LRS «ConsultantPlus».

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 17.01.2006 №19 (ed. of 28.11.2017) «On the activities of internal affairs bodies for the prevention of crimes» (together with the «Instructions on the activities of internal affairs bodies for the prevention of crimes»). LRS «ConsultantPlus».

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 205 of 29.03.2019 «On the performance of service by a district police commissioner in a Serviced Administrative area and the organization of this activity» (together with «Instructions for the performance by a district police commissioner of official duties in a Serviced administrative area», «Instructions for the organization of the service of district police officers»). LRS «ConsultantPlus».

5. Rybalka E. A., Kazantseva E. V. Legal regulation of the withdrawal of children from the

5. Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В. Правовое регулирование изъятия детей из семьи сотрудниками органов внутренних дел: проблемы теории и практики // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2 (93).

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021). СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». СПС «КонсультантПлюс».

11. Иностранцам могут запретить пользоваться в России услугами суррогатного материнства. URL: <https://www.pnp.ru/politics/inostrancam-mogut-zapretit-polzovatsya-v-rossii-uslugami-surrogatnogo-materinstva.html>.

family by employees of internal affairs bodies: problems of theory and practice // Yurist-Pravoved. 2020. № 2 (93).

6. Family Code of the Russian Federation № 223-FZ of 29.12.1995 (as amended on 04.02.2021). LRS «ConsultantPlus».

7. Federal Law № 324-FZ of 21.11.2011 (as amended on 26.07.2019) «On Free Legal Assistance in the Russian Federation». LRS «ConsultantPlus».

8. Federal Law № 342-FZ of 30.11.2011 (as amended on 08.12.2020) «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». LRS «ConsultantPlus».

9. Federal Law № 143-FZ of 15.11.1997 (as amended on 24.04.2020) «On Acts of Civil Status» (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2021). LRS «ConsultantPlus».

10. Federal Law № 120-FZ of 24.06.1999 (as amended on 24.04.2020) «On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency». LRS «ConsultantPlus».

11. Foreigners may be banned from using surrogacy services in Russia. URL: <https://www.pnp.ru/politics/inostrancam-mogut-zapretit-polzovatsya-v-rossii-uslugami-surrogatnogo-materinstva.html>.

Ищенко Дмитрий Петрович
Ishchenko Dmitry Petrovich

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: idp161@yandex.ru

Ищенко Галина Константиновна
Ishchenko Galina Konstantinovna

помощник прокурора г. Новошахтинска Ростовской области юрист 1 класса, кандидат юридических наук.

Assistant Prosecutor, Novoshakhtinsk, the Rostov Region, 1st Class Lawyer, PhD in Law.
E-mail: ishchenko.galia@yandex.ru

Григорян Давид Кромвелович
Grigoryan David Kromvelovich

доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат политических наук.

Associate Professor, the Department of Political Sciences and Ethnopolitics, the South Russian Institute of Management, the Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Senior Lecturer, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Internal Affairs of Russia, PhD in Politics.
E-mail: davo-davo23@mail.ru

**ОРУЖИЕ КАК СРЕДСТВО КРИМИНАЛИЗАЦИИ
ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ**

Weapons as a means of criminalizing criminal activities

В предлагаемой статье проведен анализ действующего законодательства в сфере незаконного оборота оружия. Приведенные трагические примеры из правоприменительной практики свидетельствуют о необходимости принятия как правовых, так и организационных мер по применению новых и эффективных способов и методов профилактики. Анализ снижения количества зарегистрированных преступлений данной категории в сравнении с растущим спросом на право приобретения оружия гражданского назначения и отсутствием у населения культуры обращения с оружием свидетельствует, в частности, о несоответствии предусмотренной законом административной ответственности за незаконное хранение гладкоствольного огнестрельного оружия и реальной общественной опасности.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, закон, ответственность, общественная опасность, преступление, ответственность, общество, государство.

This article analyzes the current legislation in the field of illegal arms trafficking. The given tragic examples from law enforcement practice indicate the need to take both legal and organizational measures to apply new and effective measures and methods of prevention. The analysis of the decrease in the number of registered crimes of this category in comparison with the growing demand for the right to purchase civilian weapons and the lack of culture of handling weapons among the population testifies, in particular, to the discrepancy between the administrative liability provided for by law for illegal possession of smooth-bore firearms and real public danger.

Key words: firearms, law, responsibility, social danger, crime, responsibility, society, state.

«Даже самое хорошее оружие не предвещает благо» [1]. На протяжении всего существования общества и государства неза-

конное владение и пользование огнестрельным оружием представляли огромную общественную опасность и угрозу как

для государства, так общества и непосредственно личности.

Все мировое сообщество борется с проблемой эскалации вооруженной преступности и увеличением распространения нелегального оборота оружия. Значительное количество государств отмечают рост числа насильственных преступлений с применением оружия, а со стороны криминальных структур и преступных сообществ – увеличение востребованности огнестрельного оружия.

Специфика незаконного оборота, в частности, огнестрельного оружия заключается в том, что он, представляя значительную социальную опасность сам по себе, также является предпосылкой для совершения преступлений, квалифицирующихся как тяжкие и особо тяжкие (терроризм, убийство, захват заложников). Рост количества преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия – прямое следствие его незаконного оборота.

Важно рассматривать оружие не только как орудие совершения наиболее опасных преступлений, но в том числе и как средство развития международных конфликтов. К сожалению, интеграция мировых процессов не только способствовала упрощению и наращиванию международных торговых взаимоотношений, но и незаконному распространению предметов и веществ, изъятых из гражданского оборота, в том числе оружия и боеприпасов.

Не подлежит сомнению общественная опасность незаконного владения оружием, особенно в контексте постоянного роста насильственных преступлений. Соответственно количество, а главное агрессивность совершаемых преступлений данной категории, предъявляет дополнительные требования к качеству работы правоохранительных органов, обязанных противодействовать этому криминальному явлению. Все это свидетельствует о необходимости проведения комплексных научных исследований в данной области, изучения различных криминогенных и конкретных криминальных ситуаций, поиска новых путей, способов их разрешения, и соответственно эффективных средств противодействия.

Очередной раз к теме незаконного владения оружием, привлекло тягчайшее преступление, связанное с убийством семьи в центре Калининграда. Погибшие были расстреляны на почве личной неприязни [2]. Данный тра-

гический случай вызвал вопросы, начиная от орудия убийства, установления причин убийства членов семьи (мужчины, беременной женщины и ранения сына-подростка), заканчивая обозначением имеющихся проблем легального оборота гражданского оружия.

Другой не менее яркий пример трагедии произошел в г. Керчи, где учащийся колледжа из ружья, выданного на законных основаниях, произвел расстрел одноклассников [3]. После данного преступления Президент России Владимир Путин взял под личный контроль вопрос о гражданском оружии. Владимир Путин подчеркнул: «Особо обращаю внимание: необходимо серьезно усилить контроль в сфере оборота оружия» [4].

Эти примеры проиллюстрировали опасность оружия, в том числе находящегося в легальном обороте. Данные примеры очередной раз показали состояние оружейной культуры наших граждан. Осознание возможных последствий применения оружия, поведенческие особенности и психология владельца оружия формируют основу оружейной культуры, которая на сегодняшний день находится на стадии формирования.

С точки зрения закона, правовые основания получения разрешения, хранения и возможности применения оружия в России регулируются Федеральным законом «Об оружии» [5]. Последняя редакция закона подразделяет его на гражданское, служебное, боевое ручное стрелковое и холодное. Соответственно подразделение его по основному назначению на охотничье, спортивное, а главное на оружие самообороны не приведено.

По нашему мнению, требования к хранению и ношению охотничьего и спортивного оружия должны отличаться от оружия самообороны. Не секрет, что большинство владельцев оружия приобретают его в качестве возможного оружия самообороны. Более того, именно данной категорией владельцев допускаются нарушения правил хранения, которые влекут утрату и хищение данных смертоносных предметов.

Согласно статистическим данным Росгвардии, на сегодняшний день более 6,6 млн человек имеют гражданское оружие. По данным ведомства владельцев легального оружия около 3,9 млн, за которыми зарегистрировано более 6,6 млн единиц. В 2020 россияне получили

около 1 млн новых разрешений на хранение и ношение оружия [6]. Данные цифры однозначно говорят о росте владельцев оружия и огромном спросе на право владеть оружием.

В то же время, согласно официальным заявлениям представителей ведомств, следует, что зарегистрированное оружие, полученное на законных основаниях, редко применяется в преступных целях. Так, ежегодно совершается около 600 преступлений с применением зарегистрированного оружия. А всего с оружием в России совершается более 5 тыс. преступлений ежегодно. Криминальная статистика свидетельствует, что количество вооруженных преступлений снизилось на 6 %. Например, с января по сентябрь 2019 года с использованием оружия совершено 4,2 тыс. преступлений. Данное снижение стабильно фиксируется на протяжении пяти лет. Соответственно раскрываемость данных преступлений составляет почти 75 % [7].

Приведем актуальные статистические данные, чтобы охарактеризовать текущую оперативную обстановку: за истекший период с января по декабрь 2020 года с использованием оружия совершено 5,2 тыс. преступлений, что на 7,2 % меньше аналогичного периода 2019 года. Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем-декабром 2019 года снизилось на 6,6 % и составило 24,8 тыс. Также наблюдается снижение на 14,3 % количества выявленных (зарегистрированных) фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (899 фактов) [8].

По мнению большинства экспертов, в том числе правоприменителей, эта тенденция отчасти связана с ростом «черного рынка» оружия и общей «неблагоприятной динамикой преступности». Важно, что на совершение преступлений оказывает влияние сформировавшийся в социуме менталитет «стрелка». Неуверенность в правовой защите и эффективности правоохранительной системы, заставляет граждан носить при себе оружие, перевозить его в личном автомобиле. Наличие оружия в руках и возможность его применить, создает предпосылки для разрешения возникающих конфликтов путем вооруженного насилия. Отдельно следует отметить, что в таких обстоятельствах преступников даже не

останавливает риск попадания в непричастных граждан. А в состоянии алкогольного или наркотического опьянения риск причинения вреда возрастает многократно.

Многочисленные публикации средств массовой информации сообщают и это некоего не вызывает сомнения, что в стране существует «черный» рынок оружия, а эксперты приводят статистические данные, что количество таких «стволов» может насчитывать от 5 млн. до нескольких десятков млн. неучтенных единиц.

Говоря о незаконном обороте оружия и преступлениях, совершаемых с его применением, недостаточно учитывать социальные и экономические обстоятельства, которые способствуют росту таких преступлений. Необходимо устранять такие явления, которые порождают недоверие населения к органам власти, ощущение правовой незащищенности, что соответственно вызывает спрос на оружие. А имеющийся спрос всегда порождает предложения, в том числе и незаконные. Соответственно имеющиеся причины и условия подкрепляются незаконной возможностью удовлетворения потребностей по приобретению оружия.

Все чаще и острее как в обществе, так и на государственном уровне поднимаются вопросы обеспечения на должном уровне гарантий защищенности населения от противоправного применения оружия. Это возможно добиться только путем формирования культуры владения и обращения с оружием, организации и обеспечения действенного контроля за оборотом оружия, вывода и изъятия из незаконного оборота нелегального оружия.

С одной стороны, в последнее время со стороны общественных организаций и просто граждан все чаще поступают предложения о необходимости повышения возраста при продаже всех видов гражданского оружия и ужесточения требований при выдаче лицензий. Акцентируется внимание на реальной опасности противоправного применения гражданского (охотничьего и спортивного) оружия.

Мы констатируем постоянные предложения ужесточения проверок выдачи охотничьих билетов и выявления лиц, которые в действительности не являются охотниками, и таким способом стремятся получить право владения и пользования оружием. Необходимо отметить, что эти предложения находят свою поддержку, мы наблюдаем постоянные ужесточения

мер контроля за владельцами оружия. Однако принимаемые меры не дают требуемого результата. Соответственно с правовой точки зрения необходимо разрешить вопрос о владении и пользовании огнестрельным оружием не только с целью охоты и занятия спортом, но и для самообороны.

С другой стороны, противниками высказываются мнение, что для соблюдения основных неотъемлемых прав граждан, недопустимо ограничивать право на самозащиту всеми доступными законными способами. В поддержку данной позиции, приведем несоответствие закона, касающиеся возраста лиц, допускаемых к оружию. Например, новобранцы уже в 18 лет после призыва на военную службу получают доступ к автоматическому оружию, более того к танкам и ракетам.

Поступают и такие предложения как свободная продажа оружия и отмена такого института как лицензии на владение и пользования оружием. В пример приводится Америка, где только в двух штатах – Висконсине и Иллинойсе, запрещено оружие, остальные штаты разрешают открытое ношение, а в большинстве случаев допустимо и скрытое. Фактически наличие оружия больше в 1,5 раза по сравнению с количеством проживающих. Населением Америки используются короткоствольные пистолеты, револьверы, охотничьи ружья 12–16 калибра. Акцентируем внимание, что большинство оружия, так называемой самообороны, является нарезным и представляет большую опасность, как по тактико-техническим характеристикам, так и по целям его приобретения и хранения. Однако приводя данные факты, редко вспоминают о сформированном не за одно поколение историческом опыте и национальной культуре оборота оружия. Не смотря на столь богатый исторический опыт, число фактов применения оружия в противоправных целях преобладает над количеством самозащиты и правомерного применения.

Говоря об инициативах снизить требования к кандидатам на получение лицензии на владение оружием важно учитывать огромную и нескрываемую заинтересованность производителей оружия. Как пример, можем привести инициативы увеличения максимально разрешенного количества единиц стрелкового оружия, так предлагается разрешить приобретение и владения 10 единицами оружия, вместо нынешних разрешенных 5 единиц.

По действующему законодательству разрешение выдается только претендентам установленного возраста, не судимым, при отсутствии противопоказаний психоневрологического и наркологического диспансеров, без наркотической и алкогольной зависимости, что подтверждается соответствующим медицинским заключением об отсутствии соответствующих заболеваний и противопоказаний.

Не смотря на наличие указанных правовых ограничений, не учитывается такая категория граждан, как «опасные для общества». Бытовые дебоширы, для которых характерна хроническая ругань, злоупотребление алкоголем и употребление наркотических средств, психотропных веществ, безрецептурное употребление лекарственных препаратов не в медицинских целях, привлечение за перечисленные правонарушения к административной и уголовной и ответственности, а также иные негативные проявления антиобщественного поведения – вот основные характеристики субъектов, которые представляют потенциальную и серьезную опасность для общества, как источник нарушения закона [9].

Из-за случаев выдачи фиктивных документов, получение медицинских справок и характеристик по месту работы и жительства в стране находится под контролем правоохранительных и контролирующих органов. Однако, имеющиеся многочисленные факты выдачи недостоверных, а порой фиктивных документов - обоснования для получения лицензии, как по оформлению, так и по содержанию, говорят о недостаточной эффективности проводимых профилактических и предупреждающих мероприятий.

Отдельно следует остановиться на круге лиц, которые могут участвовать в незаконном обороте огнестрельного оружия: члены официальных и неофициальных организаций, разнообразных политических, религиозных, национальных и иных, стремящихся к достижению своих целей с помощью насилия; участники преступных группировок и сообществ, осуществляющих преступную деятельность в различных сферах; лица, замышляющие и готовящие преступления с применением оружия; несовершеннолетние, стоящие на учет в правоохранительных органах, проявляющих жестокость и агрессивность в повседневной жизни; лица, ранее судимые за насильственные

преступления, в том числе совершенные с применением оружия; лица, приискивающих оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и иные предметы и вещества, изъятые из гражданского оборота [10]. Отдельного внимания требуют лица, предпринимаящие попытки и подбирающие способы проникнуть на объект, связанный с оборотом оружия; потерпевшие от преступлений (попавших под чье либо негативное влияние) и имеющих доступ к оружию, а также лица, иным образом обнаруживающих свое намерение незаконно завладеть оружием, боеприпасами и взрывными устройствами.

Кроме того, оперативный интерес по линии противодействия незаконного оборота оружия, представляют следующие субъекты: лица, склонные к жестокости, насилию и агрессивным действиям, склонные к совершению насильственных правонарушений (в том числе лица с расстройствами психической деятельности); лица, прибывающие из районов боевых действий и после прохождения военной службы (особенно военнослужащие и члены вооруженных формирований); работники организаций и учреждений, как государственных, так и частных, деятельность которых связана с повышенным криминальным риском: коллекторы, теневые инкассаторы и кассиры, частные охранники и детективы, экспедиторы, водители, осуществляющие междугородные перевозки и таксисты и другие лица. К сожалению, данный перечень не полный и он постоянно пополняется из примеров правоприменительной деятельности [11].

Не меньшую общественную опасность представляют коллекционеры и «черные копатели». В качестве примера незаконного хранения оружия и боеприпасов приведем задержание 55-летнего жителя села Кугульта в Грачевском районе Ставрополя в доме, которого изъяты незаконно хранящейся арсенала оружия начала XX века. Среди изъятого имелись несколько единиц оружия начала XX столетия, в том числе винтовка и карабин Мосина, винтовка Маузера, стартовый пистолет Шпагина, в конструкцию которого добавлен самодельный ствол для стрельбы кустарными патронами, а также обрез охотничьего ружья, составные части гладкоствольного и иного оружия [12].

Примечательно, что наиболее осведомленными о возможностях избежать ответственности за незаконное хранение оружия, являются

лица, причастные к его легальному обороту, в частности, реализующие контролирующие функции, владельцы на законных основаниях, а также допущенные к взрывчатым веществам промышленного назначения.

В современных условиях оборот оружия фактически является катализатором жестокости, дерзости и агрессии при совершении преступлений проявлений. Не смотря на то, что последние годы наблюдается статистическое снижение количества преступлений, совершенных с применением оружия, совершаемые преступления приобретают более агрессивный характер. Фактически общественная опасность данных преступных посягательств преобразовалась из количества в качество. Под качеством подразумеваем совершение квалифицированных насильственных преступлений.

В данном контексте не следует забывать о том, что даже гладкоствольное (охотничье или спортивное) оружие обладает опасной дальностью стрельбы и высокой поражающей мощностью. В некоторых случаях спортивные образцы могут соревноваться с боевым стрелковым оружием. Огромное значение имеет, в чьих руках окажется оружие.

К уголовно-наказуемым преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия, относятся не только незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, ношение, незаконное изготовление, хищение, вымогательство, но и контрабанда оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Анализируя криминологическую ситуацию по линии незаконного оборота оружия, подсчитывается количество возбужденных уголовных дел по фактам незаконного хранения оружия, и не берется в расчет количество иных преступлений, в частности, совершенные с применением оружия против личности, собственности и общественного порядка. Более того, административные правонарушения, связанные с незаконным оборотом гладкоствольного (охотничьего или спортивного) оружия не принимаются в расчет.

Упреждающие меры на ранних стадиях зарождения преступного умысла по привлечению виновных к ответственности позволяют избежать негативных последствий. Иные противоправные проявления (преступления и правонарушения) зачастую предшествуют,

фактически создают благоприятные условия для совершения тяжких преступлений с использованием оружия. Для правоохранительных органов приоритетной задачей выступает не только профилактика, но и борьба с незаконным оборотом огнестрельного оружия и привлечения виновных к ответственности, путем принятия действенных мер по выявлению и расследованию за их совершение, а также соблюдение режимов эффективного контроля над законным и разумеется незаконным оборотом огнестрельного оружия.

Проблемные вопросы правоприменения при выявлении, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел данной категории, имеются и в настоящее время, не смотря на значительную судебную практику. Кроме того, не исключены факты, когда огнестрельное оружие, ставшее объектом незаконного оборота, обнаруживается и изымается только после того, как оно было применено при совершении других преступлений, в том числе и представителями террористических организаций, организованной преступности, либо при совершении иных насильственных преступлений. Основная часть незаконно хранящегося огнестрельного оружия изымается в рамках уголовных дел, не относящихся к незаконному обороту, и преимущественно на основании незаконного владения. Следственные версии об источнике происхождения в рамках возбужденных уголовных дел по факту незаконного оборота огнестрельного оружия, выдвигаются как в дополнение к уже предъявленному обвинению в незаконном хранении оружия, так и параллельно с ним, что, к сожалению, не результативно. В основном усилия правоохранителей, как по расследованию, так и уголовному преследованию в рамках судопроизводства, как правило, сосредоточиваются на основных преступлениях. Должного внимания установлению незаконного происхождения используемого оружия не уделяется, поэтому проводимые следственные действия и оперативные мероприятия не достигают требуемого результата.

Значительную роль в профилактике незаконного оборота оружия играют:

- законность и обоснованность выдачи лицензий;
- эффективность контроля за соблюдением требований владельцем оружия;

- эффективная работа по выявлению, пресечению каналов поставки оружия и боеприпасов;

- соблюдения порядка изъятия и уничтожения изъятого оружия;

- эффективность норм, предусматривающих уголовную и административную ответственность за незаконный оборот оружия.

Не меньшее значение имеет и мониторинг новых тенденций и форм незаконного оборота и технических новшеств, проведение регулярных аналитических обзоров нормативно-правовой базы и результатов практической деятельности, а также оценка рисков в целях мониторинга общего уровня угрозы.

Такой обзор может также способствовать согласованию и взаимообогащению различных правовых механизмов, касающихся незаконного оборота огнестрельного оружия и связанных с ним форм преступности. Он должен включать оценку способности существующей законодательной и нормативной базы оперативно реагировать на новые и возникающие угрозы. Например, создаваемые газовым и сигнальным оружием, или списанным или незаконно восстановленным акустическим оружием и любым другим оружием, поддающимся любому виду переделки; утечка огнестрельного оружия из сферы законной торговли. Другая угроза – незаконное производство, осуществляемое с помощью принтеров для трехмерной печати, незаконный оборот основных частей оружия, а также других современных дополнительных технических средств к оружию (оптика, приборы ночного видения, пламегасители и другие) с использованием почтовых отправок, Интернета и Даркнета.

Многие ученые и правоприменители заявляют о крепнущей связи между незаконным оборотом оружия и иными преступлениями, о стимулирующей роли огнестрельного оружия, ставшего предметом преступления в планировании и совершении различных, неоднородных преступлений, вплоть до преступлений террористического и экстремистского характера. Например, контрабанду огнестрельного оружия фактически является видом незаконной экономической деятельности, направленной на получение прибыли. Соответственно, для решения этой угрозы необходимо эффективно применять правовые инструменты и механизмы, такие как проведение финансовых

расследований сделок, связанных с огнестрельным оружием, и возвращение активов преступного происхождения.

Детальное расследование всех обстоятельств незаконного оборота оружия, в частности мониторинг незаконных финансовых операций, несомненно будет переломным моментом, внесет бесценный вклад в борьбе с преступностью, фактически подорвет ее экономические основы.

Не следует сбрасывать со счетов стимулирующую роль коррупции, которая способствует утечке огнестрельного оружия на незаконные рынки, в том числе из государственных запасов, и конечно общее покровительство преступности. В данном контексте необходимо снижение рисков, путем применения жестких и согласованных на глобальном уровне антикоррупционных правовых механизмов, поддержки режимов контроля над оборотом оружия.

Борьба с преступлениями, связанными с незаконным оборотом оружия, требует применения разнообразных подходов, внедрение новых стратегий, инструментов, своевременных и эффективных механизмов сотрудничества и взаимодействия.

В частности, превентивные и нормативно-правовые требования к маркировке и учету оружия и боеприпасов, возможность отслеживания огнестрельного оружия и наличие процедур, способствующих международному сотрудничеству в его отслеживании, играют важнейшую роль в профилактике преступлений.

Своевременное отслеживание незаконного огнестрельного оружия на национальном, а при необходимости и на международном уровне позволит контролировать все законные перемещения огнестрельного оружия и устанавливать момент, когда произошла его утрата или хищение, и соответственно утечка в нелегальные каналы.

Как пример, приведем значимое задержание преступников в Тульской области, по подозрению в незаконном сбыте оружия задержаны восемь человек, изъяты крупный арсенал: тысячи патронов различного калибра, около 30 пистолетов, револьверы, а также ружья (в основном гладкоствольные), а также комплектующие к огнестрельному оружию. Изъятое оружие и боеприпасы промышленно-го производства. В данном примере важно

отметить, что полицейские выяснили способ сбыта оружия и установили всю схему оружейной торговли, что позволило задержать преступников с поличным [13].

Основной государственной задачей в данном направлении, должна быть деятельность, направленная на улучшение социально-экономической ситуации в стране. Положительные экономические и социальные изменения влияют на снижение количества преступлений в целом. Незаконный оборот огнестрельного оружия – исключением не является. Другими словами, государственная власть должна не только привлекать к ответственности за совершенные преступления, но и формировать условия, исключающие возможность и потребность противоправного (преступного) поведения.

Выработка таких мер возможна в результате глубокого анализа всех закономерностей исследуемого явления, что невозможно без фундаментальных научных исследований.

Обязательному выяснению подлежат следующие вопросы: наличие неучтенных или незарегистрированных единиц оружия, боеприпасов, взрывных устройств; их вид и характерные особенности: местонахождение описанных предметов и устройств; обстоятельства их приобретения или обнаружения; лица, которым известно об этом; намерения владельцев (хранителей) оружия, находящегося в незаконном обороте, относительно его использования; возможности пресечения незаконного оборота оружия.

Правоохранители и представители общества не без оснований заявляют, что ужесточение законодательства в первую очередь должно быть направлено на тех, кто имеет преступные намерения, а не для законопослушных граждан, получающих его для охоты или самозащиты, обеспечивая свое конституционное право.

Спрос на оружие неуклонно растет, и это обстоятельство в первую очередь влияет на характер особого режима правового регулирования оборота оружия, сопряженного с ограничениями, необходимыми для эффективной охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Как источник повышенной общественной опасности, оружие должно находиться под постоянным контролем государства в лице его компетентных органов [14].

Согласно действующему законодательству, за нарушение правил хранения, ношения,

регистрации, так и за незаконное хранение незарегистрированного огнестрельного гладкоствольного оружия предусмотрена административная ответственность [15].

Количество совершенных преступлений с применением охотничьего оружия свидетель-

ствует об обратном. По нашему мнению, предусмотренная ответственность не отвечает фактической общественной опасности, соответственно подлежит уголовной, а не административной ответственности.

Литература

1. Лао-цзы. URL: <https://www.rulit.me/books/vsemirnaya-istoriya-v-24-tomah-t-5-stanovlenie-gosudarstv-azii-read-344584-23.html>.

2. «У них был давний конфликт»: расстрел семьи в центре Калининграда могла спровоцировать месть. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27092.7/4165181>.

3. Детский омбудсмен: Разрешение на оружие, из которого стреляли в студентов в Керчи, могло быть поддельным. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26896>.

4. Путин поручил Росгвардии усилить контроль за оборотом оружия. URL: <https://rg.ru/2018/10/25/putin-poruchil-rosgvardii-usilit-kontrol-za-oborotom-oruzhiia.html>.

5. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об оружии». СПС «КонсультантПлюс».

6. Росгвардия: на руках у россиян находится более 6,6 млн единиц зарегистрированного оружия. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7474587>.

7. В России сократилось число преступлений, совершенных с оружием. URL: <https://rg.ru/2019/11/16/v-rossii-sokratilos-chislo-prestuplenij-sovershennyh-s-oruzhiem.html>.

8. Состояние преступности в России за период январь-декабрь 2020 г.: Статистические данные ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184>.

9. Ищенко Д.П. Изъятие оружия у «опасных для обществ» граждан // В сборнике: Теоретические и прикладные проблемы противодействия негативным социальным явлениям (на примере наркотизации и алкоголизации). Сборник материалов региональной конференции. Иркутск, 2019.

10. Григорянц С.А. Понятие и виды оборота оружия, характеристика незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 9 (15).

Bibliography

1. Lao Tzu. URL: <https://www.rulit.me/books/vsemirnaya-istoriya-v-24-tomah-t-5-stanovlenie-gosudarstv-azii-read-344584-23.html>.

2. «They had a long-standing conflict»: the shooting of a family in the center of Kaliningrad could provoke revenge. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27092.7/4165181>.

3. Children's Ombudsman: The permit for the weapons used to shoot students in Kerch could have been forged. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26896>.

4. Putin instructed Rosgvardiya to strengthen control over the circulation of weapons. URL: <https://rg.ru/2018/10/25/putin-poruchil-rosgvardii-usilit-kontrol-za-oborotom-oruzhiia.html>.

5. Federal Law № 150-FZ of 13.12.1996 (as amended on 08.12.2020) «On Weapons». LRS «ConsultantPlus».

6. Rosgvardiya: the Russians have more than 6.6 million registered weapons in their hands. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7474587>.

7. In Russia, the number of crimes committed with weapons has decreased. URL: <https://rg.ru/2019/11/16/v-rossii-sokratilos-chislo-prestuplenij-sovershennyh-s-oruzhiem.html>.

8. The state of crime in Russia for the period January-December 2020: Statistical data of the FKU GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184>.

9. Ishchenko D.P. Withdrawal of weapons from «dangerous for societies» citizens // In the collection: Theoretical and applied problems of countering negative social phenomena (on the example of drug addiction and alcoholization). Collection of materials of the regional conference. Irkutsk, 2019.

10. Grigoryants S.A. The concept and types of arms turnover, characteristics of illegal turnover of weapons, ammunition, explosives and explosive devices // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2011. № 9 (15).

11. Koretsky D.A., Solonitskaya E.V. weapons and their illegal turnover. Criminological

11. Корецкий Д.А., Солоницкая Э.В. Оружие и его незаконный оборот. Криминологическая характеристика и предупреждение: монография. СПб., 2014.

12. Арсенал оружия начала XX века изъяли у жителя Ставрополя. URL: <https://regnum.ru/news/society/2865576.html>.

13. В Тульской области поймали нелегальных торговцев оружием. URL: <https://rg.ru/2019/12/16/reg-cfo/v-tulskoj-oblasti-pojmali-nel-egalnyh-torgovcev-oruzhiem.html>.

14. Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (постатейный). М., 2017.

15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.04.2021). СПС «КонсультантПлюс».

characteristics and prevention: monograph. Saint Petersburg, 2014.

12. Arsenal of weapons of the early twentieth century seized from a resident of Stavropol. URL: <https://regnum.ru/news/society/2865576.html>.

13. Illegal arms dealers were caught in the Tula region. URL: <https://rg.ru/2019/12/16/reg-cfo/v-tulskoj-oblasti-pojmali-nelegalnyh-torgovcev-oruzhiem.html>.

14. Borisov O.S., Kondrat E.N. Commentary to Federal Law № 374-FZ of July 6, 2016 «On Amendments to the Federal Law “On Countering Terrorism” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure Public Safety» (article by article). Moscow, 2017.

15. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 05.04.2021). LRS «Consultant-Plus».

**Капранов Алексей Владимирович
Kapranov Alexey Vladimirovich**

доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Forensic Science and Criminalistics, the Rostov State University of Economics (RSUE), PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: kapranov-61@yandex.ru.

**Кудовба Оксана Николаевна
Kudovba Oksana Nikolaevna**

старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: oksana.kudovba@yandex.ru.

**О КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВАХ, ОГРАНИЧИВАЕМЫХ
ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ**

**To the issue of constitutional rights restricted in the application of measures
to ensure the proceedings in the case of an administrative offense**

Авторы проводят анализ конституционных прав личности, ограничение которых сопряжено с применением мер административного обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Осуществляемый анализ проводится сквозь призму оценки пределов правомерности и обоснованности ограничений при применении различных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Делается вывод о целях, основных векторах обоснования необходимости соответствующих ограничений при применении мер административного обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

Ключевые слова: конституционные права, ограничение прав, меры обеспечения, административное правонарушение, производство.

The authors analyze the constitutional rights of the individual, the restriction of which is associated with the application of administrative security measures in the case of an administrative offense. The analysis is carried out through the prism of assessing the limits of legality and validity of restrictions in the application of various measures to ensure the production of an administrative offense. The conclusion about the goals, the main vectors of justification of the need for appropriate restrictions in the application of administrative security measures in the case of an administrative offense is made.

Key words: constitutional rights, restriction of rights, security measures, administrative offense, proceedings.

Конституция РФ закрепила широкий перечень прав и свобод, предусмотрев невозможность их изменения в главе девятой, что подчеркивает незыблемость, верховенство и значимость прав и свобод в системе ценностей общества и государства. При этом Основной закон закрепил и публично-правовые идеалы, ценности власти, их подчиненное соотношение с ценностями свободы личности, прав человека, а также положения, связанные с поис-

ком баланса в процессе функционирования государственной власти и обеспечения прав личности. В конечном счете, и публично-правовые идеалы, и конституционные идеи свободы, по справедливому замечанию судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондаря, связаны с взаимоотношениями власти и свободы, государства и личности, а ценностным ориентиром реализации таких взаимоотношений является универсальная категория общего

блага [1, с. 30]. Согласно конституционным положениям, допускается возможность ограничения конституционных прав и свобод личности в случае обличения такого ограничения в форму закона, который имеет цель защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства от реально существующих угроз.

При всей неоднозначности и богатстве содержания термина «ограничение прав», наличия споров о его соотношении с категориями «отмена», «отрицание», «умаление», «лишение» прав и свобод, следует согласиться, что последние выступают различными формами или способами их ограничения [2, с. 36] в пределах требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Применение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении всегда одномоментно сопряжено с ограничением прав граждан. Правовая оценка причиняемого в момент принуждения ограничения прав и свобод выступает одним из критериев, позволяющих оценить законность применения указанных обеспечительных мер [3, с. 56–57].

Определение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении хотя и не имеет буквального закрепления в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), вместе с тем имплицитно следует из положений главы 27, под ними понимаются меры административного принуждения, применяемые уполномоченными органами государственной власти (их должностными лицами), в том числе судами (судьями), которые, посредством установления ограничений прав и свобод для личности, способствуют пресечению административного правонарушения, установлению личности нарушителя, составлению протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, а также своевременному и правильному рассмотрению дела об административном правонарушении и исполнению принятого по делу постановления. Не в каждом деле об административном правонарушении возникает необходимость применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, так как цели производства могут быть достигнуты и без ограничения прав граждан. Ограничения прав и свобод в данном случае это инструмент, который

позволяет достичь цели административного производства, в случае невозможности их обеспечения без вмешательства в данную сферу.

При применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении ограничиваются следующие конституционные личные и экономические права и свободы: на свободу и неприкосновенность личности (ст. 22), на свободу передвижения (ст. 27), на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34), частной собственности (ст. 35) и др. При применении отдельных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в отношении граждан, таких как доставка, административное задержание, личный досмотр, досмотр транспортного средства (далее – ТС), освидетельствование, дополнительно к свободе и личной неприкосновенности лица также могут подвергаться ограничениям и иные личные права: право на достоинство личности (ст. 21), неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна (ст. 23), недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24), так как свобода личности и указанные права неразрывно связаны.

Особое место в системе конституционных прав, ограничиваемых при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении занимает право на свободу. Конституционное право на свободу многоуровневое [4, с. 9–10], является универсальным, базовым, пронизывает всю систему личных прав и свобод, воплощается в возможностях лица, воспользовавшись конкретными правомочиями в различных сферах личной (свобода действий, свобода передвижения, общения и т.д.), политической (свобода мысли, слова), трудовой (свобода труда, творчества), культурной, образовательной и т.д., всесторонне удовлетворить собственные запросы. Право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) является одним из основных прав, является неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, предполагает право личности свободно располагать собой и недопустимость какого бы то ни было вмешательства извне в область индивидуальной жизнедеятельности личности.

Право на свободу и личную неприкосновен-

ность, как указывал Конституционный Суд РФ, может быть ограничено лишь при соблюдении общеправовых принципов и на основе конституционных критериев необходимости, разумности и соразмерности, чтобы не допустить утраты самого смысла данного права [5]. Общеправовые принципы отражены в международных нормативных правовых актах, которые признаются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ частью российской правовой системы. Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод [6] от 4 ноября 1950 года закрепляет основополагающие в демократическом обществе гарантии данного права, включая гарантии защиты от незаконного лишения свободы. В решениях Европейского Суда по правам человека отражено, что любое лишение свободы должно не только осуществляться в соответствии с основными процессуальными нормами национального права, но и отвечать Конвенции, закрепляющей обстоятельства, при которых человек может быть лишен свободы на законных основаниях [7].

Ограничение лица физической свободы может принимать различные формы, самая тяжкая из которых – лишение свободы по приговору суда – тюремное заключение. Лишение свободы и менее тяжкие формы ограничений свободы и личной неприкосновенности различаются только степенью и мерой ограничения, их природа и сущность как основополагающего права личности в демократическом обществе одинакова, и поэтому отечественный законодатель связывает применение любых мер принуждения, посягающих на нее с обязательными допустимыми пределами их ограничений исходя из требований международного и российского законодательства. Вводимые в отраслевом законодательстве любые ограничения свободы и личной неприкосновенности, выражающиеся в нахождении лица в местах принудительного содержания, исключающие его возможности свободно располагать своими правами и свободами в политической, экономической, трудовой, семейной и иных сферах должны отвечать критериям правомерности, отраженных в статье 22 Конституции РФ и Конвенции. Закрепление физической свободы лица на уровне Основного закона как одной из базовых конституционных ценностей закладывает ее гарантийный потенциал от произвольного нарушения.

При применении таких мер обеспечения производства как административное задержание, привод, доставление, личный досмотр,

досмотр вещей, осуществляемое принуждение сопряжено с ограничением свободы и личной неприкосновенности. Так, например, в случае доставления, пусть и кратковременное, но ограничение свободы в виде ограничения передвижения лица присутствует, мера обеспечения преследует в итоге цель по составлению протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте, а ограничение свободы обусловлено необходимостью должностного лица в конкретном случае, исходя из обстоятельств дела (отсутствие документов удостоверяющих личность) и обстановки (например, дождь, ветер и др.) достичь указанную цель административного производства.

Цель, достигаемая вследствие реализации института административного задержания, сопряженного с ограничениями прав личности, представляется в виде необходимости обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении. Как отмечалось в постановлении Конституционного Суда РФ лицо может быть подвергнуто административному задержанию «... в исключительных случаях – только если его необходимость продиктована конкретной правоприменительной ситуацией (обстановкой), объективно подтверждающей, что без применения данной административно-принудительной меры невозможны установление личности правонарушителя, выявление обстоятельств совершенного административного правонарушения, правильное и своевременное рассмотрение дела об административном правонарушении и исполнение принятого по его результатам постановления» [8]. В КоАП РФ жестко фиксируется временной промежуток применения данной меры обеспечения – не более 3 часов, в исключительных случаях – 48 часов, согласно ч. 1–3 ст. 27.5 КоАП РФ, тем самым правомерность причиняемого ограничения прямо взаимосвязана со сроком применения принудительной меры. Причем кратковременность выступает сущностным признаком определения данного вида задержания лица и отграничения от иных видов ограничения свободы, что законодатель и зафиксировал в определении административного задержания в статье 27.3 КоАП РФ. Как правило, в рамках КоАП РФ сроки ограничения прав по большинству мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении законодателем не указываются либо указываются достаточно

неопределенно – «в возможно короткий срок», как в случае применения доставления (ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ), но ставятся в зависимость от достижения целей административного производства, а также по смыслу КоАП РФ, разумности пределов продолжительности ее применения и максимальных сроков ограничения прав личности в случаях применения той или иной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Таким образом, нормы административного законодательства, регламентируя административное задержание, одновременно устанавливают и временные пределы административного задержания, сопряженного с ним ограничения физической свободы лица, и гарантии от злоупотребления данной мерой принуждения, что очень важно, учитывая смысл и значение данного конституционного права.

При личном досмотре и досмотре вещей, находящемся при физическом лице (ст. 27.7 КоАП РФ) ограничение свободы связано с таким аспектом, как физическая неприкосновенность. Физическая неприкосновенность, которая наряду с психической, является составной частью неприкосновенности личности, ограничивается в рамках административного производства при применении рассматриваемых мер исключительно в соответствии с установленным порядком, в случае установленной законом необходимости, разумно и пропорционально по пределам вмешательства в индивидуальную жизнедеятельность личности исходя из сути и содержания личного досмотра. Смысл досмотра заключается в том, чтобы в случаях, указанных в КоАП РФ произвести обследование лиц и находящихся при нем вещей без нарушения их конструктивной целостности для обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения. Причиняемые при обследовании ограничения физической неприкосновенности должны быть пропорционально компенсированы гарантиями прав личности при их проведении: проведение уполномоченным должностным лицом, присутствие двух понятых того же пола, составление протокола, ведение фото- и киносъемки во избежание неточностей и злоупотреблений при его проведении. Кроме того, при личном досмотре, как и при досмотре вещей, досмотре ТС разумно ограничиваются право на достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения инфор-

мации о частной жизни лица без его согласия, в том числе и на частную собственность.

Закрепленное в ст. 35 Конституции РФ право на частную собственность так же ограничивается при применении отдельных мер обеспечения административного производства. С ограничением права на частную собственность сопряжено, например, применение таких мер как изъятие вещей и документов, отстранение от управления ТС, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения. В рамках административного производства право на собственность ограничивается в части пользоваться (то есть получать пользу от объекта собственности) и распоряжаться (то есть осуществлять куплю–продажу, дарение, сдачу в аренду, или другие сделки по поводу права собственности) ею как единолично, так и совместно с другими лицами. Частью 3 ст. 35 Конституции РФ предусмотрено, что ограничить право частной собственности в части владения, то есть лишить, возможно только по решению суда. Ограничения, накладываемые государством на данное право, вытекают из общих векторов социально-экономической политики государства обусловленной ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 36, ст. 34, 39 Конституции РФ, положениями иных законов. В случае применения норм о мерах обеспечения производства по делу об административном правонарушении ограничение указанного права осуществляется в части свободного пользования и свободного распоряжения своим имуществом в пределах, в границах требований установленных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и статей КоАП РФ устанавливающих соразмерный порядок их применения.

Так, например, при применении такой меры обеспечения как отстранение от управления ТС, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения имеются специфические особенности ее применения в аспектах ограничений прав и свобод личности. Они заключаются в том, что вначале, при отстранении гражданина от управления ТС сотрудник полиции ограничивает право на частную собственность лица, в части реализации пользоваться и распоряжаться ею, с тем, чтобы после устранения осуществить следующую взаимосвязанную с ней меру, подтверждающую правомерность отстранения – освидетельствование сотрудником полиции на состояние опьянения,

которая в свою очередь, сопряжена уже с посягательством на свободу и личную неприкосновенность, по результатам которого составляется акт, который и выступает достаточным основанием, чтобы далее сотрудник полиции либо мог допустить лицо к управлению ТС, либо продлить запрет, ограничение на собственность в связи удостоверенным фактом опьянения. В случае если лицо отказывается от освидетельствования, сотрудник полиции должен его направить на медицинское освидетельствование, которое осуществляется медицинскими учреждениями, и таким образом, так же ограничить его свободу и личную неприкосновенность, принудив выполнить указанное действие.

Не менее важно и тесно связано с предыдущими правами, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ). Пределы ограничений данной нормы закладываются конституционно, использование собственных способностей и имущества не должно причинять вред окружающим, общему благу. Российским законодательством предусмотрены и иные основания ограничений данного права. В рамках применения норм о мерах обеспечения производства по делу об административном правонарушении ограничение указанного права может усматриваться при применении таких мер как отстранение от управления транспортным средством (ст. 27.12 КоАП РФ), задержание ТС (ст. 27.13 КоАП РФ), задержание судна доставленного в порт РФ (ст. 27.13.1 КоАП РФ), арест товаров, ТС и иных вещей (ст. 27.14 КоАП РФ), временный запрет деятельности (ст. 27.16 КоАП РФ) и др. Ограничения сопряженные с указанной группой мер принуждения носят кратковременный характер, направлены, как правило, на дос-

тижение таких целей административного производства как: выяснение обстоятельств административного правонарушения, пресечение административного правонарушения, своевременного рассмотрения дела. Как разъяснялось в одном из определений Конституционного Суда РФ, право предусмотренное статьей 34 Основного закона может быть разумно ограничено с условием, что не будет нарушен баланс между публичными интересами общества и экономическими правами отдельных индивидов (их объединений), а вводимые ограничения не будут посягать на существо права и приводить к утрате его реального содержания [9]. Вместе с тем ограничения данного права могут обеспечивать и другие конституционные ценности, например жизнь, здоровье граждан, общественную безопасность и др. При временном запрете деятельности (на срок до 90 суток), например, могут быть предотвращены техногенные катастрофы и аварии, распространение заражений, какие-либо иные угрозы жизни и здоровью людей.

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотрена лишь небольшая часть конституционных прав, ограничиваемых при применении мер обеспечения по делу об административных правонарушениях. Рассмотренные аспекты подчеркивают, ограничение тех или иных конституционных прав при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении обусловлено необходимостью достижения публичных целей, осуществляется исходя из критериев разумности, необходимости и соразмерности, правовой определенности, в том числе и по срокам вводимых ограничений, оптимального баланса публичных и частных интересов, имеет глобальную цель – достижение общего блага.

Литература

1. Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6.
2. Колосова Н.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8.
3. Капранова Ю.В., Капранов А.В. Применение мер обеспечения производства по делу

Bibliography

1. Bondar N.S. «Eternal» constitutional ideals: how unchangeable are they in a changing world? // State and law. 2020. № 6.
2. Kolosova N.M. Direct effect of the Constitution of the Russian Federation and restriction of constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of judicial practice // Journal of Russian Law. 2019. № 8.
3. Kapranova Yu.V., Kapranov A.V. Application of measures to ensure production in the case of an administrative offense: constitutional

об административном правонарушении: конституционное измерение // Административное право и процесс. 2021. № 5.

4. Капранова Ю.В., Коренюгин В.В., Гриневич Е.Ю. Свобода личности: общефилософский и нормативно-правовой подход // Философия права. 2018. № 4 (87).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5, и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова». СПС «КонсультантПлюс».

6. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). СПС «КонсультантПлюс».

7. Пункт 42 Постановления от 22 марта 1995 года по делу «Кинн (Quinn) против Франции», пункты 57 и 61 Постановления от 27 ноября 1997 года по делу «К.-Ф. против Германии», пункт 122 Постановления от 25 мая 1998 года по делу «Курт (Kurt) против Турции». СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2016 № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова». СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 10-О «По жалобе граждан Лебедик Зои Олеговны, Мельникова Дмитрия Алексеевича и Шатшнайдера Владимира Олеговича на нарушение их конституционных прав статьями 2 и 10 Федерального закона “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации “О свободе торговли”». СПС «КонсультантПлюс».

dimension // Administrative Law and Process. 2021. № 5.

4. Kapranova Yu.V., Korenyugin V.V., Grinevich E.Yu. Freedom of the individual: a general philosophical and normative-legal approach // Philosophy of law. 2018. № 4 (87).

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 9-P of 16.06.2009 «On the case of Checking the Constitutionality of a number of provisions of Articles 24.5, 27.1, 27.3, 27.5, and 30.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, paragraph 1 of Article 1070 and paragraph Three of Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 60 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens M.Yu. Karelin, V.K. Rogozhkin and M.V. Filandrov». LRS «ConsultantPlus».

6. «Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms» (Concluded in Rome on 04.11.1950) (together with «Protocol № 1» (Signed in Paris on 20.03.1952), «Protocol № 4 on ensuring Certain Rights and Freedoms in addition to those already included in the Convention and the First Protocol thereto» (Signed in Strasbourg on 16.09.1963), «Protocol № 7» (Signed in Strasbourg on 22.11.1984)). LRS «ConsultantPlus».

7. Paragraph 42 of the Judgment of 22 March 1995 in the case of Quinn v. France, paragraphs 57 and 61 of the Judgment of 27 November 1997 in the case of K.-F. v. Germany, paragraph 122 of the Judgment of 25 May 1998 in the case of Kurt v. Turkey. LRS «ConsultantPlus».

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.11.2016 № 25-P «On the case of checking the constitutionality of Part 4 of Article 27.5 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen E.S. Sizikov». LRS «ConsultantPlus».

9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 10-O of 16.01.2018 «On the complaint of citizens Lebedik Zoya Olegovna, Melnikov Dmitry Alekseevich and Shatshnaidner Vladimir Olegovich on the violation of their constitutional rights by Articles 2 and 10 of the Federal Law “On the Basics of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation” and paragraph 4 of the Decree of the President of the Russian Federation “On Freedom of Trade”». LRS «ConsultantPlus».

**Котельникова Оксана Александровна
Kotelnikova Oxana Alexandrovna**

доцент кафедры уголовного права и криминологии Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Criminal law and Criminology, the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: 2672021@mail.ru

**Загорьян Сергей Георгиевич
Zagoryan Sergey Georgievich**

доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: zagoryan_sg@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИОННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Features of corrupt and dangerous behavior of the law enforcement officers

В статье уделяется внимание такой мере профилактики в системе борьбы с коррупцией, как установление и правовое закрепление антикоррупционного поведения сотрудника правоохранительных органов. Обосновывается значимость применения комплексного подхода к организации антикоррупционной деятельности в правоохранительных органах и соблюдений установленных законом стандартов поведения в профессиональной деятельности. Кроме того, дается краткий анализ видов и форм коррупционно-опасного поведения руководителя и их негативных последствий. Акцентируется внимание на существующих законодательных проблемах регламентации запретов и ограничений.

Ключевые слова: антикоррупционная деятельность, фаворитизм, протекционизм, nepotism, коррупционно-опасное поведение, сотрудники правоохранительных органов.

The article focuses on such a measure of prevention in the anti-corruption system as the establishment and legal consolidation of anti-corruption behavior of a law enforcement officer. The article substantiates the importance of applying an integrated approach to the organization of anti-corruption activities in law enforcement agencies and compliance with the standards of conduct established by law in professional activities. In addition, a brief analysis of the types and forms of corruption-dangerous behavior of the manager and their negative consequences is given. Attention is focused on the existing legislative problems of regulating prohibitions and restrictions.

Key words: anti-corruption activities, favoritism, protectionism, nepotism, corrupt and dangerous behavior, law enforcement officers.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности и иными нормативно-правовыми документами Российской Федерации, коррупция, наряду с терроризмом, экстремизмом и другими преступными проявлениями, отнесена к источнику угрозы национальной безопасности. Как социально-негативное, правовое явление она обладает повышенной общественной опасностью, посягает на основы государственной власти, разрушает основы правопорядка, подрывает демократические

ценности, деформирует правосознание граждан. Приобретая институциональные функции, выступает в качестве социального института, элемента системы управления обществом.

Как показывает статистика, наиболее подвержены коррупционным проявлениям органы исполнительной власти, местного самоуправления и правоохранительные органы. По данным Генеральной прокуратуры за 2020 год, количество сотрудников правоохранительных органов, привлеченных к уголовной ответст-

венности за коррупционные преступления, составило более 10 % из общего числа коррупционеров [9, с. 107–121.]. Кроме этого, на фоне общего повышения данных преступлений, количество которых за последний год увеличилось в 1–2 раза, растет их число и среди сотрудников правоохранительных органов. Вместе с этим самыми распространенными формами коррупции, по мнению сотрудников правоохранительных органов, являются злоупотребление служебным положением в личных целях (52 %); дача взятки (10 %); получение взятки (20 %); фаворитизм (9 %); протекционизм (9 %) [4].

Исходя из вышесказанного и учитывая многогранность и системность коррупционно-опасных проявлений, необходимо всестороннее исследование особенностей, форм и видов коррупционных рисков, их причин и условий. Результаты такого анализа будут способствовать усовершенствованию мер, направленных на снижение количества таких фактов.

Одной из важнейших профилактических мер в системе борьбы с коррупцией является установление и правовое закрепление антикоррупционного поведения сотрудника правоохранительного органа [6]. Некоторые аспекты реализации данного направления нашли отражение в законодательстве путем установления соблюдения этических норм профессионального поведения.

Следует отметить, что опыт нормативной регламентации антикоррупционного поведения нашел отражение в международной практике борьбы с коррупцией, в том числе и в правоохранительных органах [7]. Так, в ряде стран разработаны и приняты соответствующие законы, представляющие собой «этические кодексы» или «кодексы чести», в которых закреплены этические нормы. В данных актах акцентировано внимание на высокой моральной ответственности лиц, находящихся на службе, четко прописаны права, обязанности и ответственность государственных служащих, включены все необходимые запреты и правоограничения, связанные с государственной службой. Кроме того, установлены требования к служебному поведению и порядок урегулирования конфликта интересов, возникающего в пределах реализации полномочий, и нравственные стандарты с учетом существующих в обществе представлений о нормах морали.

В национальном законодательстве, а именно, в Федеральном законе от 13 января 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], предусматривается введение антикоррупционных стандартов. Так, в статье 7 Федерального закона установлена для соответствующей области деятельности единая система запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции.

Из этого следует, что стандарт антикоррупционного поведения соответствующих субъектов, в том числе и сотрудника правоохранительного органа, включает в себя совокупность таких элементов, как запреты, ограничения, дозволения и обязанности.

Введение указанных стандартов предполагает соблюдение определенных эталонов поведения, как в профессиональной деятельности, так и вне выполнения служебных обязанностей. Следование требованиям закона сотрудниками правоохранительных органов закладывает основы формирования устойчивости к коррупционным проявлениям, высокого профессионализма и моральных качеств.

Кроме того, в соответствии с ФЗ «О противодействии коррупции», регламентация основ стандарта антикоррупционного поведения сотрудника правоохранительных органов способствует решению определенных задач, целью которых является – снижение коррупционных проявлений. В целом данные задачи заключаются в следующих аспектах [1]:

- выработке единого стандарта поведения на службе и в быту;
- создании единой системы дозволений, запретов, ограничений, обязанностей;
- определении стимулирующих, поощрительных мер;
- обеспечении реализации негативных последствий при нарушении стандарта.

Коррупционно-опасное поведение сотрудников правоохранительных органов проявляется в различных формах (коррупционных рисках). Как следует из обобщенного анализа юридической литературы, к таким формам проявления коррупции относят виды нарушений морально-этических, конституционных, финансовых, уголовно-правовых и иных норм [8].

Следует отметить, что коррупционно-опасным поведением считается такое действие или бездействие сотрудника, которые создают

предпосылки получения им корыстной выгоды и (или) преимуществ как для себя, так и для иных лиц, организаций, учреждений, в чьих интересах прямо или опосредованно действует сотрудник, незаконно использующий свое служебное положение.

В ряде случаев предпосылки для коррупционного поведения сотрудника заложены в подобном поведении руководителей разного уровня. К видам такого поведения руководителя относятся: протекционизм, фаворитизм, nepoтизм (кумовство), а также злоупотребление служебным положением. Данные проявления являются грубым нарушением этических и правовых норм, подрывающих авторитет и доверие правоохранительных органов [5].

В рамках данного изучения нами было проведено эмпирическое исследование, которое позволило сделать определенные выводы. Так, на основании анкетирования сотрудников полиции Приморского края и Иркутской области по вопросам распространения видов коррупционно-опасного поведения в их подразделениях были выявлены следующие показатели: около 60 % респондентов осведомлены о случаях проявления коррупционных рисков, при этом около 20 % из них составляют такие виды, как протекционизм и фаворитизм. Данные показатели подтверждаются результатами аналогичных исследований [4].

Необходимо отметить, что формы коррупционных рисков руководителей имеют свое содержание и особенности их проявления [3]. Так, протекционизм проявляется в особом покровительстве, карьерном продвижении по службе, предоставлении преимуществ по признакам родства, землячества, личной преданности, приятельских отношений с целью получения корыстной выгоды и иной личной заинтересованности.

Фаворитизм выражается: в демонстративном приближении к себе отдельных сотрудников; делегировании им определенных полномочий, не соответствующих их статусу; незаслуженном продвижении их по службе; представлении их к поощрению, награждению; необоснованном предоставлении им доступа к материальным и нематериальным ресурсам. При этом «фаворит», благодаря своему избранному положению, пользуется доверием руководителя и влияет на принятие им

решения в своих личностных целях, связанных со службой.

Непотизм (кумовство) является моральным покровительством руководителя своим родственникам и близким людям, при котором продвижение по службе производится по признакам религиозной, кастовой, родовой принадлежности, а также личной преданности руководителю.

Важно отметить, что указанные виды коррупционных проявлений имеют негативные последствия, в частности:

- формируют предпосылки для возникновения конфликта интересов;
- нарушают законные права и интересы других сотрудников в рамках выполнения служебных обязанностей, в частности при назначении на должность, предоставлении отпуска, поощрений и другие;
- создают неблагоприятный психологический климат в коллективе;
- способствуют укоренению вседозволенности, безнаказанности и попустительского отношения к службе со стороны «приближенных»;
- снижают авторитет руководителя, вызывая сомнения в его моральных и этических качествах;
- являются причинами распространения коррупции в служебной среде;
- выступают в роли индикатора коллективной деформации.

Следует отметить, что проявление протекционизма и nepoтизма в отношении близких родственников относится к запрету, который регламентирован ч. 1 п. 5 ст. 16 Федерального закона от 31 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1]. Положения данного закона распространяются не только на государственных гражданских служащих, но и на сотрудников правоохранительных органов.

Нормы указанного ФЗ накладывают определенные ограничения, в частности, нахождение службы в одном и том же подразделении, сотрудникам правоохранительных органов, состоящим между собой в близком родстве или свойстве (родители, супруги, братья, сестры, сыновья, дочери, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей), если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому.

В то же время не редки случаи, когда руководители опосредованно покровительствуют данной категории лиц, даже в случае отсутствия непосредственной подчиненности и подконтрольности, а также способствуют протекции лицам, не находящимся в близком родстве, но являющимся родственниками (например, племянниками, племянницами, двоюродными братьями и сестрами). Запрет на подобные проявления руководителей не закреплен в законе, что указывает на существующие его пробелы. Следовательно, подобного рода недоработки выступают в роли криминогенных факторов, детерминирующих указанные формы проявления коррупции.

Безусловно, законодательно-легитимная преемственность является приемлемой, но только в тех случаях, когда она способствует достижению единой цели службы, не создает условия возникновения конфликта интересов и не нарушает права иных сотрудников.

Одной из распространенных и опасных форм коррупционных рисков является злоупотребление властью (служебным положением) сотрудником, которое проявляется в умышленном использовании своих должностных полномочий и преимуществ вопреки интересам служебного долга, исходя из корыстной личной заинтересованности.

Данные формы коррупции со стороны руководителя, проявляемые в рамках реализации организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, несовместимы с принципами и нормами профессиональной этики и создают предпосылки возникновения конфликта интересов. В свою очередь, руководитель должен осознавать, что формируемый им конфликт интересов состоит в противоречии между служебным долгом и личной корыстной заинтересованностью. Сложившаяся негативная ситуация может причинить моральный и этический вред высокому званию сотрудника правоохранительных органов.

Выявление и пресечение указанных форм со стороны руководителей является приоритетным направлением в борьбе с коррупцией.

Исходя из анализа нормативно-правых основ и научной литературы по вопросам противодействия коррупционным проявлениям следует, что профилактика коррупционно-опасного поведения руководителя заключается в:

– полном и всестороннем исследовании морально-психологических и профессиональных качеств претендентов для назначения на должности руководящего состава, учете соблюдения ими антикоррупционных норм по предыдущему месту службы;

– формировании и укреплении знаний антикоррупционного поведения, нравственных и моральных основ службы и применении их при реализации своих полномочий, в том числе и в процессе работы с личным составом;

– разъяснении принципов персональной ответственности за состояние служебной дисциплины в целом, и за соблюдение установленных антикоррупционных норм в частности;

– выработке личной нетерпимости и моральной устойчивости к коррупционно-опасным проявлениям и пониманию их негативного влияния на подчиненный состав;

– точном следовании нормам закона, справедливости и обоснованности при рассмотрении вопросов применения мер воздействия в случаях выявления фактов коррупционных нарушений, предписаний и запретов сотрудникам;

– реализации в рамках своих должностных полномочий мер антикоррупционной защиты подчиненного личного состава;

– предупреждении и своевременном разрешении ситуаций, связанных с возникновением конфликта интересов, вызванных дуальностью моральных стандартов или неоднозначностью толкования приказов, распоряжений.

Безусловно, в целях достижения эффективности указанные меры профилактики необходимо применять в комплексе, планомерно и целенаправленно.

Таким образом, в основе реализации мер предупреждения коррупционно-опасных проявлений со стороны сотрудников правоохранительных органов, целесообразным и первоочередным направлением является рассмотрение вопроса о законодательном закреплении расширительного толкования запретов и ограничений в отношении иной категории родственников (племянников, племянниц, двоюродных братьев и сестер и др.) и об исключении различных схем родственных взаимоотношений.

Кроме того, необходимо воспитывать персональную нетерпимость к таким проявлениям, в первую очередь, самим руководителем, обеспечивать своевременное выявление

коррупционных рисков и незамедлительное применение соответствующих мер воздействия, устанавливать особенности причин и условий, способствующих их возникновению.

Одновременно следует акцентировать внимание на укреплении принципов профессиональной этики, нравственности и морали при работе с личным составом.

Литература

1. Федерального закона от 31 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 13 января 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». СПС «КонсультантПлюс».
3. Голубовская В.Ю., Синюкова Т.Н. Фомы и виды проявления коррупции в современном российском обществе // Политическая лингвистика. 2015. № 2.
4. Гринько С.Д. Проблемы противодействия коррупции в правоохранительных органах // Северо-кавказский юридический вестник. 2019. № 4.
5. Изотов М.О. Протекционизм как форма коррупционной деятельности // Булгаковские чтения. 2010. № 4.
6. Коротова А.В. Формы проявления коррупции // APRIORI. Серия Гуманитарные науки Политическая лингвистика. 2018. № 1.
7. Латов Ю.В. Зарубежный опыт противодействия коррупции в полиции // Terra Economicus. 2013 том 11 № 2.
8. Повный Д.А., Лапшина Н.А. Противодействие коррупции в деятельности таможенных органов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 1.
9. Трунцевский Ю.В. О содержании антикоррупционного стандарта поведения государственных и муниципальных служащих // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32.

Bibliography

1. Federal Law № 79-FZ of July 31, 2004 «On the State Civil Service of the Russian Federation». LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Law № 273-FZ of January 13, December 25, 2008 «On Combating Corruption». LRS «ConsultantPlus».
3. Golubovskaya V.Yu., Sinyukova T.N. Foms and types of corruption manifestations in modern Russian society // Political linguistics. 2015. № 2.
4. Grinko S.D. Problems of countering corruption in law enforcement agencies // North-Caucasian Legal Bulletin. 2019. № 4.
5. Izotov M.O. Protectionism as a form of corruption activity // Bulgakov readings. 2010. № 4.
6. Korotova A.V. Forms of corruption manifestation // APRIORI. Humanities series Political Linguistics. 2018. № 1.
7. Latov Yu.V. Foreign experience of countering corruption in the police // Terra Economicus. 2013. Vol. 11. № 2.
8. Povny D.A., Lapshina N.A. Anti-corruption in the activities of customs authorities // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2019. № 1.
9. Truntsevsky Yu.V. On the content of the anti-corruption standard of behavior of state and municipal employees // Bulletin of the Tomsk State University. Right. 2019. № 32.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
 - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
 - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).
9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.
13. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
14. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
15. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
16. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
17. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**